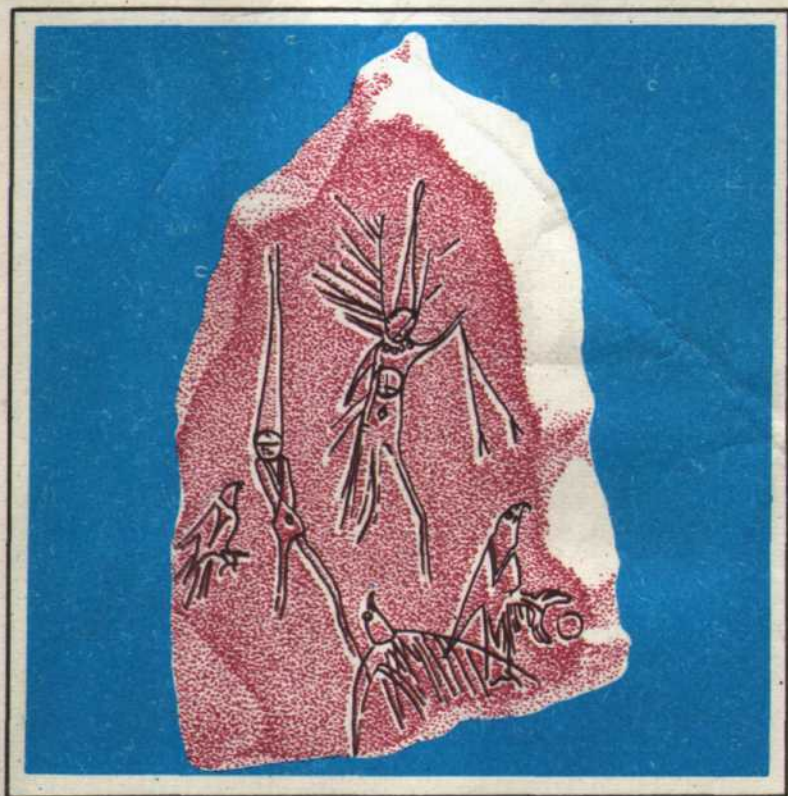

М.Д. ХЛОБЫСТИНА

ГОВОРЯЩИЕ КАМНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Серия «Из истории мировой культуры»

М. Д. ХЛОБЫСТИНА

ГОВОРЯЩИЕ
КАМНИ
Сибирские мифы
и археология

Ответственный редактор
д-р ист. наук В. Е. Ларичев

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

Хлобыстина М. Д. Говорящие камни. Сибирские мифы и археология.— Новосибирск: Наука, 1987.

Книга посвящена вопросам традиционной духовной культуры коренных народов Сибири. Оригинальность сибирских мифов и фольклора, их типологическое единство с мифологическим творчеством народов других регионов земного шара показаны на широком фактическом материале. Прослеживается связь сибирских мифов, легенд, преданий и архаического изобразительного искусства. Предлагается реконструкция некоторых древних памятников.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей культуры.

Рецензенты В. В. Евсюков, В. М. Массон

ОТ АВТОРА

Древняя Сибирь — один из очагов мировой цивилизации. Археологические изыскания, которые планомерно и со все возрастающей интенсивностью ведутся в настоящее время, позволяют раскрыть многие сокровенные страницы истории сибирских народов и их культур. Многогранное творчество древних обитателей севера Азии представлено своеобразными образцами материальной культуры, а также изобразительного искусства монументальных и малых форм.

Археологические памятники — свидетельства экономической жизни, общественного устройства и идеологических представлений минувших веков — требуют при их изучении комплексного подхода. Важное место в культурно-исторической интерпретации подобного рода источников принадлежит мифологии, древнейшей системе воззрений первобытных эпох. Материальная культура древности, особенно в своих художественных образцах, несет отпечаток мифологизированных представлений о природе и обществе. Они охватывают самые разнообразные стороны жизни первобытных коллективов. Поэтому установление взаимосвязи археологического источника и мифа — проблема исключительной важности, требующая комплексного исследования.

Мифы и фольклор — золотой фонд культуры народов Сибири, многих поколений охотников и оленеводов севера Азии. Изучение сибирской мифологии, отличающейся яркой поэтичностью, позволяет включить традиционное творчество народов Сибири в систему непреходящих ценностей мировой культуры.

МИФЫ В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИИ

Археологические находки и мифологические сказания — какова связь между этими феноменами материальной и духовной культур? Древности безмолвствуют, пока их не оживит поэтическая муза мифологии. Она может вдохнуть жизнь в немые свидетельства минувшего. Вот почему, раскрывая взаимосвязь мифологии и археологии, необходимо прежде всего обратиться к мифу как источнику художественной культуры древности.

«Мифы», «мифология» — эти понятия не могут оставить безучастным человека современности. И это понятно, ибо в них сокрыты тайны древних космогоний, истоки поэзии, основы этики и эстетического восприятия жизни, возникшие в сумерках далекой первобытности. Что такое мифы? Обычно под этим греческим термином, означющим «сказание», «предание», подразумевается комплекс фантастических представлений тех, кто создал блестящую греко-римскую цивилизацию. Однако античная мифология с ее поэтическими образами, прославлением идеалов героики и патриотизма — лишь позднее звено в эволюции мировой мифологической системы. Ответы на вопросы, что есть миф и какова его исходная модель, в чем заключается роль мифологии в системе культурно-эстетических ценностей человечества, следует искать отнюдь не в гармоничных образах античной классики, созданных более двух тысячелетий назад, а в бесценных свидетельствах культур первобытной эпохи. Мифология — это древнейшее отражение социальных и идеологических воззрений человечества. Теперь можно утверждать, что она сформировалась не в тиши мраморных храмов, белеющих в тени оливковых рощ. Ее создали палеолитические охот-

ники приледниковых тундр Европы и Сибири, древние племена знойных плоскогорий и долин Африки и Австралии. Пути познания мифологии разнообразны. «Живой» миф можно услышать и сейчас из уст аборигенов укромных уголков Земли. Мифы можно прочесть на глиняных табличках, папирусах, на камне и даже на бронзовых сосудах, обнаруженных в зоне древнейших цивилизаций Ближнего Востока и юга Азии. Наконец, миф можно реконструировать по данным археологии.

Говоря о мифах, следует помнить, что знаменательное единство культуры человечества проявляется, в частности, и в сходстве древнейших мифологических сюжетов, затрагивающих проблемы мироздания и социума. Следует признать существование глобальной в единстве образов и сюжетов мифологической системы.

Возникновение космоса и Земли, человека и животных, кровных в родстве детей единой Природы, создание культурных благ и гармонии в обществе — все это в сознании древних ассоциируется обычно с деятельностью мифологических персонажей. В первобытных коллективах сформировалось самое широкое представление о великих Матерях Природы, постоянно рождающих «новые жизни», о выдающихся культурных героях — подателях основных материальных благ и учредителях социального порядка, а также о творцах-демиургах, «отцах» племен и народов, завершающих дело всеобщего упорядочения.

Представляется возможным проследить и древнейшие, изначальные представления о природе и обществе. Они сохранились лишь в наиболее архаических мифологиях. К исконным относятся представления о некой живой субстанции, заключенной в любом простом или сложном творении Природы. Так, в архаической мифологии нагана полуострова Таймыр такое понимание природных структур ассоциировалось с миром нго, что, судя по всему, означает бесконечную и беспредельную в своих проявлениях Природу.

Понимание человека как органично входящего в систему Природы существа привело уже на древнейших этапах развития культуры к возникновению мифологического понятия «тотемизм». Это — представление о происхождении человеческого коллектива от соответствующего животного, растения или даже космического персонажа. Вначале представление о «тотемном родстве» («тотем» на языке индейцев-оджибве означает «его род») было весьма

многосторонним. Множество родственных связующих нитей между человеком и различными объектами животного и растительного миров прослеживается в архаических мифах папуасов мариинд-аним с острова Новая Гвинея. В них действуют демоны — мифические существа, представители различных видов животных и растений, постоянно контактирующие с людьми.

Миф в эпоху первобытности и позже, в пору развития традиционных культур, был основным инструментом для объяснения строения Мира. Он, по выражению Карла Маркса, выступал как «природа и сами общественные формы, уже переработанные бессознательно-художественным образом народной фантазии» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 12, с. 737).

Возникновение мифов теряется в глубинах многотысячелетней истории человечества. Древнейшие мифологические представления в достаточно прочно устоявшейся форме существовали уже в эпоху верхнего палеолита (35—20 тысяч лет до нашей эры) Старого Света, что нашло отражение в изобразительном искусстве. Образы его, бесспорно, навеяны мифотворчеством первобытных охотников на мамонтов. Мифология и изобразительное искусство — два выдающихся и тесно взаимосвязанных друг с другом явления первобытной культуры. Они — закономерное порождение развития самого человека, а также социальных и идеологических структур общества. В мифах и искусстве отражалось самосознание первобытных коллективов и осмысление места человека в системе природных и социальных ценностей.

Многоцветие мифологий мира отнюдь не хаотично по сюжетам. Выделяется несколько типов мифов, принципиально сходных по тематике. Одни из древнейших — этиологические мифы. Через них человек пытался объяснить окружающий мир и явления природы. Особенно много таких мифов в архаических мифологиях мира.

Космогонические мифы повествуют о разных (очевидно, из-за сложности самого сюжета) версиях происхождения Земли и Вселенной. Эволюционная традиция предполагает развитие Мира из первоначального хаотического состояния; креационная — раскрывает его творение. Древнейшие космогонические мифы исходят из понимания природного объекта как феномена только определенной этнической общности и племенной территории.

Мифы о происхождении людей — антропогонические.

В ранних мифологических версиях повествуется о происхождении локального этноса. Человека определенной этнической принадлежности «рождает» Мать Природы или создает Первопредок (часто зооморфного облика) из бесформенной массы, лепит из глины, иногда «доделивает» из аморфного состояния. Изредка (как можно подумать, в невольном озарении стихийного рационализма первобытного «философа») предок человека мыслится обезьяноподобным.

Часто в самоназвании народности отражалось древнейшее представление о сородичах, которые противопоставлялись людям со стороны, чужакам. Подобное самоназвание звучит как «человек», «настоящий человек». Именно подобным образом раскрывается этимология самоназваний народов в одной из разновидностей антропогонических мифов — этногонических. В них-то и повествуется об истории формирования этноса. По архаическим антропогоническим и ранним этногоническим мифам можно проследить реальные пути расселения первобытных охотников. В них, например, зафиксированы пути миграции древних австралийцев при освоении Пятого континента. Поздние этногонические мифы, как правило, воссоздают даже конкретные эпизоды этногенетического процесса. Так, мифы сибирских народов — иганасан, энцев, селькупов, а также кетов, хантов и манси — оразили их древнюю миграцию из более южных регионов Азии. В мифах палеоазиатских народностей северо-востока Сибири содержатся сведения об их переселении на побережье океана из материковых тундр. Местное население этих территорий, освоенных человеком еще на исходе каменного века, смешалось с пришельцами с юга и запада. В результате здесь сформировались весьма характерные культура и мифология. В свете сказанного становится ясно, что для народов архаических культур, которые ввиду удаленности от древнейших очагов цивилизаций и неблагоприятного воздействия экстремальных природных факторов не обладали собственными историческими хрониками, мифологические источники приобретают исключительную познавательную ценность.

Фольклор — устное народное поэтическое творчество — своеобразный пограничный жанр между мифологией и древнейшими формами литературы. Он включает многоцветную палитру ярких поэтических жанров: сказки (мифологические, волшебные и бытовые), архаический

эпос, героико-фантастические эпические сказания. Миф во многом отличается от сказки и эпоса, отражая различие исторических и социальных условий, в которых они создавались. Миф — реальность и эталон поведения для его создателей. Сказка же воспринимается как фантастика. Миф — идеологический феномен, проявляющийся в разнообразных культурных формах. Сказка и эпос чаще всего повествовательны. Мифические персонажи никогда не преследуют личных целей. Они действуют исключительно в интересах «своего народа», а нередко и «всего человечества», понимаемого, естественно, в конкретных, временных и пространственных рамках первобытности. Герои мифов ставят и решают глобальные проблемы: устройства мироздания и социума. Напротив, герои сказки и творцы. Они борются с врагами своего этноса, добывают блага исключительно для родственного круга.

Примечательна анонимность произведений мифологии и фольклора. Она не случайна, ибо отражает творческие потенции всего коллектива. Следует иметь в виду, что мифы и фольклор отнюдь не представляют собой зеркального отражения первобытных обрядов и ритуалов, как порой утверждается. Наоборот, прежде всего сама по себе мифологическая повествовательная канва послужила основой для сложных по смыслу пантомим, а также таинственных в многозначительности общественных обрядов типа инициаций, в ходе которых юные поколения посвящались в клан взрослых. Яркие театрализованные мифологизированные первобытные драмы повествовали, как правило, о далеких мифических правременах, так называемом времени Сновидений, как его определяли австралийские аборигены. Во всех этих первобытных «культовых» представлениях было и очевидное рациональное зерно: именно так в ходе впечатляющих действий осуществлялась передача самого сокровенного содержания традиционных основ культуры, закрепляясь в сознании каждого члена общества основной фонд непреходящих духовных ценностей этноса.

Очевидный синкретизм мифологии как своеобразной и сложной по компонентам идеологической системы первобытности привел в конечном счете к тому, что она стала древнейшей предшественницей изобразительного искусства и театра, фольклора и литературы, а также филологии. Догмы основных мировых религий — христианства, буддизма и исламизма — уходит своими древней-

шими, а потому потайными корнями в представления первобытной мифологии. Бродячие проповедники, которые открывали простодушным людям мнимые «истины» новых религий, еще не подернутых на первых порах ржавчиной лицемерия и корысти, весьма напоминали по своим легендарным и «великим» деяниям древних культурных героев, носителей духовных и культурных благ.

В верованиях народов долго бытовала так называемая низшая мифология — вера во всевозможных духов, фантастических существ вроде русалок и домовых русских сказок. В аборигенных культурах Сибири это соответствовало периоду господства шаманских представлений, система которых превосходно прослеживается в эпоху средневековья. Но время возникновения шаманства восходит по крайней мере к рубежам бронзового и железного веков, когда широко распространяются эпические фольклорные традиции. Мифология как форма общественного сознания к этому моменту стала изживать себя.

Мифофольклористику и этнографию можно назвать взаимопроникающими науками: настолько тесно переплетены предмет, объект и методы исследования этих родственных дисциплин. Анализ мифологии и фольклора органично вписывается в изучение культуры, искусства, быта в рамках определенной этнической общности, составляющее сферу этнографических изысканий. Таким образом, мифофольклористика неотделима от этнографии, которая рассматривает различные традиционные формы культуры. При изучении мифологии особенно важно обращаться к разделам этнографии, касающимся вопросов происхождения культуры, ранних форм творческой деятельности аборигенных племен.

В этой же сфере этнографического поиска находятся и точки соприкосновения с археологией. Ведь археологические реконструкции социальной и идеологической сторон культуры невозможны без этнографических параллелей. Равным образом миф, мифологизированная сказка, архаическое эпическое сказание, народная баллада в историческом и культурно-социальном аспектах своей интерпретации выходят на этнографические и археологические аналогии.

Археология — наука о древностях, нашедших воплощение в разнообразных по формам предметах материальной культуры. В современной науке о первобытности

утвердились термины «артефакт» — изделие рук человека и «экофакт» — природный феномен. Если артефакты — это находки с древних поселений или, допустим, инвентарь погребений, то экофакты — костные остатки. Материальные свидетельства прошлых эпох представляют собой определенную знаковую систему, которая требует расшифровки и воссоздания в рамках экологической и социальной среды.

Археологические источники подразделяются на три крупных комплекса, отражающих важнейшие аспекты жизни первобытных коллективов: жилища (раскрывают производственно-бытовую сферу жизни предков); погребения (содержат богатейшие свидетельства обрядово-ритуальной деятельности) и предметы изобразительного искусства монументальных и малых форм (в них сокрыто духовное и интеллектуальное начало мира прошлого). Две последние категории археологических источников наиболее важны для реконструкций. Мифологическое содержание закодировано в свидетельствах материальной культуры древности, и все дело заключается в том, чтобы понять его в ходе специальной расшифровки. «Соединяя миф и вещь, мы тем самым как бы восстанавливаем реально существовавшее в истории культуры единство», — констатирует известный советский фольклорист Б. Н. Путилов.

Мифология — мировоззренческая категория. Она находит проявление в самых неожиданных на первый взгляд формах духовной и материальной культуры древности. Однако мифы различных типов не равнозначны и с разной степенью полноты отражают производственную, социальную и культурную деятельность первобытных коллективов, и потому в материалах по археологии могут быть скудные свидетельства по отдельным сюжетам, а то и лакуны. Но ряд археолого-мифологических параллелей касается узловых моментов социальной и культурной истории первобытно-общинной формации, и здесь материал относительно обилён. Так, мифологическая модель мира многих народов традиционной культуры, в том числе сибирских, содержит архаические представления о женщинах-созидательницах, Матерях Природы. Генетически подобные персонажи восходят к верхнему палеолиту (более 30 тысяч лет до нашей эры). Они отражают культ всеобщего плодородия, и потому археологи связывают с этой идеей многочисленные статуэтки женщин.

Мифы о происхождении людей содержат представления о существах аморфного облика, их «доделывают» культурные герои или демиурги-созидатели. Они известны в мифологиях Скандинавского полуострова, Сибири и восходят в своем истоке — к каменному веку. Не случайно, очевидно, что в погребениях людей сферы культуры эпохи неолита и раннего бронзового века в тех же районах обнаруживаются так называемые эмбрионы, скульптурки аморфных форм. Широчайший мифологический пласт, связанный с глобальными мифами о культурных героях, получил отражение в эффектных погребениях вождей и жрецов, которых сопровождают в гробницах несколько жен. Мифические прототипы тоже обычно имели не одну, а множество жен.

Реконструкция и моделирование мифологических структур по археологическим источникам — перспективное направление изучения как сибирских, так и иных древностей. Чем структурно-генетически архаичнее и хронологически древнее явление социальной или духовной культуры общества, тем меньше фактов о нем сохраняется в сферах материальной и идеологической структур. Мифологические реконструкции, археологические раскопки, этнографические изыскания дают возможность, используя фрагментарные свидетельства, комплексно воссоздать ряд фундаментальных, а также культурно-локальных явлений первобытности. Уяснить соотношение первобытной культуры с современной, а тем более с так называемой традиционной, присущей, как правило, малым народам, — проблема большой социальной и идеологической значимости.

Экологическая специфика Сибири, ее относительная удаленность от древнейших центров цивилизаций способствовали созданию своего рода огромного консерванта древнейших форм культуры человечества, в частности мифотворчества. Сибирские мифологии и фольклор иллюстрируют такие ранние, генетически близкие к исходным, структуры жанров, поэтики и даже лексики, которые лишь по крупицам удастся обнаружить в других регионах земного шара.

Традиционные культурные формы с их глубочайшими историческими и хронологическими истоками поддерживались архаической палеоэкономикой. В заполярной зоне господствовала изначально пещная охота на дикого северного оленя. Эта исконная форма хозяйствования много-

тысячелетней давности предшествовала, а позднее сосуществовала с оленеводством, с которым познакомили коренных обитателей Заполярья мигранты с юга. Мифология сохранила древнейший пласт представлений каменного века, сформировавшийся у древних охотников задолго до установления таких контактов, очевидно еще в мезолите и ранее. Именно тогда были заселены предками нганасан, ненцев, юкагиров и палеоазиатских народностей тысячекилометровые тундровые просторы, так называемая циркумполярная зона севера Евразии. Подобным же образом «вечные скитальцы тайги» эвенки (тунгусы), хозяйственный уклад которых представляется столь сходным с экономикой и бытом охотников Забайкалья и Восточной Сибири эпохи неолита и раннего бронзового века, бережно сохранили мифологические образы древних кочевых пратунгусских племен.

Кеты — совсем маленький народ, рассредоточенный по долинам притоков Енисея на севере Красноярского края. Их традиционные занятия — рыболовство, охота... Но у этих людей, затерянных своими историческими судьбами в таежных чащобах, мифологические образы обладают неожиданной для глухого края поэтичностью и яркостью характеристик, а аналогии им можно обнаружить у далеких индейских племен Северной Америки. Происхождение кетов, их этническая история до сего дня составляют предмет оживленных научных дискуссий.

Мифы и фольклор Сибири демонстрируют яркую палитру жанров. Разновидности мифофольклорного творчества в традиционной культуре нганасан полуострова Таймыр подразделяются самими рассказчиками с удивительной точностью. Так, мифы о Вселенной и Земле — ядро их мифологической космогонии — составляют особый цикл. Это не шаманские ситтабы, в которых действия архаических женских персонажей связаны с материнскими силами Природы. Они отличаются, как подчеркивают сами рассказчики, и от фольклорного цикла шаманов — нготатамы'а, повествующего о возникновении Мира, в котором действуют духи мужского пола и основные перипетии повествования обусловлены борьбой различных фантастических сил. В мифологическом цикле изложение ведется спокойно, в повествовательной форме, в фольклорном — проявляются начатки драматических конфликтов. Ситтабам противостоят дюрумо — бытовые рассказы,

Разнообразен по жанрам фольклор ненцев. Помимо наиболее распространенных эпических произведений, архаичных сюдбаб и более поздних яраб, рассказываются вадако — сказки (буквально — «словечко»). Некоторые из сказок о животных, обитающих в тундре, обнаруживают явно мифологическое происхождение. К ним относятся сказки «Почему Гагара ходить не может», «Почему рыбы живут в воде» и многие другие.

Многообразно устное художественное творчество эвенков, народа с развитым поэтическим воображением. Сказки, героические сказания, родовые предания, легенды, шаманские песни и песни-импровизации — таковы его жанры по представлениям самого народа-автора. Как видим, сами эвенки создали стройную, иерархически соподчиненную систему мифофольклорных жанров, объединив, в частности, термином «нимнакан» наиболее архаичное, мифологическое звено: мифы, мифологизированные сказки и песни-импровизации. Икэн, песня-импровизация, создавалась в ходе соревнования охотников-воинов. Со временем она стала плясовой, ее исполняли в знаменитых тунгусских многочасовых ночных хороводах, в которых участники подражали поступи оленя. Вариантом этого танца был хоровод «животных и птиц»: в круг выходили девушка-«важенка» и юноша-«бычок»... Очевидна архаичность такой охотничьей пантомимы. В ней просматривается отблеск древней пантомимической плясовой песни, искони связанной с нуждами первобытного производственного цикла. Эстетическая сторона этого театрализованного действия всецело подчинена магическим целям.

Первобытная магия тесно связана с одухотворением, фетишизацией природных объектов — гор, камней, деревьев и прочего, вплоть до разных мельчайших предметов. Фетишизм входит в архаичный комплекс представлений человека первобытности, и он, очевидно, существовал уже в домифологическую эру, у неандертальцев среднего палеолита (за 120 тысяч лет до нашей эры). Войдя органичной частью в систему мифологических представлений, фетишизм оказался необычайно стойким явлением сознания.

Миф отражает, хотя и в своеобразной форме, конкретную стадию социального развития того или иного этноса. Следовательно, сравнения между мифами народов мира нужно проводить по стадияльному, но не по территориальному и хронологическому признакам. Неравномерность исторического развития привела к тому, что нередко весьма отдаленные друг от друга народы обнаруживают существенные параллели в своем мифотворчестве. Отсюда возникает необходимость сравнения древнейших мифологий Сибири с архаическими мифологиями Австралии, Африки, Северной Америки. Только таким путем можно включить сибирские мифы в общее русло развития мифов мира.

В верхнем палеолите, около 30 тысяч лет назад, происходила своего рода материализация мифических образов — на основе мифологии возникло изобразительное искусство. Примечательно, что этот процесс археология фиксирует повсеместно — в Сибири, в Восточной и Западной Европе, Африке, Австралии. Обширные семантические аналогии сибирских материалов буквально «подстерегают» исследователя за каждым поворотом прихотливой дороги научного познания. Так, мифы и археология открывают тайны древнейшей Сибири,

Глава I

МНОГОЛИКИЕ СЕСТРЫ ЗЕМЛИ

Матери и красавицы,
Родные долины. Матери оленей,
Привет вам!
Вы. Матери.
Напийте досыта
Моих оленей!

Из заклинания шамана

МАТЬ ДНЕЙ И НОЧЕЙ

Женщина... Ее поэтический образ возник у истоков культуры человечества. Колыбельная песнь матери рождала героев, славных трудом первооткрывателей, защитников отчей земли... Многоликие женские образы известны в мифологии и навеянном ею изобразительном искусстве верхнего палеолита: пластике, графике, живописи многотысячелетней давности. Они нашли отражение и в мистической символике искусства Древнего Египта, и в холодной красоте античной классики. Красочная раскованность культуры европейского Возрождения, провозгласившего идеал Женщины, матери и мыслительницы, сохранила вечных Мадонн с лицами итальянских крестьянок и аристократок. Русские иконописные школы завещали отечественному искусству исконные славянские традиции задушевности и тонкой лиричности женских образов. История цивилизации не могла пройти мимо этого всегда немного таинственного образа, воплотившего Красоту и Надежду нашего беспокойного мира. Все возрождающаяся цепь человеческих поколений неизменно помещала образ Женщины на гребень волн океана мировой культуры.

Попытаемся проследить древнейшие истоки женских образов сибирских мифологий, их мировые аналоги и археологические параллели. Образ Женщины сибирских мифологических систем впечатляет конкретностью реалистичных в своей глубинной основе характеристик. Он был близок и понятен людям традиционных культур. Образ женщины фигурирует во всех мифофольклорных жанрах богатейшей сокровищницы сибирских мифоло-

гий. Он составляет структурно стройную систему, продолжающую плодотворный процесс поэтической эволюции и в наши дни. Женщины — героини как мифов, так и эпических поэм. Они выступали монументальными Матерями Природы, великими демиургами-космогонами, лукавыми хозяйками животного и растительного миров, эпическими богатыршами-амазонками, а также легендарными невестами героев-богатырей. Носителями традиционной, тем более первобытной, культуры все они представлялись реально существующими феноменами окружающей действительности.

Каков же наиболее архаичный пласт в мифологиях разноликих аборигенных культур Сибири? Можно выделить особый комплекс представлений о Матерях Природы, с наибольшей отчетливостью сохранившийся в мифах охотников на дикого северного оленя тундровой зоны Евразии. Земля-Мать — Моу-Нямы — в представлениях нганасан была живым существом, некогда родившим и продолжающим рождать все живое, то же ею осуществлялось через других Матерей Природы. В архаических мифах она отождествлялась с гигантской Оленихой. Поскольку дикий северный олень был главным объектом охоты и давал основные жизненные блага аборигенам Заполярья, не удивительно, что именно его образ увязывался мифологизированным сознанием древнего человека с основной природной субстанцией — Землей. Примечательно, что представление о внешнем облике этого ведущего мифологического персонажа было образным во всей циркумполярной зоне. Вот одно из описаний Земли-Матери, зафиксированное в наши дни со слов восьмидесятилетнего нганасана, предки которого некогда принадлежали к роду Ленанчер. «Моу-Нямы — Земля-Мать шкуру держит. Как Коу-Нямы — Солнце-Мать весной близко подойдет, линият шкура. Уходит снег, тепло его гонит. Старый мех на теле Моу-Нямы — старый мех, трава вылезает, а новый мех растет». В этом мифе природно-календарные циклы представлены через прямые аналогии с жизнью животного и растительного мира тундры, которая издревле в мельчайших деталях наблюдалась ее обитателями.

В более поздних мифологических представлениях Земля-Мать приняла антропоморфный облик: «Она — Старуха, одета в мех, лес — ее волосы...» Однако и в образе огромной Оленихи (реже Лосихи лесотундровой зоны),

и в образе Старухи Земля-Мать мыслилась как родительница всех людей. Из нганасанского мифа о первых людях узнаем: «Из яра над рекой два комка земли обвалились. Эти комки людьми стали. Один вверх по реке пошел... Здесь человек шестовой чум сделал, лук сделал. С луком он диких оленей ожидал... Люди не с неба упали, а Моу-Нямы их родила из яра». Это древнейшее представление о непосредственном рождении людей Землей.

В мифе о мироздании сказано: «Давно, когда Земля рождалась, она чистой была. Людей не было. Травы на Земле не было. Земля была один голый лед... Вести есть: где-то есть Женщина. Все живое там у нее есть. Эта Женщина всему имеющему глаза, и ползающим червям, и летающим птицам — Мать. Все люди на Земле от Моу-Нямы рождены. Всем Земля кормит людей». Это — более позднее мифологическое представление, в котором образ Женщины-Матери несколько обособлен от образа самой Земли.

Постоянно наблюдаемые возрастные изменения живых существ, приводили людей к мысли о том, что в начале мироздания Земля была маленькой, а затем она стала понемногу расти. О давно прошедшем говорили: «Земля еще только становилась». О будущих же событиях оптимистично восклицали: «Вперед, вперед, когда Земля будет большой, когда ребят будет много рождаться!».

Именно с образом Земли-Матери у народов тундры связывалось понимание сущности живых существ. Так, у нганасан все живое обозначалось как дямада — «имеющие горло» — либо сеймиде — «имеющие глаза». «Сейме», «глаза», у нганасан называется любой эмбрион, зародыш будущей жизни. Глаза же родила именно Земля-Мать. Восьмидесятилетняя нганасанка так объясняла этнографу процесс зарождения жизни: «Моу-Нямы — Земля-Мать много глаз в себе носит. Как баба ли, олень ли, собака ли пустая будет — им в брюхо кладет. Песцам кладет, волкам, оленям, бабам всем, рыбам, гусям имеющим горло, дямада — всем кладет...».

Подобные представления, навеянные мифологическим миропониманием первобытности, известны и у некоторых племен Центральной Австралии. Так, австралийки-аранда полагали, что рождением своего ребенка они обязаны тотему, вблизи места обитания которого им случилось оказаться.

Мифологические представления первобытности, лежащие в основе традиционных аборигенных культур, поражают своей образной конкретностью. Так, по мифологическим представлениям иганасан, касающимся плодородия структуры Земли-Матери, в «теле Земли» есть некая брешь, через которую эта Всеобщая Мать вкладывает глаза-зародыши во все живое. Именно таким образом Земля через обычную земную женщину производила на свет ребенка. По древнему обычаю иганасан, объявляя пол новорожденного, произносили: «Земля-Мать глаза родила парня (или девушки)-глаза». Примечательно, что та же мифологическая формула использовалась, когда речь шла о представителях небогатого животного мира тундры. Этим подчеркивалось единство всех живых существ в Природе. Множество мифических Матерей, каждая из которых порождает один из объектов охоты насельников тундры, также рождены Землей. Это Дикий Олень-Мать, Домашний Олень-Мать, Горноста-Мать, Песец-Мать, Волк-Мать и многие другие.

Земле приписывалась способность непосредственной передачи жизнестойкости живому существу, в том числе человеку. Известен обряд на древнем празднике в честь Земли-Матери: люди снимали с себя металлические украшения и клали их на землю, чтобы они пропитались ее «силой» и затем передали ее их обладателям.

Солнце-Мать — Коу-Нямы — один из основных и древнейших образов в мифологии иганасан. Если Земля мыслилась как рождающее начало, то Солнце представлялось постоянно поддерживающим жизнь. Подобно Земле-Матери, Солнце-Мать выступала в образе гигантского космогона. Традиционное обращение иганасан к этой Великой Матери Природы звучит как торжествующий гимн: «Солнце-Мать, покажись, нам радость принеси. Если будем хорошо жить, то свети, Солнце, ярко!». Именно с почитанием Солнца связаны два древних коллективных праздника. Один проводился с появлением светила после многомесячного мрака полярной ночи. Наступал Новый год, и Солнце-Мать «кормили», отдавая ей ее долю — домашнего оленя: «Солнце-Мать, твой пай!». Другой праздник, Большой День, совпадал с летним солнцестоянием. В это время проводились игры, связанные с проверкой готовности молодежи к вступлению в брак, умения вести охоту и исполнять общественные обязанности. В играх участвовала молодежь обоего

пола, что указывает на глубокую архаичность праздника. Примечательно, что Большим Днем руководила самая старшая из женщин. Ее почтительно именовали Матерью всех людей. В древности она, очевидно, мыслилась мифической Прародительницей, одной из Матерей Природы. Игры во славу Матерей Природы демонстрируют выразительные примеры мифологического миропонимания. Оно проявлялось в символике игр и пантомим, широко распространенных у многих народов Сибири.

По представлениям иганасан, Солнце-Мать — Коу-Нямы — женщина, ожидающая ребенка. Ее космическая природа проявлялась в том, что она ездила по Небу на собственном аргоне — с караваном упряжных оленьих нарт. Это представление не может быть древнейшим, поскольку оно возникло не ранее эпохи одомашнивания оленя. Жилище Коу-Нямы — чум в виде спального мешка, который находился на Солнце.

Миф отражал жизнь и быт народа тундры. Поэтому у иганасан, например, «Солнце — женщина. Весною Земля новую шкуру держит, все зеленое — от Солнца родилось. Коу-Нямы жалеет народ, не дает умереть...» Когда же весною тает снег и обнажается земля, то это «Бабушка Моу-Нямы принимает роды у Коу-Нямы, дающей лето. Потом она умывает и причесывает Солнце, Коу. Опавшая хвоя — это ее волосы».

Представление о непосредственной причастности Солнца к человеческой жизни вошло и в энические формы иганасанского фольклора с их типичной военной тематикой. Любопытен обычай, связанный с запретом убийства человека или оленя в темное время суток. Солнце-Мать как покровительница жизни, не одобрявшая смерть вообще, особенно «сердилась» во время военных межплеменных схваток. Очевидно, подобные представления были в древности распространены очень широко. Обычай, призывающий воздерживаться от уничтожения врага в темноте, ночью, известен у средневековых скандинавов и даже у норманнов эпохи викингов. Упоминание о нем содержится в уникальных хрониках жизни и быта — знаменитых исландских сагах. Однако подобный обычай соблюдался не столь неукоснительно: мудрый бонд Ньяль в X веке («Сага о Ньяле») и великий поэт Исландии XIII века Снорри Стурлусон — оба погибли на своих хуторах именно ночью. Все это можно рассматривать как выразительный пример того, как древнее ми-

фологическое представление постепенно превращалось в обычай или ритуальную норму, которые переходили, в свою очередь, в установку поведения.

«Солнце-Мать, твоим теплом нас согрей! Пищу твоим теплом нам дай!» — так звучат традиционные формулы-просьбы юкагиров. Аналогичные «обращения» к Матерям Природы бытовали также у других охотников заполярных тундр: нганасан, энцев, ненцев, саамов. Они весьма примечательны как в лексическом, так и в семантическом отношении. Возможно, именно с таких предельно лаконичных по структуре, но емких по содержанию «обращений» к объекту примитивного культа зарождалась разветвленная система мифофольклорных жанров.

Не мистический порыв, не схоластическое любованье потусторонними силами Природы или религиозный экстаз обусловили возникновение мифологии как архаической мировоззренческой системы первобытности. Основой были вполне реальные, насущные потребности людей древних эпох. Следовательно, факторы экономического порядка вызвали к жизни мифотворчество, а затем и религиозные системы. Они же на определенной фазе эволюции создали социальные и идеологические условия возникновения мифофольклорного поэтического комплекса.

Луна-Мать — Кичеда-Нямы, подобно Земле и Солнцу, относится к космогоническим, мифологическим по характеру персонажам. Однако она, по воззрениям нганасан, не принимает участия в создании Мира, то есть не считается творцом-демиургом. После появления людей Луна-Мать стала отмерять сроки рождения детей, что, заметим, связано с вполне реальной подосновой, весьма примечательной с точки зрения продолжительности беременности, — длительностью лунных циклов. Луна-Мать — главная покровительница женщин, а потому она уважительно именуется Старшей Сестрой Матери (Земли). Более ранняя функция Луны, по представлениям нганасан, заключалась в «держании нитей жизни». Эти мифические нити якобы тянулись к нескольким народам: самим нганасанам (ня), русским (леса), ненцам (юрака), тундровым энцам (сомату), чукчам (сюпся). «Кивые глаза без этой нити не родятся!», «Теленок даже у оленей без Луны не родится!» — говорили нганасаны, объединяя процесс воспроизводства как представителей животного мира, так и людей.

Диски и полумесяцы из белого и зеленого нефрита, которые в изобилии находят археологи в погребениях глазковской культуры Прибайкалья конца II тысячелетия до нашей эры, представляют собой, вероятно, изображения Луны. Археологические памятники позволяют установить время почитания этого древнего мифологического персонажа, истоки возникновения которого теряются в глубинах тысячелетий.

В архаическом пантеоне Матерей Природы нганасан Вода-Мать — Быдэ-Нямы — занимала значительное место. В числе других важнейших «рождающих начал», таких как Огонь-Мать и Дерево-Мать, она мыслилась производной от Земли: реки — вены Земли, по ним течет ее кровь; в воде — рыба, выпущенная туда Землей-Матерью и ставшая желанной пищей для обитателей Арктики. Вместе с тем Воды-Матери придавали настолько большое значение, что ее наравне с Землей и Солнцем называли «сама себе хозяйка». К Быдэ-Нямы обращались преимущественно при покое оленей: ее просили задерживать плывущих животных, помочь добыть их копьем или луком. Связь культа Воды-Матери с добычей дикого северного оленя позволяет отнести возникновение этого образа к древнейшей эпохе истории народов Севера, когда формировалась культура пещерных охотников каменного века. В те далекие времена считалось также, что Вода-Мать помогает при ловле рыбы. Земля-Мать, как уже говорилось, родила «глаза рыб» и вложила их в «тело» Воды-Матери. Поэтому Землю просили родить «побольше рыбы», а Воду — поспособствовать ее ловле.

Вода-Мать — Быдэ-Нямы — в антропоморфном облике представлялась живущей далеко на Севере, «за морем». «Там она восседает на возвышенности. Когда Быдэ-Нямы хлопает в ладоши — идет дождь, когда потряхивает головой — идет снег, а от ее дыхания возникает туман. Гагара — ее сестра...» Такое родство понятно, в воззрениях нганасан именно Гагара, а также Утка непосредственно участвовали в освобождении суши от бескрайней воды — Мирового Первоначального Океана. «Давно Земля была, Вода ее закрыла, — говорится в древнем космогоническом мифе. — Реки, озера были. Нгангодя Утка есть, товарищ Гагары Ноаны. Утка и Гагара по воде ходят, не знают, где сесть. Земли нет. Утка говорит Гагаре: „Гагара, Землю ищи под Водой, найди и принеси. Может, Вода кончится, Земля будет. Может,

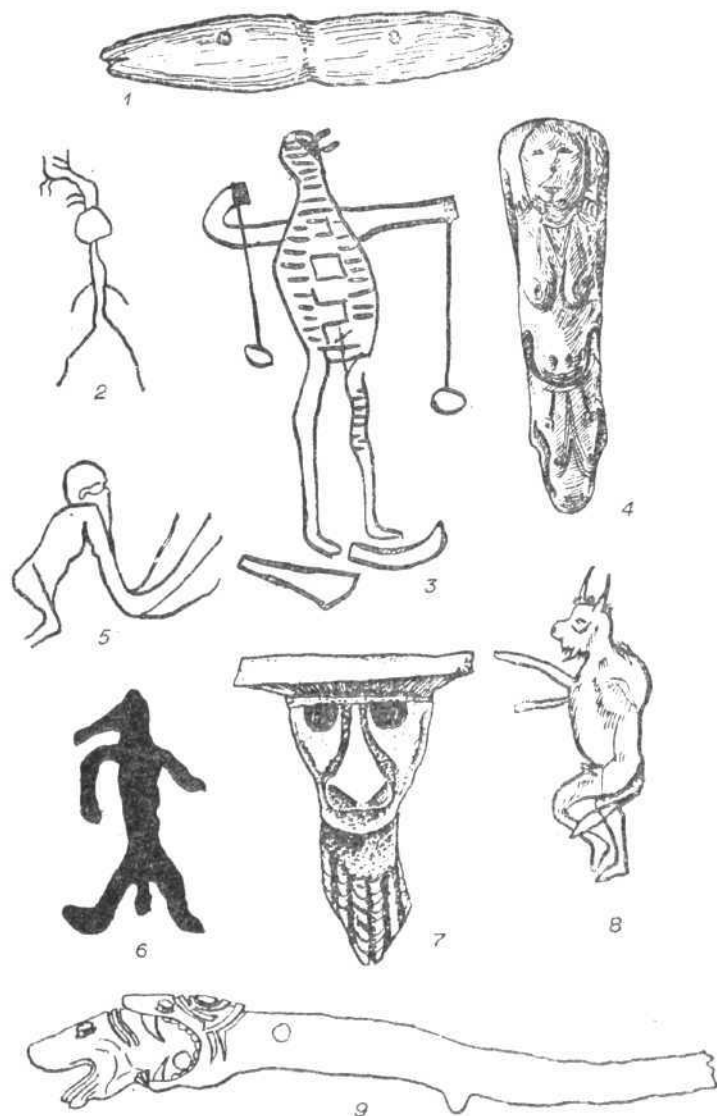

Рис. 1. 1 — иусовидная рыба, скульптура (Прибайкалье, неолит); 2 — культурный герой иганасан Дайбан-шо — Человек-Олень, гравюра (полуостров Таймыр); 3 — Небесный Лыжник, гравюра (Приуралье, бронзовый век); 4 — Моржиха Седна и Мать Моря (полуостров Чукотка, железный век); 5 — человек-молот, гравюра (пе-

щера Колэмбьер, Франция, верхний палеолит); 6 — человек-птица, писаница (Забайкалье, бронзовый век); 7 — герой селькупов Кандальдук — Человек-Месец, рельеф (Приобье); 8 — человек-бизон, гравюра (пещера Три Брата, Франция, верхний палеолит); 9 — желез со змеей, скульптура (Южная Сибирь, бронзовый век).

По воззрениям древних, осень наступает тогда, когда Быдэ-Нямы закрывается одеялом (льдом) и ложится спать на всю зиму. «Когда она закрывается с головой — лед замерзнет, реки встанут». Весной, когда вода стремится вниз по реке, иганасане говорят, что «Вода пошла к своей Матери в море». О Воде и с Водой-Матерью говорили как с живым существом. Иногда Вода-Мать «села» людей, брала свою «долю» благ Природы. Поэтому, согласно широко распространенным в традиционных культурах представлениям, спасение погибающих в воде не одобрялось. Если же человека спасали, то за его жизнь, возвращенную Матерью Природы, Воде полагалось отдать «най» в виде собаки или домашнего оленя (дикий олень, как «сын Земли», не мог быть жертвой). Иганасане полагали, что Вода-Мать брала себе не только утонувшего, но и замерзшего человека. Его «делили» между собой сразу три Матери Природы — Вода, Пурга и зловещая Мать Подземного Мира — Сырада-Нямы.

В многочисленных погребениях неолитической эпохи Прибайкалья обнаружены очевидные свидетельства существования культа Воды: сделанные из камня или кости разнообразные по форме и стилю скульптурки рыб. Особо примечательны двуголовые, янусовидные изображения. Они явно передают в скульптуре образ некоего мифологического существа (рис. 1, 1). Детальная семантика подобных изделий затмевена давностью времени, однако можно предполагать, что каждая из таких рыб была «долей», отдаваемой Воде-Матери или не исключено, самим воплощением Матери Природы. Этот персонаж мог сопровождать в «мир мертвых» таежных рыбацких каменного века.

Дерево-Мать — Хуа-Нямы, подобно Воде и Огню, отнеслось, по представлениям иганасан, к числу трех

щера Колэмбьер, Франция, верхний палеолит); 6 — человек-птица, писаница (Забайкалье, бронзовый век); 7 — герой селькупов Кандальдук — Человек-Месец, рельеф (Приобье); 8 — человек-бизон, гравюра (пещера Три Брата, Франция, верхний палеолит); 9 — желез со змеей, скульптура (Южная Сибирь, бронзовый век).

важнейших «рождающих начал», производных от Земли, но действующих самостоятельно. Древесина в условиях тундры ценилась особенно: из нее делали шесты чума, нарты, утварь. Согласно мифологии, дерево — «пища» костра и очага. Этим объясняется тесная связь мифологических образов Дерева и Огня: они «дружат». Считалось, что первый Огонь получили некогда от Березы. Согласно мифологической концепции всепроникающих материнских сил Природы, деревья были живыми существами. Они разнополюс: на «мужчине» — сук, на «женщине» — дупло. «Холостые» деревья стоят обособленно. Срубая дерево, люди объясняли Хуа-Нямы цель порубки. Одушевленными представлялись также все шесты чума: это «мужики, которые крепко стоят». Главный шест — «отец», были и шесты-«матери». К особым, священным шестам привязывались культовые изделия — койка. При изготовлении культовой нарты для перевозки койка при перекочевках брали «разнополюс» деревья и обращались к Дереву-Матери: «Хуа-Нямы, забирай моих койку на солнечную сторону. Пусть они меня поддерживают, помогают! Дерево для маталира (погребального чума), не расти!». Все деревья мыслились дочерьми Земли. Подобно Воды и Огню, они выступали наиболее близкими субстанциями для человека традиционной культуры Севера. Потому и отношение к ним было несколько другим, чем к великим демиургам-космономам, творцам Мира. Про Дерево-Мать говорили: «Хуа-Нямы совсем близко здесь, она — товарищ наш!».

В традиционной культуре тундровых народов прослеживается такое любопытное явление, как привоз из зоны лесотундровых сезонных кочевков на Север особых деревьев, которые объявляли «священными». В этом проявлялся распространенный культовый принцип: священо то, что редко. У ненцев таким деревом была завезенная на Ямал лиственница, «светлая». Именно из нее ненцы изготовляли большую часть культовых предметов. Таким образом закреплялась функциональная связь между материалом и изготовленным из него изделием, носящая культовый характер: оба они обладали взаимопроницающими сакральными свойствами.

Ненецкая пухуця — Старуха, «помогающая» в оленеводстве. Изначально по смыслу, очевидно, архаичная Мать Природы. Ее личины вырезались прямо на деревьях. Ненецкие седая — деревянные остроголовые куль-

товые изделия — часто располагались на «священных местах» рядом с приношениями — оленьими рогами. В этом проявилось тесное переплетение представлений о взаимосвязи Земли, Дерева и «детей Земли» — диких северных оленей. Одно иганасанское дюрмо (весть) прямо раскрывает связь Дерева и Оленя: иганасан запряг в нарты вместо оленьей корня дерева, и они довели его до стойбища. Части этих корней люди взяли на амулеты-койка. Так наглядно переплетались рационализм первобытного хозяйствования и мифический мир сакральных представлений.

Древнее деревянное изделие — редкая при раскопках находка. Дерево сохраняется лишь в специфических почвах торфяников или в вечной мерзлоте. Именно такие редкие условия содействовали открытию деревянных идолов эпохи неолита и раннего бронзового века на Урале (Горбуновский торфяник), в Прибалтике и в уникальных курганных гробницах восточно-скифских племен в Горном Алтае. В курганах Пазырык, Башадар, Шибэ, которые изучал выдающийся советский археолог и этнограф С. Н. Руденко, были обнаружены примечательные деревянные резные изделия, выполненные в вычурном «зверином стиле». Не исключено также, что некоторые из неолитических находок, в частности примитивные деревянные предметы типа кольев с антропоморфной личиной, воплощают образ, связанный с культом материнского рождающего начала дерева.

По мифологическим представлениям кетов, древнего народа с традиционной культурой охотников и рыболовов Среднего Енисея, в основе мироздания тоже лежит в целом материнское начало. Именно в кетской мифологии, насыщенной яркими, динамичными образами, можно найти примеры органичного переплетения древнейших и новых, эволюционирующих черт в представлениях о Матерях Природы. У кетов «все основные стихии природы (земля, вода, огонь), а также страны света олицетворялись в женских, материнских образах. Как женское начало почиталось солнце (когда-то, возможно, идентифицировавшееся с небом), звезды, заря. В женском образе известны „хозяйева“ отдельных мест. Это позволяет говорить об общем культе Матерей природы», — пишет этнограф Е. А. Алексеев, крупный советский специалист в области кетской культуры.

Мифологическое наименование Земли у кетов — Бангам или Бангамам (Мать или Бабушка) — дает представление о первоначальной роли этого образа. Земля-Мать мыслилась кетами причиной жизни и смерти и как главная продуцирующая сила имела особых служителей культа, первобытных знахарей, провидцев и жрецов — бангос. Помощниками бангос выступали Крот, Летучая Мышь и мифические «земляные люди» — бангоденг. Главным покровителем культа Земли-Матери был ее сын Бангдохын (рис. 2, 2). Различных лесных обитателей также называли «земляные звери», чем подчеркивалась их органичная связь с Землей. Она считалась, очевидно, их родительницей. Земля рождала и «земляных людей» — народ древних мифических времен, эпохи деяний тотемических предков, что для племен Центральной Австралии соответствовало времени Сиовидений.

Структурно и генетически образы кетской Бангамам и иганасанской Моу-Нямы совпадали: обе они стояли во главе пантеона Матерей Природы, среди которых в мифологии кетов примечательны Огонь-Мать, Бокам, и Вода-Мать, Улемам. Вода-Мать, Улемам, мыслилась в женском образе, олицетворяя как водную стихию вообще, так и конкретные реки бассейна Среднего Енисея. Большие реки — это «матери» своих притоков. Так Енисей был «матерью» Подкаменной Тунгуски, а она, в свою очередь, «матерью» своих притоков-«дочерей». Ожидая жизненно необходимого для рыбной ловли вскрытия рек, кеты «кормили» Улемам, чтобы она проснулась. Все прибрежное стойбище собиралось на берегу, и каждый просил реку скорее освободиться ото льда. Коллективный характер этого культового действия указывает на его древнейшее происхождение. Собранные говорили: «Бабушка, иди скорее опростайся! Все земляные реки уже распустились... Енисей — Большая река уже распустилась. Мы изголодались. Пусть люди скорее на Большую реку спустятся!». В этом обращении к Воде-Матери вновь четко проявляется рациональный повод, типичный для культовых действий архаических культур. Обращаясь к ирреальной субстанции, человек-труженик руководствовался нуждами реальной жизни, а не ставил себе чисто духовную цель «общения» с божеством.

По представлениям кетов, деревянные антропоморфные изображения досок, устремлялись в реку со своих свя-

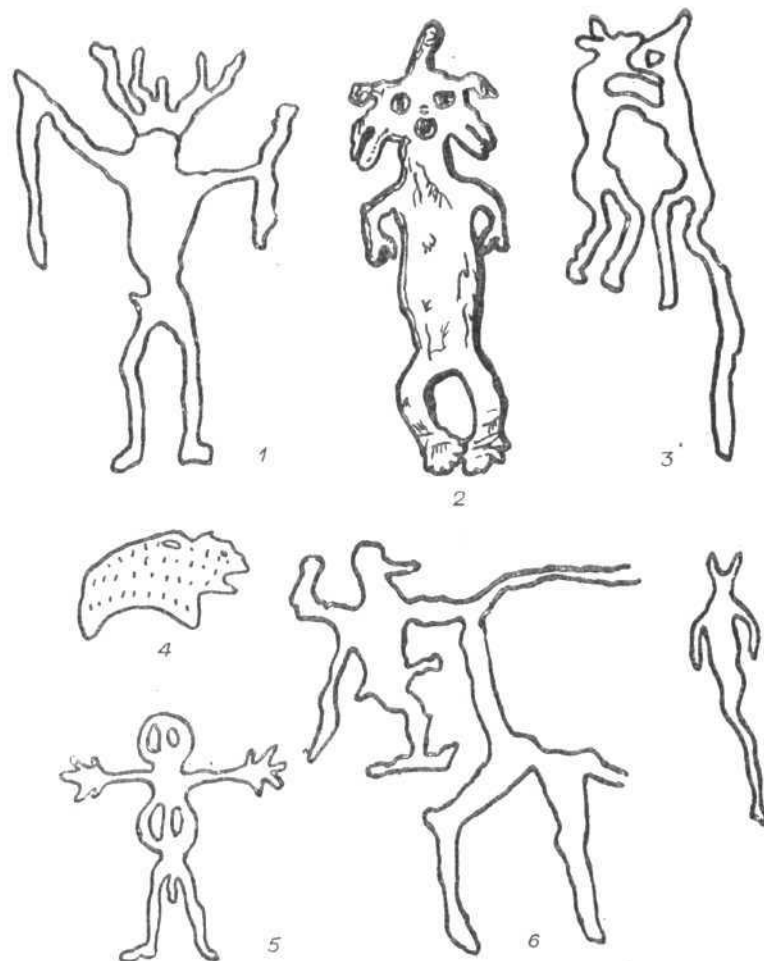

Рис. 2. 1 — Человек-Олень, петроглиф (Приангарье, бронзовый век); 2 — Бангдохын — сын Земли, скульптура (Красноярский край); 3 — сцена борьбы мифических существ, петроглиф (Большая Када, Приангарье, бронзовый век); 4 — медведь, скульптурка-подвеска (Южная Сибирь, энеолит); 5 — антропоморфное существо, петроглиф (Первый Каменный остров, Приангарье, бронзовый век); 6 — лыжник, гонимый за лесом, петроглиф (Второй Каменный остров, Приангарье, бронзовый век); 7 — зооантропоморфная фигура, петроглиф (Второй Каменный остров, Приангарье, бронзовый век).

ценных мест холай, способствуют скорейшему вскрытию льда. Это «замечали» бангос, служители первобытных культов Матерей Природы, и сообщали об успешных действиях доси собравшимся на берегу...

В древности широко бытовало, очевидно, и подобное нганасанскому представление о Дереве-Матери. Так, у кетов растущие деревья антропоморфизировались. По их воззрениям, когда-то жили люди, отмеченные способностью «слышать» голоса деревьев. Услышав их плач, эти люди не могли рубить дерево, лишали себя огня, утвари и, в сущности, самой жизни. В этом представлении — отголосок понятия о единстве жизненного цикла всех живых существ, типичного для мифологий мира.

В кетских «священных местах» обращают на себя внимание поражающие размерами и причудливостью форм деревья — чаще всего лиственницы, реже кедры или ивы. Считалось, что деревья именно этих пород начали свою жизнь «во времена первых людей». Береза была «небесным деревом» верховного бога Еся, а кедр — «первым деревом» «сына Земли» — первого человека Бангдэхыпа, который превратил его в жертвенное дерево. Почитание кедра у кетов связано с культом Земли-Матери. Его использовали при изготовлении почти всех культовых изделий (вспомним лиственницу у ненцев), для погребальных сооружений. В лиственнице, по представлениям кетов, живет Холай. Поэтому не следует рубить деревья на ее «священном месте», где поставлены и «живут» ее дети, доси. С Холай был связан сложный и древнейший по происхождению женский мифологический образ.

Два ведущих образа кетской мифологии, две богини антиподального характера, Хоседам и Томам, также в древнейшем прообразе представлялись Матерями Природы, Сестрами-космогонами, устроителями Мира. Помимо функциональных черт, материнская сущность названных образов проявляется и в выразительной семантике их имен, содержащих частицу -ам — «мать». Хоседам — Мать Низовья (низовья Енисея) и олицетворение Севера. Хоседам — жена (в архетипе — сестра?) верховного бога Еся, искони олицетворявшего Небо, а впоследствии предстающего в антропоморфном облике белобородого Старика. По одной из поздних версий, Хоседам низвергнута Есем на Землю за связь с Месяцем. Этот мифологический мотив имеет много параллелей, в частности в литовской и иных индоевропейских мифоло-

гиях. Скалистый выступ на правом берегу Среднего Енисея, против острова Кораблик, особо отмечен в мифологии кетов. Именно здесь жила со своими детьми-наимичиками злая Хоседам до того, как посланный разгневанным Есем культурный герой Альбо не изгнал ее на Север. В низовьях Енисея, по традиционным представлениям кетов, располагалась «страна мертвых».

Как видим, образ Хоседам сложен по своей структуре, он прошел долгий путь мифологической эволюции. У Хоседам под явно поздним пластом образа жены верховного бога обнаруживаются архаичные черты. Она связана с древнейшим миром тотемных персонажей (ее дети — рыбы), а также с миром космических констант (с Севером). Образ Хоседам, бывшей некогда одной из ведущих Матерей Природы, аналогичной, возможно, Нижней Матери нганасан — Сыраде-Нямы, трансформировался в образ хозяйки локальной территории. Далее, по мере акцентирования собственно сказочных черт, этот образ приобретает сугубо отрицательную окраску, что знаменует собой конечный этап его развития. В древнейших образах Матерей Природы отсутствуют эмоциональные зарисовки, а также поведенческие характеристики. В них прослеживаются лишь типичные для мифологической архаики мотивы творческого созидания. В целом же превращения, связанные с образом Хоседам, составляют один из магистральных путей в глобальной мифологической эволюции, а также в сибирских мифологиях, выступающих органичной частью мировой мифологической системы.

Антипод Хоседам — Томам, Мать Юга. Томам символизировала Юг и все связанное с ним: Южное Небо, Небо в верховьях, Теплое Небо, Ясное Небо. Все это, как считалось, «сторона Томам». Эта полная благожелательности древняя богиня, в своем прообразе — несомненно Мать Природы, предстает в результате мифологической эволюции как Мать перелетных птиц, в частности лебедей. Поздний ее образ — Хозяйка Южной Стороны. Прилетающие птички стаи встречали в соответствии с определенным обрядом, а провожали словами: «Перелетные, ныряющие звери зимующими людьми пошли к Матери Томам. Пусть я на этой же земле их здоровыми глазами встречу!». Отождествление в этом культовом обращении зверей и людей, упоминание глаз как жизненной субстанции свидетельствует об архаическом

происхождении такой формулы просьбы. Прилет птиц из Земли Томам, «Живой Земли», встречали словами: «Матери Томам летающие, вырывающие звери стали спускаться с живой водой к чистым людям!» — и ставили специальный котел с «живой водой», якобы принесенной Лебедем Томам.

Эпитетами Томам были «огненная», «раскаленная». По мере эволюции культовых и мифологических представлений лирически окрашенный образ Томам (изначально — Матери Природы высокого ранга, далее — Матери перелетных птиц и Хозяйки Юга) стал отождествляться с покровительницей верховных шаманов. Таков мифологический финал древнего космического творца-космогона, которым, возможно, была изначально Мать Томам.

Выразительные примеры, связанные с дальнейшей эволюцией образов Женщин-созидательниц, отмечаются в мифологии восточных угорских народов Западной Сибири — хантов (остяков) и манси (вогулов). Они изучались видным советским этнографом и археологом В. П. Чернецовым. Верховный грозный бог хантов Нуми-Торум поступил со своей женой-сестрой Калташ-эква так же, как и кетский Есь с Хоседам. Калташ-эква изгоняется вниз, на Землю, за необдуманное желание построить новое жилище «из костей всех на свете зверей и птиц». Обратим внимание, что подобный мифологический мотив предстает как яркая сказочная аналогия реальным жилищам верхнего палеолита Евразии из черепов и костей мамонта. Однако мудрая Сова отговаривает Нуми-Торума от истребления всего живого. Калташ-эква поселяется на горе (это отражено в одном из ее имен — Черная женщина вершины реки Сакв). Но со временем все меняется. Нуми-Торум, тоскуя в одиночестве, разыскивает свою жену и находит ее уже не одну, а с прекрасным новорожденным сыном Эква-Пырищем, будущим могучим и деятельным культурным героем угорских народов. Рассказанное, конечно, не миф, но структурно достаточно позднее мифологизированное сказание, начало драматического действия которого, эмоциональная окраска событий, присутствие есорящейся пары богов-супругов приближает его к такому переходному жанру, как мифологическая сказка. В нем есть типичные для подобных произведений и сугубо архаичные признаки — образ Птицы-советчицы, попытка по-

стройки жилища из костей зверей и птиц, а также распространенный в мифологиях мира мотив incesta, брака брата и сестры.

В образе богини Калташ-эква воплощено, однако, много выразительных черт, известных по древнейшим, «материнским», образам. Калташ-эква именовалась «Земная Мать» и, воплощая собой богиню Земли, первоначально была, очевидно, Землей-Матерью. Примечательно сходство хантыйской богини с кетской Хоседам и иганасанской Сырада-Цямы (эту своеобразную жену Нуми-Торума называли Нижней Матерью). Пути мифологической эволюции этих образов схожи, что подтверждает принцип единства путей развития мифологии вне границ определенного этноса.

В плане генезиса образа обращает на себя внимание связь Калташ-эква с архаическим миром тотемных персонажей зооморфного облика. Так, в своем древнейшем прообразе она мыслится прародительницей хантыйской фратрии Мош. В этом архаическом качестве Калташ-эква принимает облик Зайчихи или Гусыни. Ее священное дерево — Береза. Примечательно, что подобные архаические антропоморфные персонажи мифологии мира обладали определенными атрибутами из растительного и животного миров. Эта традиция впоследствии перешла и к богам мировых религий, а также к их «святым», наследникам мифических героев: св. Себастьяна изображали со стрелами; св. Екатерину — с книгой и колесом, орудием ее казни; св. Цецилию — с музыкальным инструментом. Однако если атрибуты героев мифологии первоначально были созданы ими самими, то религиозные персонажи приобретали их в процессе своих легендарных либо реальных деяний.

Лебеди у Томам, олени у Хоседам, олени у арктических Матерей Природы — все это примеры первоначального прямого отождествления и последующего раздвоения мифологического образа по мере его антропоморфизации. Таков типичный финал развития образа Матери Природы — от мифического космогона, создателя Мира и людей, до простой покровительницы рода человеческого в его наиболее насущных потребностях. Многотысячелетняя эволюция икаров и персонажей отражала в фантастической форме особенности поступательного развития человеческого общества. Множественные структуры в конце концов уступали место пар-

ным, Матери Природы возводились в ранг богинь, их брали в жены и низвергали верховные боги.

СЕСТРИЧКА, СПРЯТАННАЯ ПОД ОЧАГОМ

Огонь-Мать моя,
Имеющая 30 зубов,
Огонь-Мать моя,
Имеющая 40 зубов!
Днем — карающей
будь,
Ночью — охраняющей
будь.
Ребенка моего карауль!
Из заклинания шорцев

«Женщина-Солнце каждое утро появляется на Востоке с горящим факелом в руках и начинает медленно подниматься на Небо. На смену ей приходит мужчина-Луна с малым факелом». «Стоянка двух братьев находилась недалеко от созвездия Южного Креста, и у них были собственные огни — две звезды Большой Медведицы: других огней тогда в мире не было...» Так повествуют мифы Австралии — неиссякаемой сокровищницы мифологии первобытности.

«Первой нашла Огонь одна женщина...» «У семьи Леопардов был Огонь, но человек пустился на хитрость: он убил бабуина, лакомое блюдо для Леопарда. Сбежались все Леопарды, а человек тем временем схватил Огонь и убежал. Но потом он научился высекать Огонь из камня и подумал: „Я умнее Леопарда!“». Так рассказывают бушмены, аборигены Южной Африки, маленькие люди с большим поэтическим воображением.

«Когда мир только начинался, у людей не было Огня. В вигвамах у людей не было тепла, а лососи они ели сырым. „Койот, — взмолились они, — принеси нам Огонь с гор!“. На горах жили духи — они не давали Огонь звериному народу: три Старухи стерегли его день и ночь. Но Сестры-Ягоды сказали Койоту, как забрать горящую головешку у Старух и передать через животных людям. Койот был очень мудрым, он знал, как получить Огонь из деревьев, как тереть две сухие палочки, пока не появятся искры». Так говорится в мифах индейцев Северной Америки.

Примечательно, что в мифах о Первом Огне таких архаических мифологий, как австралийские, папуасские, **бушменские**, наряду с фантастическими моментами (добыча Огня культурным героем, австралийские персонажи, возникновение Огня в результате брака между мифическими людьми) обязательно упоминаются культурно-исторические реальности: получение огня от лесного пожара, от искр трения камня и дерева. «Прирученный человеком на заре истории культуры, еще в африканском Олдвуде (более 2 миллионов лет до нашей эры), осветивший мрак глубин нижнего палеолита Евразии (до 120 тысяч лет назад) огонь оказался искони связанным с жилищем и очагом, сферой труда женщин. В этом можно видеть „одну из древнейших особенностей человеческой культуры“», — утверждает известный советский австраловед В. Р. Кабо. Действительно, в одной из наиболее примитивных аборигенных культур, тасманийской, которая находилась и на грани XIX—XX веков на уровне верхнего палеолита(!), именно женщина обеспечивала очаг топливом, поддерживала огонь, варила пищу. То же наблюдается и в несравненно более развитых традиционных культурах мира, в том числе сибирских.

Огонь — это та природная стихия, без которой жизнь в экстремальной зоне Заполярья невозможна. Отсюда одно из ведущих мест Огня-Матери в общей системе материнских сил Природы, создающих Мир и поддерживающих в нем жизнь. Иганасанская Огонь-Мать — Туй-Нямы рождена Землей, но существует и действует она самостоятельно. Огонь родился в жилище Земли-Матери в яре Хиюда-дико — Трутов Яр. Посередине Яра — сонка, голова Моу-Нямы, видно и ее лицо. Предполагалось, что этот мифический Яр находится либо в тундре, на Севере, либо, напротив, далеко на Юге. Именно в южном направлении ставили иганасане возле чумов передки специальных, очажных парт, на полозьях которых при перекочевках перевозили очаг — тори. Считалось, что средства для добывания Огня дала людям также Земля-Мать, а Первый Огонь получен от Березы, что сообщает ей статус священного дерева.

Образ иганасанской Огня-Матери — Туй-Нямы — антропоморфен. Это седая старуха, постоянно живущая в очаге, из которого высовывается ее голова с развевающимися волосами, сыплющими искры. Она непрерывно рождает своих дочерей — языки пламени.

Судя по формулам обращения, которые тоже принадлежат к архаическому мифофольклорному жанру, отношение к Огню-Матери у народностей Евразийской циркулярной зоны было идентично. Так, у юкагиров Огонь-Мать — Лочид Амаи — девочка, маленькая и обнаженная. Ее жилище — очаг. У большинства других народов Огонь — это зрелая женщина с детьми, старуха. Матерью именовали Огонь также таймырские долганы, шорцы Алтая. Огонь-Мать у кетов, Бокам, мыслилась также Женщиной, неизменно живущей в костре или очаге со своими детьми. Зола очага, взметнувшаяся от ветра, — это пыль, поднятая бегающими и играющими детьми Бокам. Любопытна мифологизированная кетская сказка с такими архаичными деталями, как мотив отдачи «доли» природной стихии, Огню. В ее основе лежит древний миф, прославлявший всемогущий Огонь. «Старик один с детьми жил. Огонь вечером трещит, искры летят, говорит Она [Огонь]: „Старик, я тебя кормлю!“ . Старик в Огонь плюет: „Это я тебя кормлю!“ . Дразнит Огонь. Огонь у Старика того век тух... Старик с детьми голодом стал помирать... Огонь ему сказала: „Теперь ты сына печень вынь — тогда Огонь тебе будет!“ . Старик сына жалко, но без Огня нельзя. Сына он печень вынул... Тут у него Огонь получился. Тогда Старик стал людей учить, чтобы не дразнили Огонь: плохо будет!»

Огонь у кетов был не только необходимой реальней повседневного быта, но и символом жизни всего коллектива. «Огня нет — корня нет, человек пропадет», — говорили в народе. Поэтому огонь не гасили, поэтому трагичным выглядит образ кетского фольклора — разгромленное врагами стойбище; уничтожен его символ, — очаг, потух Огонь. Кеты перевозили огонь на женской нарте. Человек чужого рода не смел вывести Огонь из жилища — за этим следили старые женщины. Когда кормили Огонь, говорили: «Бабушка, вот масло!».

Разгневанный на людей Огонь жег (подразумевалось — «ел») людей и утварь. Только служители первобытных культов, жрецы бангос «понимали» язык Огня. Особым считался Огонь, полученный в результате трения: он был «от самой Земли Огонь», то есть рожденный Землей-Матерью. Таким образом, у Земли, помимо космогонической (ее называли Матерью дней и ночей), была функция рождающего начала, а также «Матери» природных стихий и явлений (у кетов, иганасан).

У народов Дальнего Востока, Приамурья и Сахалина отмечаются сходные представления об огне. В мифах айнов сохранился образ Бабушки-Огня. Панайцы называли огонь Матерью, представляя ее ветхой Старухой Фадзя. По представлениям нивхов, в очагах также «жила» Старуха Ткурызъ. Сахалинские нивхи считали, что Старуха очага Туурмам была с кудрявыми волосами — языками пламени, «лицом красная, волосы короткие, ростом с человека, одежда — рыба кожа, живет в очаге».

Можно заметить, что всюду, и в Сибири и на Дальнем Востоке, эти Огненные Женщины отождествлялись с Матерями, причем иногда предполагался непрерывный процесс деторождения — бесконечная череда искр и языков пламени. Структурно-генетически наиболее древним мифологическим образом следует считать Огонь-Мать у арктических народов.

«Несколько костров — это один Огонь, одна Хозяйка Огня», — говорили ханты. Каждый конкретный огонь они считали производным от некоего всеобъемлющего Огня. Когда очаг в жилище неожиданно угасал, то Огонь мог возникнуть сам и «дать знать» об этом людям: «идти» к ним из леса как по земле, так и под землей.

Согласно древнейшим мифологическим представлениям угорских народов, Огонь — Дочь Солнца. По другой, более поздней версии, Мать Огня — это Анки-Пуйос, сложный женский образ, сохранивший пережитки представлений о Матерях Природы. Ханты с реки Вах считали, что Анки-Пуйос обитает близ Восходящего Солнца, там она «выкачивает» детей и посылает их людям. По общим воззрениям хантов с Ваха и Васюгана, этот женский дух, в прошлом — мифологическое существо, находится в чреве каждой женщины и воспринимается настоящей Матерью ее детей. Здесь четко просматривается параллель с иганасанскими представлениями о том, что Земля-Мать «достает» детей из некоей трещины — пещеры, а Солнце растит их.

В образе духа и Матери Огня, связанной с Солнцем и деторождением, проявился целый комплекс древнейших восточно-угорских мифологических представлений о рождающих силах Матерей Природы. Огонь и Солнце — связь этих двух, равно дарующих тепло и свет природных феноменов, земного и небесного, подчеркивается и в архаических мифологиях бушменов и австралий-

цев. Очевидно, она вообще типична для примитивных мифологических ассоциаций.

Яркая культовая обрядность сопровождает почитание Анки-Пуёс — Матери всех Огней. Так, жители Ваха клали на костер кусок красной ткани с отверстием в середине, «чтобы у Анки-Пуёс дети были». Кроме того, костер накрывали красным платьем, и это означало, что она его «надевала». В других случаях такое платье вывешивали на чердаке, приговаривая: «Мама, я сшила тебе красное платье, не сердись на меня!».

Как всякая древнейшая культовая стихия, которой придавалось особое значение, Огонь мыслился и карающим существом (подобное известно по мифологии кетов). Возможно, такая трактовка мифологического персонажа в плане культурной эволюции и хронологически сменила исконную, созидательную. Однако уже в глубокой древности, очевидно в эпоху становления самосознания родственных и единых в хозяйственной деятельности коллективов охотников, появляется практика человеческих жертвоприношений. Непосредственными жертвами, которых отдавали в виде «доли» природным стихиям и мифологическим персонажам, становились обычно женщины и дети. Такой выбор объяснялся не физической слабостью, беззащитностью их, а тем, что они считались по своей природе наиболее тесно связанными с миром производящих сил Природы. Так, по древнейшим представлениям ненцев, если при перекочевке в тундре искра огня попадала в волосы женщины, она считалась «отмеченной» Огнем, который хотел бы иметь ее как свою пищу. Такую женщину оставляли одну в ледяной пустыне, отдавая Огню как его «долю». О такой человеческой жертве говорится и в мифологизированной сказке селькупов «Огня Хозяйка». Селькупская сказка напоминает приведенную выше кетскую, но она структурно древнее: в ней фигурируют женские персонажи. «Давным-давно это было. Жили люди на стойбище. Однажды все мужчины пошли в лес на промысел — в чумах только женщины да дети остались... Огонь весело горит, мать и сына греет. Вдруг искорка обожгла ребенка, мать топор взяла, Огонь рубить стала. Огонь вовсе потух... Во всем стойбище нет Огня... Никто разжечь Огонь не может. В очаге сидит едва заметная Старуха, кожа ее, как Огонь, горит. Говорит бабушке: „Что это ты разжечь меня пытаешься? Невестка твоя меня обидела! Огонь я

тогда дам, когда она сына мне отдаст — из сердца его Огонь вам дам!... Бабушка [обращаясь к снохе] говорит: „Все семь родов людей из-за тебя без Огня остались! Сына своего — отдай!... И Хозяйка Огня в огненном вихре с сыном той женщины скрылась... Бабушка сказала: „Отсюда сказка-предание пойдет, что кровью сердца сына своего Огонь ты зажгла!...». Примечательно, что именно старуха бабушка, как старшая из женщин, выступает в безжалостной, с нашей точки зрения, роли защитницы интересов всего коллектива людей. Вспомним, что у кетов, и у иганасан, и у других народов Сибири именно старые женщины выступали хранительницами огня и очага.

Стихия огня часто рассматривается в первобытных и традиционных культурах как причастная к «миру мертвых». В оригинальной по сюжетным коллизиям мифологизированной сказке дальневосточных орочей говорится о Сестре и Семи Братьях. Спасаясь от враждебного нашествия «народа Белок», заперевших их жилище, братья прячут девочку под очагом. Это замечательная по выразительности мифологическая аналогия ритуала подочажных захоронений, а также кремации в первобытных и традиционных культурах мира. Действительно, ритуал кремации чрезвычайно древний. Он фиксируется в каменном веке Австралии и Тасмании, которая была соединена тогда с континентом земным мостом. В штате Новый Южный Уэльс археологи нашли погребение молодой женщины, совершенное по обряду кремации и датированное 25—32 тысячами лет назад, а на Тасмании аналогичное погребение относилось ко времени около 1,5 тысячи лет назад. Если согласно тасманийским ритуалам умерших кремировали вне связи с полом и возрастом, то австралийцы использовали множество вариаций в погребальных обычаях и все зависело от племенной принадлежности и уровня развития культуры коллектива. В Южной Австралии кремировали детей, в Восточной — мумифицировали вождей, высушивая их трупы над огнем. Был широко распространен обычай носить на шее мешочки с пеплом кремированных родственников. Женщины-иганасанки носили на шее сими — мешочек с золой и блестящим предметом, который назывался Солнце-глаз. Все приведенные примеры свидетельствуют о проявлении культа Огня, у иганасан он осложнен культом Солнца, а у австралийцев — культом предков.

В ритуале погребения иганасан обращают на себя внимание черты, связанные с мифологическим восприятием акта захоронения. В прошлом веке старую иганасанку могли похоронить в земляной яме естественного происхождения, прикрыв ее надочажным устройством чума. В этом четко просматривается смещение культов Огня и Земли-Матери (она принимала обратно некогда созданную ею жизнь). В устной традиции северных сибирских народов сохранилось поверье о том, что нельзя вытаскивать упавшего в глубокую яму человека, поскольку его призвала к себе сама Земля. Аналогичное убеждение было распространено среди ненцев и хантов Нижней Оби.

К эпохе мезолита, следующей за верхним палеолитом, а также к неолиту и бронзовому веку относятся символические погребальные модели очагов, сопутствующие захоронениям людей, преимущественно женщин. Они раскопаны на огромном пространстве от Восточной Европы до Байкала. В могильнике Черная Гора на Рязанщине, оставленном племенами охотников и рыболовов IV — III тысячелетий до нашей эры, обнаружен комплекс из трех погребений. Здесь захоронены женщина 20—25 лет и еще двое. Последние были положены ничком, без инвентаря. Женщину погребли также ничком, ее рука поднята к голове, что, возможно, отражает ритуальный жест. С умершей положили подвески-амулеты, изготовленные из зубов и костей диких животных. Около ее головы находилась модель очага в виде округлого, с обожженными камнями кострища. Женщина, очевидно, при жизни была причастна к отправлению какого-то первобытного культа. Можно предположить, что в могиле лежала жрица Огня. В могильнике Караванха на севере европейской части страны обнаружено погребение, относящееся к эпохе раннего неолита. В захоронении, перекрытом валунами, ничком лежала женщина в возрасте около 20 лет. Среди валунов удалось выявить модель очага в виде кострища. В нем были обнаружены кости, каждая из которых принадлежала животному иного вида (медведю, лосю и бобру). Этот погребальный комплекс не может считаться рядовым, ибо он причастен к культу огня.

Оригинальные погребения людей из «сословия» отправляющих культ с захоронениями женщин, возможно, сами по себе представляли своеобразные и особо почитаемые

культовые объекты. Характерна поза погребенных, известная по древним культовым захоронениям Европейского Севера. Так лежали умершие в известном ранненеолитическом (мезолитическом?) комплексе из Кубенино (север европейской части СССР): мужчина-гигант (длина костяка 1,93 м!), женщина и вторая женщина или юноша. Двух первых погребенных сопровождал оригинальный культовый инвентарь. Ничком лежит и один из умерших в Бревенском могильнике, также открытом на Каргополье.

По этнографическим данным, захоронения ничком типичны для лиц культового статуса, в частности шаманов. Такие погребения известны в Туве. Аналогичны и некоторые погребения старух-иганасанок XIX века, захороненных ничком на нартах с впряженным оленем, «везущим» их в «страну мертвых». Примечательно, что при камлании иганасанские шаманы ложились именно ничком: шаман как бы умирал, а воскреснув, при содействии духов-помощников начинал «видеть» иные миры.

В рядовых погребениях умершие также находились в сидячей позе. Так, из фольклорных источников известно, что иногда кеты сакали усопших в земляной могиле на место очага чума. У иганасан покойного помещали на нарту в сидячем положении, он как бы сам правил погребальным аргишем (возжу передового оленя наматывали ему на руку) и «сам себя» переправлял в «землю мертвых».

«Сидячие» погребения широко известны археологам. Часто такие захоронения содержат свидетельства культа огня. В Костенках под Воронежем в погребении сохранились следы ритуального огня: он был зажиген в эпоху верхнего палеолита на перекрытии своеобразной могильной камеры, обставленной костями мамонта, в которой погребен старик в сидячей позе. Можно назвать памятники, где этот культ был нормой ритуальной обрядности. На островах залива Морбиан близ атлантического побережья Франции (Бретань) супруги Пекар раскопали могильники Тевьек и Годзик, относящиеся к V тысячелетию до нашей эры. Малочисленное население островков, которое занималось охотой на кабанов, оленей и, возможно, тюленей, исполняло в ходе захоронений сложный погребальный ритуал. В Тевьеке все погребенные размещались в могиле в положении сидя. Женщины и мужчина-«колдун» «держали» на руках детей, а их одежда была украшена подвес-

камн из зубов диких животных и ракушек моллюсков, головы же венчали рога благородных оленей. На перекрытиях каменных ящиков с захоронениями находились ритуальные модели очагов с костями диких животных. В могильнике Гоздик найдено погребение младенца, перекрытое очагом. Погребения детей под очагами жилищ характерны для неолитической эпохи Евразии. На территории нашей страны они обнаружены на поселении ранних земледельцев трипольской культуры в Луке-Врублевцевкой, на Украине. «Сидячие» погребения, сопровождающиеся моделью очага, известны также в Восточной Сибири (Прибайкалье). Они датируются бронзовым веком. Именно такие комплексы обнаружены в пади Ленковка на Ангаре. В погребении № 2 вместе с «сидячим» костяком найдены кости диких животных и модель очага. В погребении № 1 находился «сидячий» костяк, а могильная кладка с трех сторон была окружена тремя ритуальными имитациями очагов.

Таким образом, истоки почитания огня и очага уходят в глубины каменного века. Примечательно, что культ огня превосходно просматривается в ритуалах камлания сибирского шаманства. Так, шаманы некоторых сибирских народов при начале камлания надевали особую шапочку с бахромой. Огонь чума, в котором происходила эта церемония, считался настолько «чистым», что шаман не должен был видеть его «обычными глазами». При начале камлания помощница иганасанского шамана, туоптуси, обращалась к огню очага, вызывая из него духов предков, чтобы накормить их. Северная за очагом сторона чума, расположенная против входа, представлялась дорогой, ведущей в мир нго. Местом встречи духов предков с миром живых людей как раз и становился очаг. Камлание в поисках «дыхания» (то есть жизни) или сердца больного человека могло осуществляться только при горящем огне очага. Однако шаман никогда не пытался «вернуть», скажем, погибшего в огне человека. Как и в иных ситуациях, предполагалось, что его «взяла» соответствующая Мать Природы, в данном случае — Огонь.

СЕДНА — ПРЕКРАСНАЯ МОРЖИХА

В открытом море вода совсем синяя,
как лепестки самых красивых васильков...
На самом дне живут русалки.

Г.-Х. Андерсен

Север Австралии, полуостров Арнемленд. Одно из аборигенных племен, юленгоры, создало мифы о возникновении мира и людей, в которых архаичность персонажей сочетается с поэтическим натурализмом первобытных образов. Своими предками-прародительницами юленгоры считали Сестер Джанггавул, пришедших с севера по созданному ими самими морю. В лодке они привезли различные тотемы и по прибытии на сушу сразу же развесили их на деревьях. Из тотемов появились десять бесполок детей. Они, спрятавшись Сестрами в траву, стали мужчинами, а в песок — женщинами. Однако новоявленные мужчины вскоре перестали подчиняться своим матерям и изгнали их пением. Сестры, успев научить первых людей всему необходимому, уплывают прочь на созданные ими самими острова...

Благодаря усилиям австраловедов установлено место происхождения мифологического цикла о Сестрах Джанггавул. Это остров Бралгу в заливе Карпентария на севере Австралии, где и теперь находится заповедное место аборигенов материка — «обитель душ». Как бы в память о мифических Сестрах, женщины юленгоров в отличие от женщин других племен этого континента и сейчас принимают участие в важных обрядах. Затем на сцену архаической драмы выступают новые персонажи, Сестры Вавалаг, «рожденные в тени за заходящим Солнцем». Они энергично продолжают дело своих предшественниц и выступают в основном как устроительницы социума. Сестры создают брачные классы. Они приносят людям каменные наконечники и копье. Как теперь установлено, Сестры Вавалаг действовали в окрестностях реки Ропер. По некоторым мифологическим версиям, именно они основали культ и ритуал Гунабиби, Великой Матери, Старой Женщины. Гунабиби символизирует как Землю, так и связанную с Землей Змею-Радугу. «Она подобна радуге», — поется в современной песне, посвященной Гунабиби. Но во времена седой первобытности радуга часто представляла в образе Змея, обычно зловещей. Это — универсальный

образ мифологий мира, известный на обширной территории от Древнего Китая до Египта.

Культ мифологической Матери Гунабиби распространялся по Пятому континенту с севера на юг. У некоторых этнических групп Центральной, Северо-Западной и Юго-Восточной Австралии в обрядности и наскальном искусстве, сюжеты которого были навеяны мифологией, сохраняются культы женских персонажей. Так, среди коренных жителей Нового Южного Уэльса распространен связанный с культом плодородия миф о Матери-Прародительнице Диррангун, напоминающей Гунабиби. В другом, еще более изолированном районе, в пустынях Центральной Австралии, у племени валбири находится древнее святилище Женщины-Прародительницы. По преданию, в расположенной поблизости группе скальных выходов эти доисторические Праматери собирались вместе еще во «времена Сновидений», на заре истории культуры Пятого континента. Еще более почитаемое святилище расположено на территории племени пинтуби: среди скал фантастических очертаний найдены следы древнего культа Женщины-Прародительницы. Записаны также мифы о ней. Наконец, бегущие воинственные женщины запечатлены на наскальных рисунках Западного Арнемленда. У одной из воительниц в руках боевой бумеранг и копьё. Так памятники мифологии и изобразительного творчества иллюстрируют значительность социального положения женщины во времена первобытной арханки, ее общественную активность.

В мифологиях папуасских племен Новой Гвинеи, в частности в мифах племен маринд-аним из Западного Ириана, в прошлом носителей зловещего культа черепов, также упоминаются Матери-Прародительницы. В процессе мифологической эволюции они трансформировались в различных Старух — хранительниц Огня и подательниц различных культурных благ. В мифологии папуасов предметы культуры часто появляются в общине после похищения их первых образцов у женщин. Там же говорится и о прямом соперничестве полов, причем инициаторами борьбы нередко выступают именно женщины, действующие дружно, сообща. «Мужчины ушли на охоту на кенгуру... Женщины остались в деревне одни: они надели на себя мужские украшения, вооружились палками, луками и стрелами, а сами стали петь и танцевать... Но когда мужчины напали на женщин, в живых остались немногие, добыто было голов

так много, что они попадали на землю и превратились в камни». Зачем женщинам было надевать мужские украшения? Вовсе не для красоты, а для того, чтобы приобщиться через них к мужской силе. Такова была сила веры первобытных народов в предметы-фетиши, известные по культурам северных народов. Танцы и песни также исполнялись не ради веселья: они должны были способствовать успеху женского предприятия. Наконец, особо упомянуты именно головы погибших женщин. Они, как в других случаях головы детей, — объект культа плодородия. В соответствии с первобытным ритуалом их, случалось, зарывали под деревьями или какими-то растениями ради получения особо обильного урожая. В изложенном мифе головы женщин превращались в камни, которым и передавалась их культовая сила.

Примечательно, что сами папуасы связывают действие этого мифологического сказания с реальным племенем, живущим в бассейне рек Биаи и Флай. В нем преобладают женщины. Они воинственны, активно занимаются охотой и даже принимают участие в культовых походах «за головами». Эти папуасские амазонки представляют одну из многих сообществ женщин, известных, однако, не в реальной жизни, а в мифологиях мира. Наиболее известный пример такого рода — греческие мифы, один из малоизвестных — страна Егук в Западном море, где, согласно корейской мифологии, обитают только женщины.

Как видно, существовал целый комплекс факторов, социальных и идеологических, которые способствовали формированию мифологических представлений о материнских началах Природы, отдельных женщинах и даже целых сообществах женщин, действующих самостоятельно, без руководства мужчин. Общества таких мифологий жили по законам жесткой половозрастной дифференциации. «Очень давно, в самом начале, мужчины и женщины жили отдельно. Мужчины жили в пещерах и горах, а женщины — в маленьких травяных хижинах возле рек. Мужчины охотились на животных, женщины — собирали растения», — говорится в мифе бушменов. Общественные отношения базировались на лидерстве выдающихся охотников, по исчислению родства — по линии матери, браки в рамках строго определенных возрастных категорий, быт женщин и детей, отделенный от быта мужчин, половозрастные предписания норм поведения, питания, ритуалов, а иногда даже лексик — все это характеризует социальные и

семейные структуры каменного века с его экстенсивной экономикой.

Выразительные примеры мифологических представлений о нескольких Матерях Природы, Сестрах, основанные на реальных фактах общественного устройства замкнутых половозрастных группировок, обнаруживаются во многих мифологиях мира. Так, в мифе североамериканских индейцев-акола две Первые Женщины, узнав, что люди живут под землей, вырыли яму и перевели их из подземного мира в земной. Один из сходных шумерских мифов рассказывает о том, что люди в давние времена росли, как трава, под землей... Бог мудрости Энки, взяв мотыгу, проделал дыру, и люди вышли на свет. Подобные мифы широко распространены и у народов Африки. В них первые люди выходят из Земли, скалы, термитника. Мотив, в котором действуют две женщины, структурно-генетически архаичнее шумерской версии происхождения людей, стоящей на грани религиозного представления.

По мифу североамериканских индейцев-сиу, творец-демиург Суссостинако создал двух Первых Женщин из двух узлов паутины Мирового Паука. Эти женщины и стали прародительницами людей. Они участвуют в многоэтапной эволюции человека. Примечательно, что речь идет о женщинах-сестрах.

О двух Сестрах-Прародительницах говорится в мифологии индейцев-навахо. Одна из Сестер, Ахсоннутли, что означает Женщина Перемен, создала Небо и Свет. Она родилась от слияния Земли и рожденного ею самого Неба (логически невероятная, но мифологически допустимая ситуация). Ахсоннутли предстала перед первыми людьми в виде антропоморфной капли Вирюзы на вершине одной из священных Гор страны навахо. Она совершает свои деяния вместе с сестрой. Прародителей зовут Женщина-Вирюза и Женщина-Белая Раковина, Сыновья прекрасной Ахсоннутли — близнецы, культурные герои народа навахо. Выразительна тотемическая окраска семантики этой пары Сестер-Созидательниц. Культурно и стадийно достаточно поздний образ пары мифологических Сестер восходит, очевидно, в истоках к Матери Природы. Пройдя долгую мифологическую эволюцию, древняя версия приобрела здесь сказочную цветистость.

Гила — владычица Воздуха, Пинга — владычица Земли, Седна — владычица Моря... Во всех этих ярких образах эскимосской мифологии и фольклора просматриваются

древние лики архаических Матерей Природы, Сестер. Женский пантеон — типичная черта мифологии эскимосов. Их центральных миф повествует о Седне, Женщине-Моржике. Первоначальный тотемный характер и зооморфизм этого поэтического образа выступают весьма наглядно. Миф о Седне, подательнице даров моря, которая была некогда земной девушкой, распространен на огромной территории обитания эскимосов: в Гренландии, Канаде, на Аляске и Чукотке. Подобные изменения облика — теперь тотемный предок, зверь или птица, а некогда, в «начале времен», человек — типичная трансформация мифологического образа. Отметим, что заставкой архаичных мифов бывают слова: «Когда животные были людьми...», «Когда звери были древним народом...» или реже «Когда люди были животными...».

Имя Седны для арктических народов запретно, как всякая истинная святость, и потому ее именуют только иносказательно. Так, по представлениям эскимосов, а также воспринявших этот культ чукчей, Седна — Большая Женщина, Старая Женщина, иногда о ней говорят: «Та, внизу...». Она могла воплотиться в образе девочки, играющей в мяч с Вороном, культурным героем палеоазиатов, который пытается отобрать у нее в этой игре мяч — Солнце. Мать девочки в наказание за утрату мячей (в мифах этих народов, как и жителей Юго-Восточной Азии, было несколько Солнц) спускает ее с утеса в море. У девочки вырастают моржовые клыки. Она — Седна.

Моржика Седна — кормилица морских зверобоев северных широт, чье существование зависело от успеха в промысле крупных млекопитающих. Поэтому именно образ этой Матери Моря вычленился как центральный в мифологии эскимосов, арктического народа, наделенного большим художественным талантом. В культуре эскимосов при их антропологической близости индейцам, много аналогий с культурами их древних соседей, палеоазиатских народов Северо-Восточной Азии, которым также известен образ Седны (рис. 1, 4).

Таким образом, именно множественность Матерей Природы, их сестринские отношения следует считать древним пластом представлений о всепроникающем материнском начале в силах Природы. Образы их вначале возникали в связи с «обожествлением конкретностей» — реальной оленихи, моржика, лебедя или ворона и только позже приобрели антропоморфные черты. Наука обычно

соприкасается с пластом мировоззренческой архаики эпизодически, и лишь в редчайших случаях ей удается выявить архаический феномен, в котором позднее антропоморфное воплощение соседствует с животной ипостасью. В этом плане показательны образы иганасанской Земли-Матери, изначально Оленихи, и австралийской Гунабиби, которая воспринимается как Земля-Мать и Змея-Радуга.

В архаических мифологиях мира — австралийских, папуасских, сибирских — с разной степенью отчетливости прослеживается и древнейший уровень мифологических представлений, связанный с образами неисчислимых «рождающих» сил, которые проявляют себя буквально в каждом феномене живой Природы.

В мифологии папуасов маринд-аним — демо, бессчетные и чрезвычайно мобильные существа. Они как бы осуществляют непосредственно родственную (тотемную) связь людей и природных феноменов животного и растительного мира. Очевидно, мифический мир иганасан иллюстрирует структурно-генетически несколько более ранний пласт этого исходного мифологического представления об окружающей природе. Если в мире папуасских дем можно уловить очевидные тотемные тенденции, то в мире иганасанских иго они практически неощутимы. В иганасанской мифологии отсутствуют те ранние, множественные тотемные формы, которые связаны с представлениями о демах папуасов.

В целом образ Земли-Матери как мифологической доминанты вторичен относительно представления о многих женщинах, матерях и устроительницах, часто выступающих в виде пары сестер. Матери-сестры, очевидно, «родились» из древнейшего «пантеона» типа папуасских дем и иганасанских иго, которые олицетворяли первичные представления о живой, вплоть до мельчайшей песчинки, Природе. Миф о создании Человека из Земли в индоевропейской и семитской мифологиях просматривается в самом эпитете человека — «земной». Не случайна и примечательная связь между латинскими понятиями *Humus* — «земля» и *homo* — «человек». Народы земного шара, отдаленные друг от друга на тысячи километров и часто находящиеся на диаметрально противоположных уровнях общественного развития (древняя монархия и первобытно-общинный строй) сочинили множество любопытных мифов о создании людей из земли. Так, согласно египетской мифологии, людей «делали» из глины или из земли, причем бог-творец Хнум

лепил людей на гончарном круге. У африканских догонов герой-демиург лепил людей из сырой глины. Из глины валял людей и греческий Прометей. В мифах алтайских народов Ульгень создавал первых людей из глины и камня. Из глиняного Яра произошли, как уже говорилось, и иганасаны — дети Земли-Матери. Наконец, само имя Адама связано с землею: оно семантически восходит к слову «адамах», первоначально означавшему «краснозем».

В мифологии Древнего Китая среди немногих женских божеств сохранила свой первоначальный облик знаменитая Нюйва — полуженщина-полужмея. Она предстает в древних мифах Великой Матерью богов, богиней плодородия, а ее древняя ипостась — Мать Природы. Миф о сотворении Нюйва человека сохранил свое первоначальное ядро. «Простой народ говорит, что, когда Небо и Земля только что отделились друг от друга, еще не было людей. Нюйва взяла желтую глину и стала их лепить. Но силы у нее истощились, не хватило времени. Тогда она стала делать людей, вода веревкой по простой глине. Богатые, знатные и ученые люди — это люди, вылепленные из желтой глины, а бедные... сделаны веревкой».

Таковы нити, связывающие людей с их мифической Прародительницей архаических времен. Однако Мать Природы не только порождает их, но и покровительствует людям в их последующей жизни, оберегая от мировых катаклизмов, грозящих уничтожить все человечество. В качестве таковых выступают всемирные потопа, мифы о которых распространены в глобальном масштабе. Любопытен греческий миф о Девкалионе и Пирре, супружеской паре, спасшейся от потопа по воле Зевса. Он подсказал, что для возрождения человечества надо бросить через плечо камни — кости Праматери, то есть Земли-Матери. Из камней, брошенных Девкалионом, получились мужчины, Пиррой — женщины. У новых людей родились дочь и два сына. От сына Эллина, говорится у Аполлодора, ученого грамматика II века до нашей эры, ведут свою родословную греческие племена. Это типичный этногонический миф, в котором мифологическая архаика отражает начало истории конкретного этноса.

Земля-Мать — постоянный персонаж космогонических мифов в мифологиях мира. В архаических мифологических системах народов Сибири и североамериканских индейцев Землю часто вылавливает из Мирового Океана птица-пырлящик. Это Гагара или Утка. По мере мифоло-

гической эволюции в это событие последовательно включаются культурные герои, демиурги-творцы и наконец боги. Именно так поступали полинезийский герой Мауи и индийский Праджанати, а также Тор — бог-громовержец скандинавов.

В более развитых древнеиндийских мифологиях Земля и Небо неуничтожимы. Они существуют вечно в виде Мирового Яйца, когда оно разбивается, возникает Космос. Иногда появление Земли представляется как результат расчленения докосмического гигантского существа. Его приносят в жертву, и из частей тела происходят все стихии. Таковы аккадское чудовище Тиамат, древнеиндийский и скандинавский великаны Пуруша и Имир, китайский Пань-гу.

Представление о Земле как подательнице жизни можно рассматривать как источник неукоснительного требования, чтобы умерших погребали именно в родной земле. В поэтической поэме древних шумеров «Сошествие Инанны в Подземное царство» супруг Инанны бог-пастух Думузи, предчувствуя гибель, берет свою свирель и обращается к Равнине: «Если она [Инанна] не узнает день, когда я умру, ты, о Равнина, вместо моей матери объявишь об этом, и как моя Сестричка — оплачь меня!». Так, перед смертью, именно к Земле обращены мысли одного из лирических героев древней мифологизированной поэзии.

Богини-Матери в мифологиях и религиях ближневосточных цивилизаций древности, а также античных Греции и Рима являют собой примеры тесной связи с древнейшими родоплеменными Матерями Природы первобытной арханки. В мифологии Египта архаический образ Богини-Матери представляла Небесная Корова. В мифе о богине Нут (изначально Небесная или Золотая Корова) впечатляет концовка. В ней отцу новорожденного ребенка предписано, держа дитя над головой, читать текст перед изображением богини. Ритуал связан, очевидно, с древним тотемом-Коровой, родоначальницей и покровительницей, чей образ восходит к неолиту Египта.

Древнейшие представления о Богине-Матери известны и в Древнем Шумере. Бог Воды и Мудрости Энки действует в стране Дильмун (современный Бахрейн), «светлой стране живых». Именно здесь, в рае для богов, Нинхурсаг — Великая Мать богов — выращивает особые растения, которые Энки срывает. Поэтичен миф, в котором

Нинхурсаг и Энки творят людей из «глины, что над бездной», и Энки просит свою Мать Памму — Первоначальное Море: «О Мать, начертай его судьбу!». Древние боги у народов Скандинавии также создали людей без «судьбы», которую затем начертал им Один. К Богине-Матери Аккада — Мамми — обращаются боги с просьбой сотворить человека «для несения ига богов». Бог Энки советует Мамми сотворить человека как существо отчасти божественное, отчасти низкое, смешав глину с плотью и кровью некоего бога, убитого самими богами. Наиболее известна аккадская поэма, повествующая о сотворении мира. В ней говорится, что после создания богов и возведения Вавилона главный бог Мардук и Мать Аруру творят людей, степных зверей, реки Тигр и Евфрат. В другом мифологизированном рассказе повествуется, что люди создавались для исполнения работ, которые иначе пришлось бы выполнять самим богам,

Непогрешимые боги
Шли как-то раз по дороге,
Знали они все на свете...
Тихо на целой планете —
Заняты боги и дети.

Р. Казакова

ВОЖДЫ И ШАМАНЫ

В арханческих мифологиях мира женщине отведена фундаментальная роль создательницы Природы, подательницы жизни и родопачальницы, мужчине — динамичная роль устроителя и преобразователя природы и социума.

Обаятелен образ юного существа — культурного героя, распространенный поистине глобально как в мифологии, так и в раннем фольклоре. Деяния культурного героя связаны с облагораживанием Земли, созданной Матерями Природы, с добычей материальных благ для первых поколений людей, с утверждением определенного общественного устройства. Часто действия культурного героя тесно переплетены с делами Матерей Природы, в особенности Земли-Матери. Культурный герой «доделывает» ландшафт сотворенной земной поверхности, вместе с богиней-Матерью пытается создать более совершенное живое существо, человека. Культурный герой пребывает в определенной родственной зависимости от основной Матери Природы: он мыслится как ее сын либо муж. Культурный герой выступает как бы связующим звеном между великими творцами-космогонами и созданными ими живыми существами. Он постоянно действует на благо коллектива людей. Примечательно, что в мифологизированном сознании первобытных людей создание социальных институтов представлялось в виде процесса, аналогичного саморазвитию в природе.

Несмотря на разнотипность племен охотников верхнего палеолита, рассеянных в евразийских тундрах и лесотундрах, в культуре этих людей можно отметить примечательное сходство мифологических образов. Человечество

развивалось на этом начальном этапе зарождения современных культурных форм единым потоком. Вот почему есть основание предполагать, что в эту яркую эпоху «утра человечества» в мифологии и навеянном ею изобразительном искусстве существовали своего рода всепроникающие образы.

Одним из них был образ культурного героя, запечатленный в монументальном и прикладном искусстве. Многочисленные изображения представителей фауны каменного века в пещерной живописи Франко-Кантабрийской зоны Западной Европы (Южная Франция и припиренейские области Испании), сцены поклонения на костяных гравировках, поедания, танцев вокруг поверженного животного, возможно, отражают зарождение тотемических представлений. Самих культурных героев изображали в человеческом либо животном облике (мамонтом, оленем, бизоном). Истоки зарождения этих образов, характерных своей множественностью и повторяемостью, уходят в глубины мифологии (рис. 1, 5, 8; 3, 2).

Образ культурного героя первобытности был собирательным. Его деятельность символизировала творческий потенциал коллектива, в котором индивид как экономически и творчески обособленная личность еще не выделялся. Подобный психологический феномен и его социальная обусловленность воплотились в особенностях образа культурного героя.

Это мифическое существо в представлениях древних выступало в зооморфном или орнитоморфном облике. Органичная связь с природой не позволяла первобытному человеку видеть своих предков в иных формах. Таким было его видение окружающего мира, в котором переплетались фантастика и стихийный материализм. Следует упомянуть еще об одном аспекте образа культурного героя — его изначальной множественности. Как уже указывалось, первобытное мифологизированное мышление было образным, причем мифические образы представлялись во множестве ипостасей. Так, категория Матерей Природы включала многие образы. Множество Матерей Природы трансформировалось в представления о нескольких, а затем о двух Сестрах-создательницах, и наконец, о главной Матери Природы, обычно Земле-Матери. Параллельно продолжался процесс антропоморфизации образа, вызванный прогрессивной эволюцией самосознания творцов мифов. В тех же рамках мифологических трансформаций эволю-

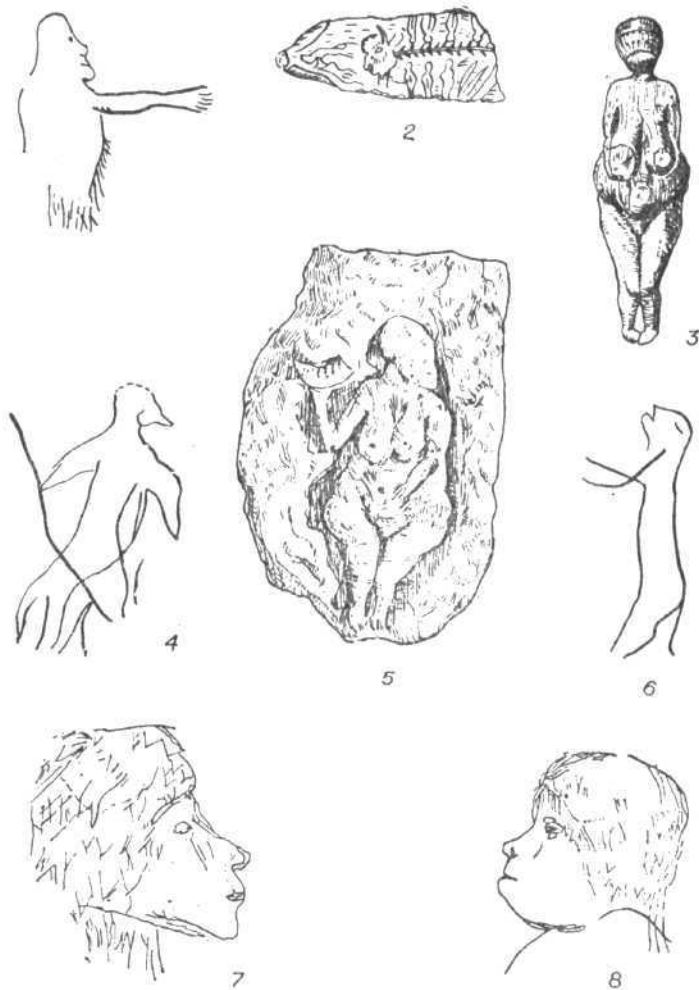

Рис. 3. 1 — вождь, гравюра (пещера Колембьер, Франция, верхний палеолит); 2 — бизон-тотем и люди, гравюра (Раймондеи, Франция, верхний палеолит); 3 — женщина-мать, статуэтка (Костёнки I, Подолье, верхний палеолит); 4 — человек-птица, гравюра (пещера Альтамира, Испания, верхний палеолит); 5 — женщина с ритонем, барельеф (Юссель, Франция, верхний палеолит); 6 — зооантропоморфная фигура, гравюра (пещера Пенья де Кандамо, Испания, верхний палеолит); 7 — портрет юноши, гравюра (Ла Марш, Франция, верхний палеолит); 8 — портрет девушки, гравюра (Ла Марш, Франция, верхний палеолит).

ционировал и образ культурного героя. О нем в наши дни сохранились лишь отрывочные сведения. Чаще всего упоминается образ одного культурного героя. Иногда он изображается, подобно двум Сестрам-созидательницам, в паре. Парные мужские образы (два брата или братья-близнецы) в мифологиях мира встречаются гораздо чаще, чем парные женские. Можно предполагать, что древнейшей структурной чертой образа культурного героя — прародителя или подателя культурных благ — была именно многочисленность, множественность. Очевидно, это было мифическое сообщество братьев, предков этноса, устроителей ландшафтов племенной территории, покровителей своих потомков — людей.

Культурный герой народов Сибири — яркий мифологический образ, равнозначный наиболее выразительным образам мифологий мира. Ворон у чукчей, коряков, эскимосов, ительменов; Дебегей у юкагиров; Дяйбанго у иганасан; Диа у энцев; Йомбо у ненцев; Ивуль у эвенков; Ите у селькупов; Оделоко у долган; Альбэ и Дох у кетов; Эква-Пириц у хантов и манси — таковы культурные герои сибирских мифологий.

Внешний облик и деяния сибирского культурного героя изменяются в зависимости от степени архаичности мифологических структур. Он выступал как зооморфный или орнитоморфный предок, юноша — борец со зловещными силами, а далее как герой, стоящий на пороге «погружения» в мистический мир шаманства, и наконец как создатель сказочной фантастики и эпоса.

Древнейшие мифы палеоазиатских народов северо-востока Сибири объединяются в «Цикл Ворона». В свою очередь, древнейшие мифы о Вороне, культурном герое, объединяются в цикл «Вести Творения». В них повествуется о создании Земли и ландшафта, добывании огня и света, наполнении водоемов водой... Тут черная природная окраска Ворона получает свое мифологическое истолкование, говорится и о сопровождающих его перелетных птицах, а также его антипode Орле. Возможно, на древнейших стадиях мифотворчества в сознании коллективных творцов существовало несколько образов птиц, которые выполняли функции культурных героев. Они действовали, подобно героям архаических мифов Австралии, группой. Впоследствии, согласно законам эволюции жанра, на первый план выдвинулся один главный герой — первопродок Ворон.

Основной культурный подвиг Ворона (добывание света и огня, а также приспособления для его высекания) известен по мифам всех народов, населявших северо-восток Азии. Примечательно, что деяния Ворона воспеваются также в мифологиях индейских племен тлинкитов, хайда, цимшиан и квакиутль, населяющих северо-западные, Тихоокеанское побережье Северной Америки. Распространение мифов о Вороне по обоим берегам северных пределов Тихого океана подтверждается фактами археологии. Предполагают, что в эпоху верхнего палеолита заселение Нового Света происходило из Сибири через Берингов пролив.

Если основными носителями древнейшей части «Цикла Ворона» на севере Азиатского материка выступают ительмены и коряки, то на севере Американского континента — индейцы-атанаски и уже упоминавшиеся тлинкиты и хайда. У северных атанасков сохранилось архаическое деление на фратрии Ворона и Волка. В их мифах Ворон выступает как культурный герой, создавший двух Прародителей этих фратрий.

Особо примечателен миф о сотворении Земли — полуострова Аляски. В нем рассказывается о том, что Ворон создал Аляску, устав лететь над просторами бескрайнего Океана с родичами своей жены — Гусыней, Уткой, Казаркой и Журавлем... Возможно, в этом древнем мифе, примечательном составом «птичьего народа», в образной форме отражены реальные факты переселения предков современных индейских племен из Старого в Новый Свет.

Таков один из показательных примеров соотношения понятий «мифология» и «история», в котором, согласно нормам коллективного мифологического мышления и творчества, оказываются как бы спрессованными во времени реальные исторические факты значительной хронологической протяженности. Исторический факт, зафиксированный в сознании многих поколений посредством передачи его в форме мифического сказания, дошел до наших дней в виде поэтического мифа с признаками глубокой архаики. Сам миф в данном случае выступает в роли своего рода исторической хроники, в которой факты реальности реконструируются лишь путем кропотливого ретроспективного моделирования. При этом полностью учитываются особенности переноса мифологической семантики на события донисторической архаики.

Очевидно, мифы «Цикла Ворона» образуют древнейший общепалеоазиатский пласт, ядро которого сформировалось

на Азиатском материке у северо-восточных палеоазиатов в верхнепалеолитическую эпоху еще до того, как палеоазиатские народы (точнее, их предки) вступили в контакт со своими нынешними соседями.

Чукотские мифы о Вороне — древнейшие в палеоазиатском цикле. В них Ворон выступает культурным героем, напоминающим австралийских тотемных предков: как и в мифах Австралии, деяния Ворона предопределяют устройство природы и социума на вечные времена жизни рода человеческого. Создание Мира, добыча огня изображены детально, с точным упоминанием бытовых подробностей. «Было темно на Земле, люди жили при свете костра. Камень был им пищей, черный камень — мясом, белый — жиром. Ворон летал над Землей, говорит: „Отчего так худо создали Вселенную?“. Полетел во Вселенную, принадлежащую Келэ (отрицательный персонаж). Там — спрятано Солнце... Дочь Келэ играет мячом в переднем шатре. „Когда же Солнцем буду играть?“, — пищит девочка. Дали ей Солнце. Ворон-Куркыль подхватил его и полетел прочь... Солнце засияло и поднялось вверх. Келэ бежал... Потом говорит Ворон: „Создам еду!“. Нашел тальник, пнул его ногой — стали олени, стадо огромное. Потом говорит: „Создам воду!“. Полетел над Землей, одно крыло волочит, борозду делает, по борозде течет речная вода. Создал реку, создал и Море, место для рыбной ловли и для тюленьего промысла. Создал рыбу, тюленя, моржа, лах-така. Потом создал медведя, оленя, волка, лису, песца. Потом говорит: „Довольно теперь даров! Стану незримым, буду летать над Землей, шумя пугать“. И стал Громом». В этом мифе, записанном от чукчанки Кутиэвут в 1895 году зачинателем изучения фольклора народов Севера В. Г. Таном-Богоразом, особо оговаривается создание оленей. Это объясняется древнейшей континентальной основой мифа. Миф относится к эпохе культуры охотников на дикого северного оленя каменного века. Упоминание в нем моря и животных морского промысла составляет более поздний пласт. Солнце — шар для игры — чрезвычайно распространенный образ палеоазиатско-индейских мифологий. Можно предположить, что игра в мяч из травы или кожи была изобретена в глубокой древности. Подобные, казалось бы незначительные, детали мифов позволяют восполнить то, что в силу естественных свойств материала не сохраняется ни на поселении, ни в погребальном комплексе. Напротив, наскальные изображения

даже при затруднительности точного датирования их, представляя в рисунках сцены мифологических сказаний, существенно дополняют устные известия. Так, на одной из нижнеамурских скал запечатлен ворон с солнцем в клюве, что можно воспринять как своего рода иллюстрацию к мифам о добывании Вороном Света и Солнца.

В пересказанном выше мифе Ворон действует один. Но известны также мифы, в которых этот культурный герой народов Крайнего Севера участвует в событиях вместе с другими птицами, причем часто последние наиболее активны. Изначально такие персонажи могли быть культурными героями, которые мыслились как братья. Специально изучавший проблему тотемизма В. Г. Тан-Богораз справедливо предполагал, что периоду выделения особо почитаемого зверя или птицы предшествовало время «массовой зоолатрии». На древнейшем этапе мифотворчества предки-тотемы в зоо- или орнитоморфном облике действуют сообща. Позднее из этой группы творцов человеческой культуры и выделился собственно культурный герой.

Дяйбанго — Спрота-бог, культурный герой нганасан, в многочисленных произведениях мифологии и фольклора предстает в роли предка и покровителя своего народа. Этот персонаж древнейшего происхождения фигурирует в мифологической архаике вместе с другими основными персонажами нганасанских мифов. Дяйбанго выступает как брат, сын или муж Земли-Матери, а также и других Матерей Природы, что отражает древнейшие формы группового брака. Функцию мужей Матерей Природы исполняют и Девять Парней Сырада — сыновья злойшей Нижней Матери, Сырада Нямы. В этом факте можно проследить отголосок первоначальной множественности образов культурных героев. В мировой мифологической системе есть примеры, в которых уже антропоморфизированные культурные герои представлены целой группой братьев. Так, в мифах жителей островов Тихого океана называются Кат и его одиннадцать братьев, Тагаро-Мбити и его девять братьев, Тагароа и его братья. Как видим, здесь уже выделился главный герой — обычно младший брат.

Показателен внешний облик нганасанского Дяйбанго: он предстает в виде Дикого Оленя или Человека с рогами Оленя, что следует рассматривать как более позднюю модификацию (рис. 1, 2). По мере мифологической эволюции Дяйбанго превращается в плута и весельчака Дяйку, молодого насмешника и забияку. Не таков, однако, его

исходный образ, упомянутый вместе с Моу-Нямы в древнейших мифах времен Творения наряду с зоо- и орнитоморфными мифическими персонажами. Там Дяйбанго — первый Человек и истинный культурный герой, добывающий блага для своего народа.

Представления о Дяйбанго разнообразны, но в целом достаточно архаичны. Так, по одной мифологической версии, Дяйбанго вышел из-под льда. Возможно, это намек на то, что героя родила Луна-Мать от старшего из девяти парней Сырада. Многочисленные братья Сырада существовали изначально относительно главного героя — Дяйбанго. По другой версии, он сын дочери Моу-Нямы, то есть внук Земли-Матери. В поэтичном повествовании о воспитании культурного героя говорится, что он рос в колыбели Солнца-Матери, хотел выпрыгнуть в пургу, но Лебедь подхватил его и унес к Дялы-Нямы, Свету-, или Дню-Матери. Дялы-Нямы, как и Дяйбанго, была рождена от одного из парней Сырада, поэтому они мыслятся ближайшими родственниками.

Дяйбанго имеет двух жен: старшую — Кичеда-Нямы, Луну (по иной версии, она его мать), и младшую — Дялы-Нямы, Свет, или День. Вместе со своими женами, архаическими Матерями Природы, Дяйбанго держит «нити жизни» каждого человека в отдельности и всех народов. Пробыв три дня с Днем-Матерью, он отправляется к Луне-Матери. «И каждый день родит Дялы-Нямы»: в солнечную погоду она идет дорогой своей матери, Солнца, а в холодную, несчастную — дорогой отца, мрачного Сырада... «До весны Солнце-Мать — Коу-Нямы — спит с Сырада-парнями. Весною теплое время настает... потом она родит, и вода везде пойдет... Но если один из Сырада спит ночью с Коу-Нямы, то диких оленей не будет. Коу-Нямы не может его прогнать. Друг ее — Дяйбанго. Сырада же силой входит к Солнцу-Матери...» — повествует древний нганасанский миф. Парни Сырада, состоящие с Солнцем-Матерью в групповом браке, ходят к ней поодиночке, по старшинству, отсюда хорошие дни (похожие на мать) и плохие (на отца). Обращает на себя внимание положительная оценка женского начала и отрицательная — мужского, которая могла возникнуть лишь в эпоху идеологической и культурной доминации женского образа. Представления традиционной культуры настолько глубоко проникли в сознание ее носителей, что они пользовались ее категориями при обозначении обычных жизненных явле-

ний. Неудивительно поэтому, что о погожем дне июля нганасаны говорили: «Сейчас у Коу-Нямы находится Дяйбанго, добывает тепло».

Представления о древнем культурном герое проникли и в позднейшие проявления шаманства. Считалось, что духи-помощники шаманов (гуси, лебеди, орлы и другие) рождены Светом-Матерью именно от Дяйбанго, он — их отец. В то же время Дяйбанго — персонаж архаических мифов правремени, начала становления Земли, появления людей и диких оленей. «Сперва кругом была вода. Только вершины камней было немного видно. Потом стало немного земли. Появилась лайда (равнинное место). На лайде — маленький тальник и два человека, мужчина и женщина. Сперва они траву ели, потом выросли, нанли двух телят маленьких... потом родились и делились. Отец с матерью у Нясины остались, дети — на Таймыру-реку ушли. Первого мужчину звали Дяйба (Сирота). Он был нго (бог)», — повествуется в мифе о происхождении нганасан от Дяйбанго.

В других мифах образ Дяйбанго сочетается с орнитоморфными персонажами, структурно-генетически более ранними, чем в предшествующем мифе. «Утка вниз пошла и маленько земли принесла. Утка черная и земля черная... Землю положили на сопку. Царапали землю, и сопка стала, на ее вершине Солнце-Мать родила — теплый день дала. Трава вышла, сухо стало. От Солнца, Коу-Нямы, потом земля кругом стала, эта Уткой принесенная земля... Гагара к Дяйбанго полетела и сказала, что земля сделалась».

Дяйбанго, по представлениям нганасан, находится наверху, «недалеко от Солнца, но ближе к Земле». Дяйбанго «лучше всех, совсем хороший, жалеет людей, помогает в промысле, в жизни. Мы — дети Дяйбанго», — говорили нганасаны о своем любимом мифическом герое и перво-предке. Именно Дяйбанго добыл людям домашних оленей, жилища-чумы, огонь; он был весь изранен, борясь с силами зла. Древние боги говорят ему: «Все просишь — как давать столько? Так он все просит, потому что народ земли его просит, жить просит». Так представляют люди традиционной культуры образ своего древнего героя, принося в свое понимание мотивы лирики и даже своеобразной сентиментальности.

Образ Дяйбанго проник и в исторические предания, примечательные наличием архаических персонажей. Так,

в рассказе о пабеге пенцев на энциев наиболее активным персонажем выступает Дяйгу (Дяйбанго). «Дяйгу — не человек. Это — Дяйбанго. Он с виду всегда разный. Иногда он в виде человека с острым носом, узким лицом, век один живет... В то же время, когда Земля родилась, был один человек. Имя его — Дяйгурака — Тундровый. Век живет. Диких век убивает, гусей бьет. Люди к нему придут — он убегают... В жаркое время бегает лучше оленья. Беда охотник! Все люди аргилили в лес, а он в тундре на берегу моря остается, в лес не хочет идти... тоненький человек, белое лицо, пестрая парка». В мире не так много традиционных культур охотников и рыболовов, представители которых сохранили столь четкий образ своего мифологического предка, лиричные мифы о котором зародились в глубинах тысячелетий.

Альбэ и Дох — два выдающихся культурных героя кетов. Мифологические характеристики их образов, структурно близкие, дополняют друг друга. Альбэ — типичный культурный герой, действующий в древнейшую эпоху на благо своего народа. Он — первый человек мифического правремени, создатель и преобразователь ряда природных структур «страны кетов». Особо почитаемы в ней реки. В то же время вместе с Дохом Альбэ считали и первым шаманом. Его образ, претерпевший долгий путь мифологической эволюции, вобрал в себя черты как архаического культурного героя, так и персонажа эпоса и сказки. «Лоси поплыли и захлебнулись. Через реку не дошли они, а превратились там в камни. Альбэ сидит на той стороне, шаманом он был. Говорит: „Столба пристрелю!“ . Выстрелил он... Стрела Альбэ упала — и там образовалась курья (залив), оттуда вышла речка... по ней люди соболя промышлять стали... Лоси окаменели, и Альбэ окаменел», — повествует небольшое сказание, объединившее в себе черты мифа, сказки, а также эпоса, поскольку в нем фигурирует эпический герой Столба. По другой версии, Альбэ простреливает ухо великану Столба, который своей игрой на музыкальных инструментах мешал ему откапывать чум Хоседам. Музыка, как видим, сопровождает деяния мифологических героев и в енисейской тайге, и в цветущих виноградниках Греции, и в австралийских пустынях. Всецело подверженные ее эмоциональному воздействию, люди первобытной и традиционной культур приписывали «чары музыки» и героям мифов.

Однако вернемся к рассказу об Альбэ: он увлекся му-

зыкой, и это мешало ему «откапывать чум Хоседам» — его врагини. Этот мотив очень древний. Он связан с сюжетом странствия культурного героя и его смерти после успешного завершения основного деяния. Так, Альбэ, найдя порою шести детей Хоседам, маленьких налимчиков, разрушает их на куски. Этот мотив — составная часть рассказа о преследовании Альбэ этой Нижней Матери, бывшей жены верховного бога Еся. По древнейшей версии, Альбэ следует за Хоседам вниз по Енисею, на котором в местах, где ныряла спасающаяся от погони Хоседам, возникло семь островов. Итак, одна из «дорог Альбэ» ведет вниз по им же созданному Енисею, в устье, которое стало «странной мертвых», к месту изгнания Хоседам. Здесь на скале или в море, иногда в земле она теперь обитала, как и иганасанская Нижняя Мать — Сырада-Нямы.

По мифам известно, что Альбэ пребывал на Асиновских порогах Енисея. В изложенной версии есть много черт, роднящих героя кетов и культурных героев мировой мифологии. Это созидательная миссия, направленная на благо конкретного этноса; преследование; победа; наконец, уход и образование «тотемического центра», места почитания персонажа, который мыслился реально существовавшим в эпоху правления Матери Природы творят Мир, как правило, не встречая противодействия. И это понятно — ведь они — первотворцы и первосоздатели. Культурный же герой призван навести окончательный порядок в природе на благо своего народа. Идентификация конечного пункта пути странствия культурного героя с определенным, обычно весьма живописным местом — архаическая черта предания. Для Альбэ таким местом стали Асиновские пороги. Это — его «пульвайя», как сказали бы австралийцы племени мункан.

Другой путь Альбэ лежит через Подкаменную Тунгуску. Поднимаясь вверх по этой реке, герой попадает на край Неба. Но Альбэ следует и далее: Млечный путь кеты называют дорогой Альбэ, а созвездие Орион — головой его оленя, на котором он въехал на Небо вслед за своими собаками.

Другой знаменитый культурный герой кетов — Дох. Его образ от своего тотемного воплощения, Гагары, что доставила тину со дна Мирового Океана и создала сушу — островок, эволюционировал до статуса Великого Первого Шамана. Как древнейший тотемический культурный герой, созданный, возможно, еще на стадии господства мно-

жественных тотемных образов, Дох ассоциируется с лебедями. Он ежегодно совершает свой перелетный путь на Юг, к Матери Жара Томам, живущей «под Солнцем, где людям слишком жарко». Кеты сохранили миф о браке Доха и Солнца. В нем Млечный путь именуют не только дорогой Альбэ, но и следом Доха. Дох, подобно Альбэ, постоянный противник Матери Севера Хоседам, пытающейся завладеть его душой и убившей его сына Гагару. Главный атрибут Доха, по поздним версиям, шаманский бубен, а его главные действия — камлания. Образ культурного героя Доха со временем трансформируется из древнейшего, орнитоморфного и тотемического, в традиционный, шаманский.

В развитой мифологии кетов встречаются и эсхатологические мотивы, раскрывающие сюжет «конца света». В таких мифах вновь появляется пара культурных героев. В подобных сказаниях говорится, что после возникновения Земли было несколько потоков, когда «Землю споласкивало». Люди и животные спасались на торфяных островах. Однако в будущем предстоит еще один потоп, после которого всплывут торфяные кочки и оживут несколько человек. Вновь возродятся и мифологические герои Альбэ и Дох.

Образ кетского Каскета-Лисенка тоже обладает рядом черт, присущих культурным героям мировых мифологий. Так, Каскет отправляется в путешествие с целью получения огня у Орлицы. Он приобретает способность перевоплощаться в свою животную ипостась — Лисенка или Оленя. Встречи героя в период его странствий с существами зооморфной, в том числе пререальной, природы свидетельствуют о развитии сюжета в целом (кроме позднего мотива встречи с пьянствующими чертями на морском берегу) в мифическую эпоху правления. Основа мифов и сказок про Каскета содержит архаическое ядро, в чем, в частности, убеждают сюжеты о добыче огня. Такой сюжет созвучен мифам о Разорителе орлиных гнезд, наиболее архаичным, по мнению крупного французского мифолога Клода Леви-Стросса, индейским сказаниям. В своем первоначальном виде этот миф записан на западе Канады, в США, а также в труднодоступных районах Бразилии. На Американский континент миф о Разорителе орлиных гнезд был занесен из Сибири с одной из наиболее ранних миграционных волн охотников эпохи верхнего палеолита. Этот факт свидетельствует об архаичности основ кетской мифологии, а также представляет большой

интерес в плане изучения этногенеза народов Северной Азии и их древних контактов с обитателями соседних территорий.

Вот как звучат отрывки из мифа о Каскете, Разорителе орлиных гнезд. «Старик Эрохот жил на берегу галечной протоки. Он Лисичку воспитывает... Каскет слушает: шаманское дерево поет, к нему люлька привязана. Он качался, качался — вверх приподняло его, и он вверх ушел в личине оленя. Там наверху орлиное гнездо висит. Он маленьких орлят трясти стал. Орлица прилетела к своим птенцам. Каскет сказал Орлице: „Дай мешочек для Огнива!“ Орлица ответила: „Ты сходи к морю, от Ерпа мой коготь принеси, тогда дам“. Каскет-Лисичка идет, идет... к берегу моря пришел. Немного погода акула ли, кит ли свой нос из моря вверх высунула... „Бабушка, послала меня Орлица за когтем“. „Внучек, внучек, мои головные рога зимой ко льду наверху примерзли. Если ты мои рога мне принесешь, тогда я отдам“. Акула отдала коготь Орлице, а он отдал ей рога. Каскет Орлице сказал: „Вот твой коготь!“. Орлица его взяла, на палец надела, отдала огниво. „Теперь, — говорит, — спустись вниз к старику Эрохоту“. В пеходном тексте вместо акулы или кита был мамонт-щука, что передает широко распространенное мифологизированное представление о мамонте как существе двойной природы — Рыбе-Животном подводного или под-земного мира.

Есь — верховный бог кетов — выполняет три функции: главного божества, первоначально, очевидно, это Небо как таковое (сравним индоевропейское Дейно — дневное спящее небо); демиурга-устроителя и культурного героя. Как культурный герой Есь действует в паре со своим братом-близнецом Доотетом — антагонистом Еся и своего рода антигероем. В ряде мифов Есь и Доотет предстают творцами земли кетов. Так, Есь, добыв землю со дна моря, создает ровную поверхность, а точнее, землю в верховьях Енисея. Этот мотив, возможно, как-то ассоциируется с неизвестной до сих пор прародиной кетов. Доотет, спрятав за щеками часть земли, создает северную, наклонную часть земли. Есь отнимает у брата спрятанную землю и творит на ее поверхности реки (горы и холмы), а также рыб и животных, полезных людям. Вредоносных насекомых он опускает в яму, затыкая ее большим столбом, который Доотет вытаскивает (распространенный мотив мировой мифологии). Среди животных, созданных

Есем, первый дикий олень — Олень Еся, лось, заяц и другие основные промысловые животные кетов. По его велению появляется также и снег, чтобы людям удобно было выследить зверя.

В мифических образах братьев-антагонистов, соперников в создании Мира, яркое воплощение нашла глобальная идея противоборства сил в природе, отраженная системой парных противопоставлений. Эта черта свойственна множеству мифологий мира, а затем и религий. Образы братьев или братьев-близнецов составляют обширный пласт в древних мифологиях. Они обычно антропоморфны, но часто имеют животные ипостаси, которые и выдают их архаические истоки. Подобные мифологические пары, очевидно, вычленились в свое время из группы множественных персонажей, их структурных предшественников, концентрируя в себе их наиболее типичные черты и свойства.

В этой связи следует вспомнить о параллели между подобными парами мужских мифологических персонажей, культурных героев и творцов-демиургов, и архаическими парами женских персонажей, которым, равным образом, предшествовали Сестры-созидательницы, Матери Природы. Однако персонажи женщины-созидательницы, структурно более архаичные, известны в мифологиях мира гораздо меньше, чем персонажи героев-мужчин, братьев. Вероятно, это объясняется тем, что мифы плохо сохранили следы наиболее архаичного пласта, кроме того, привлекающие своей динамичностью, яркие, наконец, поэтические образы культурных героев-братьев привлекли внимание многочисленных исследователей, а также великих сказочников Франции и Германии XVIII—XIX веков.

В мифах удмуртов о двух братьях-антагонистах Пимар — верховный бог и демиург — противопоставлен своему брату Керемету, хотя первоначально оба они «были добрыми». По приказу Пимара Керемет достал со дна Мирового Океана землю. Он должен был принести ее во рту, но по дороге часть выплюнул, а часть из того, что следовало отдать брату, утаил. Когда по воле Пимара принесенный кусочек земли стал разрастаться, Керемет был вынужден вернуть спрятанное за щекой. — Так появились горы... Пимар создал людей, животных и растения и, закончив культурные деяния, поселился на Солнце.

Еи в мифологии коми также верховный бог и демиург. Он — создатель и противопоставлен своему брату Омолю

(Кулю), творцу всего отрицательного. Оба вылупились из яиц, спущенных Уткой в Первоначальном Океане, куда упали еще четыре яйца. Когда Ен нырнул за этими яйцами, Омоль покрыл Океан льдом. Ен громом разбил лед и создал из двух яиц землю на теле своей погибшей матери-Утки, а Омоль из других яиц — Луну и злых духов. По другому, гораздо более древнему мифологическому варианту, Ен и Омоль, воплотившись в Лебедя и Гагару, плавают по Первоначальному Океану. По приказу Лебедя, Ена, Гагара приносят со дна землю, и братья создают Землю, которая достается Ену. Гагара, Омоль, просят для себя только немного места, чтобы воткнуть кол, но, получив его, выпускает из-под земли «вредных» животных и злых духов. Ен, напротив, создает небо, звезды, Солнце, реки и леса. Поднявшись на небо, он громом низвергает Омоля на землю. Оба брата лепят из глины людей: Ен создает мужчину, а Омоль — женщину. У Ена от женщины, сотворенной Омолем, появились дети — боги Войпель и Йома. Иногда можно увидеть жилище Ена — он живет в «лучшей избе», и она предстает людям в виде северного сияния...

Знакомые образы пернатых позволяют уловить древнюю основу мифа о Ене и Омолем. В мифе об Нимаре и Керемете примечательно упоминание о первоначально равной значимости обоих братьев. В обоих случаях отмечена первичность водной стихии. В австралийской архаике, древнейших мифах сибирских, финно-угорских и скандинавских народов создание Земли и людей происходит на фоне беспредельной глади Океана. Это позволяет предполагать принципиальное единство истоков и основных, магистральных направлений развития мифологий мира.

Ите (Ича) — культурный герой селькупов. С его именем связан цикл мифов, которые сложились, очевидно, не позднее неолита — раннего бронзового века (III тысячелетие до нашей эры). В этом персонаже можно найти и более архаические черты. Атрибуты Ите — лыжи и лук со стрелами — показывают его как мифического лесного охотника. Поразительна археологическая параллель этому герою мифов, эпоса и сказки — так называемый Абашевский Лыжник — изображение мифического персонажа, бегущего на лыжах, воспроизведенное на сосуде абашевской культуры Приуралья в середине II тысячелетия до нашей эры (рис. 1, 3).

Финский ученый Кай Доннер записал интересный цикл

мифов об Ите. Из него следует, что Ите выращен бабушкой. Она же дала ему лук и стрелы. Мотив воспитания героя именно бабушкой, а не матерью весьма древний. Он прослеживается как в мифологиях народов Сибирского Севера (у иганасан и энцев), так и по материалам, обнаруженным при изучении погребений. В одном из наиболее архаичных иганасанских мифов говорится, что во время странствий первого человека «где-то старуха нашла потерянную. Старуха на маленьких санках колыбельку таскает, корни ест». В поэтическом «Звездном мифе» энцев культурного героя, юношу Дна, также воспитывает бабушка.

В некоторых памятниках, относящихся к мезолиту — раннему бронзовому веку Евразии, например на Украине, обнаружены своеобразные погребения, в которых ребенок или подросток положен с женщиной преклонных лет, очевидно с бабушкой. Напомним, что, по этнографическим данным, именно бабушки вскармливали часто своим молоком внуков в таких примитивных культурах, как австралийская и некоторые африканские. Очевидно, в связи с ранними сроками начала брачной жизни женщины первобытно-общинной эпохи становились бабушками значительно раньше современных. И именно старшая женщина в коллективе, средняя продолжительность жизни которой не превышала 30 лет, оказывалась в силу традиции или обстоятельств наставницей своих внуков.

Герой селькупов Ите спасает от похитителей трех прекрасных дочерей лесного духа и женится на них. Одна из жен рождает медведя, предка селькупов из рода Медведя с реки Кеть. «Ите, — говорится в мифе, — отправился в лес, чтобы овладеть тремя самыми прекрасными дочерьми лесного духа. Но Ите забыл взять с собой своих лозыль». Эти лозыль — лозы, своего рода первобытные талисманы удачи, причем Ите в данном качестве использовал медный нож. Вновь мифологическая архаика тесно переплетается с эпикой и сказкой. Если сам факт женитьбы культурного героя на трех женщинах воспринимается отражением норм группового брака, то поиски их и соответствующие приключения — компонентами сюжетов более поздних, чем миф, жанров. По классическим законам мифологии, жени должны быть изначально даны культурному герою. Арханген и оберег в виде медного ножа.

Если атрибуты Ите и мотив женитьбы на лесных девах принадлежат к древним в этом цикле, то упоминаемые

в нем борьба с великаном Пионегусе и семпизубый демон Кэристоса следует считать признаками синкретизма эпоса и христианских воззрений. Характерной для развитых мифов является концовка: Ите, завершив свои деяния, поднимается на Небо. Архаические элементы присутствуют и в космогонических мифах. Здесь они вилетены в прихотливую канву сказочности, эпоса и расцвечены шаманистскими представлениями. В этих мифах Ите предстает как Громовержец, поражающий стрелами злых духов — слуг бога зла Кызы. Гроза — это отражение свершающегося поединка Ите. Данный сюжет аналогичен развивающемуся в основном индоевропейском мифе, повествующем о битве Громовержца с Драконом-Змеем, который живет у вод, хранителем стада и богатства.

В то же время Ите предстает в мифе и как Небесный Всадник. От его Коня рождаются шаманские духи-помощники, Саблерогие Олени. Этот мифический мотив получил отражение в находках из сокровищницы древнего искусства Алтая скифского времени, знаменитого кургана Пазырык (середина I тысячелетия до нашей эры). Среди множества высокохудожественных изделий, сохранившихся до наших дней вечной мерзлотой, здесь обнаружена нагольная маска коня, пмевшая рога оленя. Знаменательно, что этот конь Пазырыка был погребальным и мыслился синкретичным существом двойной природы, на таких существах совершались «путешествия» в иные миры.

Ите-Месяц обитает то на Небе, то в подземном «мире мертвых». Он имеет двух жен: Солнце (Шунчи) и духа подземного мира перет-гула, своего рода Дьявола. В этой связи примечательно, что жертвы духам подземного мира назывались «перет». Когда Ите-Месяц жил в «мире мертвых», то считался божеством подземного мира, позднее — хозяином «тений и умерших». Отметим, что в представлениях селькупов, а также других сибирских народов подземный мир был многоярусным. В этой связи уместно вспомнить о ярусных погребениях эпохи евразийского неолита — бронзы, зафиксированных и в Сибири (памятники китойской культуры в Прибайкалье, могильник «Циклодром» под Иркутском). Очевидно, они отражают представления о многоярусности самого «мира мертвых».

Известной исследовательницей культуры селькупов Г. И. Педих было отмечено соответствие между селькупскими и древнешумерскими культовыми терминами. Селькупские примеры были взяты из так называемого шаман-

ского языка, который сохранился в старинных преданиях. Соответствие находят термины, обозначающие, в частности, «царство мертвых». Ите-Месяц селькупов сопоставим с Иту(Ити)-Месяцем, богом мертвых, охоты и войны в древнем Шумере. Как и герой селькупов, Иту шумеров имеет двух жен — богиню Леш и богиню-владычицу подземного мира Эрешкигаль. Кроме того, у селькупов слово «Кенга» обозначает страну предков. Река Кенга — левый приток Оби, а Кенга — название одного из селькупских (и кетских) родов. Эти названия сопоставимы с шумерским словом «кенги» — «страна, родина». Весьма примечательны также сопоставления: селькупский Санге, мифический Орел или шаман, превратившийся во время камлания в Птицу, и шумерский Сангу, жрец. Селькупское Кайжар, подземное чудовище синкретичного облика, и шумерский Кишар — божество подземного мира...

Тотемный предок и культурный герой в образе небесного тела, космической стихии — редкий персонаж мифа. В этой связи примечателен известный в индоевропейской (в том числе балтийской), угро-финской и кетской мифологии мотив изгнания верховным божеством своей супруги (богини) на Землю за связь с Месяцем. Ите — Месяц и это его древнейшее воплощение. Архаичным выглядит также мотив встречи Ите с гигантской птицей Пионе и огромной рыбой-животным, синкретичным существом Рогатой Рыбой. Поэтичность этим первобытным сказаниям придает упоминание об игре Ите на древнем семиструнном инструменте. Подобно многим юношам-героям древности (кетский Каскет, греческий Орфей), Ите привлекает своими мелодиями всех живых существ Земли, Воды и Неба. Образ Ите прошел долгий путь мифологической эволюции от первопредка космического характера — Месяца — до эпического богатыря, национального героя, совершающего подвиги во славу народа.

Кандальдук — Месяц и Повелитель Холода — еще один яркий образ в мифологии селькупов. Он имеет определенное сходство как с Ите, так и с «маленьким героем» кетов Каскетом. Кандальдук-Старик мыслился оленем. По представлениям селькупов, он жил со «своим пародом» у истоков рек, окруженный ласками, пауками, червяками... Указание на то, что местом пребывания героя было верховье реки, подчеркивает положительную окраску образа, поскольку низовье считалось «страной мертвых». Кандальдук выступает подателем жизни. Он мог

воплотиться в дерево. У истока реки, где некогда обитал Кандальдук, росло мифическое дерево, его корни образуют истоки рек, которые так и называются — «корневая вода». Из нее возникали души детей, вселявшиеся затем в тело матери. После смерти человека его душа в виде паука поднимается на Небо по корням и ветвям такого дерева и становится «Корневой Звездой»...

В мифологии селькунов, как и многих других народов Сибири, прослеживается четкая связь между Месяцем и Морозом. В сказке о сватовстве Месяца он назван Женихом, делающим мороз. Месяц замораживает двух из трех сестер, к которым он сватается (сравним с образом Месяца-Ите и его сватовством к трем лесным девам). Примечательно и проникновение мифологических представлений в свадебную обрядность: селькуновское выражение «заморозить девушку» — синоним слова «сватать». Кандальдук, подобно Ите, играет сам, его облакают музыкой, для него поют и танцуют, — эти мотивы очевидно, отражают древние обряды-пантомимы. Вырезанное из дерева изображение Кандальдука ставили в специальном «земляном чуме» у истока реки, в который клали национальный музыкальный инструмент кагу.

Образ Кандальдука многокомпонентен, в нем сфокусированы мифологические представления глубокой первобытности, а также воззрения, близкие к традиционным. Отсюда различное видение этого колоритного образа: «Кандальдук — это Месяц новый восходит!»; «Кандальдук — это Олень, сделавшийся человеком», «Кандальдук — это Дерево, сделанное как человек. Уйдешь, оставишь его в землянке, придешь — чисто как человек жил»; Кандальдука встречают у истока реки в образе оленя: «Идет по лесу и кричит „хо-хо-хо“, кусты шатаются. Над ним летят вороны и кричат...»

На домах старинной постройки в селениях по Средней Оби и в наше время на оконных наличниках можно увидеть оригинальные деревянные антропоморфные личины (рис. 1, 7). В них запечатлен мифический Кандальдук, образ вековых глубин культуры древнего народа западно-сибирской тайги.

Эква-Пыриц — культурный герой обских угров, хантов и манси — фигурирует в цикле мифов, сложившихся, очевидно, в эпоху неолита — раннего бронзового века, во времена формирования угро-финской общности (III тысячелетие до нашей эры). Однако некоторые черты этого

впечатляющего образа явно принадлежат еще более архаичному пласту культуры Евразии эпохи камня, когда господствовала тотемная идеология. Древнейший пласт угорской мифологии насыщен свидетельствами существования представлений об органичной взаимосвязи человека и животного, ведущей роли женского начала в процессе творения Природы.

Эква-Пыриц, которого называют Сыном Женицыны, в ханты-мансийских мифологии и фольклоре рассматривается как сын Гусыни или Зайчихи — родоначальницы фратрии Мос — и выступает в зооморфном образе Гусы или Зайца. Родоначальница второй фратрии Пор — Медведица. Ее образ связан с архаическими Матерями Природы, которые могли принимать зооморфные и орнитоморфные облики. По происхождению Эква-Пыриц аналогичен иганасанскому Дяйбанго, который, согласно архаической версии, был сыном Земли-Матери, Моу-Нямы.

Четкие параллели просматриваются при сравнении мифологических деталей «жизни» Эква-Пырица и других культурных героев Сибири. По некоторым версиям, угорский герой живет, подобно Ите, сначала с бабушкой, далее — с теткой по матери. Позднее об Эква-Пырице рассказывается как о приемном, найденном стариком со старухой на большой кочке. В древнем варианте повествования сказано, что герой жил с сестрой на неизвестно откуда появившейся кочке. Они мыслятся первыми людьми на земле. Этот сюжет, связанный с мотивами инцеста, кровосмесительного брака, и лишенный упоминания о родителях, неоднократно встречается в сибирских и мировых мифологиях.

Показателен эпитет Эква-Пырица — Многостранствующий муж: он подчеркивает роль культурного героя, совершающего путешествие с целью полезного деяния для своего народа. Так, Эква-Пыриц, приняв облик Гусы, похищает у бога подземного мира Хуль-Отыра спрятанные им Солнце и Месяц. Затем из древесных палочек герой создает звезды — так иносказательно повествуется о древнейшем способе добычи огня с помощью деревянного лучкового сверла. Далее на берегу Оби Эква-Пыриц по указанию сестры своей матери выдалбливает из кедра первую лодку и ловит осетра. Культурный герой выступает защитником рыболовства, одного из основных традиционных занятий угорских таежных народов,

Именно Эква-Пыриц строит лодку в хантыйском мифе о потопе. Здесь еще раз, на сибирских материалах, подтверждается всеобщность представлений о потопе. Поэтому библейские сказания о Ное и его ковчеге следует считать не более чем поздней, литературно оформленной версией широко распространенного по всему миру мифологического представления. Наиболее поздний пример мифа о потопе — знаменитая «Эдда», созданная теплом средневековых скандинавов.

Своеобразное переплетение тотемического мифа и сказки можно обнаружить в сказаниях о женитьбе Эква-Пырица в образе Гуся на Гусыне и о его путешествии в Птичью страну. Аналогичны по структуре мифологизированные сказания еще об одной женитьбе героя, на этот раз на дочери Морского Хозяина. Герой в облике Окуня ныряет в прорубь и оказывается в Морском Царстве. Это широко известный в мировом фольклоре мотив Садко. В его мифических версиях повествуется о «брачных связях» природных стихий, а позже — различных существ и антропоморфного героя, олицетворяющих эти стихии в конкретных образах.

Грозный угорский верховный бог Нуми-Торум противоборствует своему брату Куль-Отыру, олицетворяющему отрицательные начала мира. В мифологических сказаниях о Нуми-Торуме действует и его сын Эква-Пыриц. Так, если в наиболее архаичном мифе сотворение Земли приписывается, как можно догадаться, Гагаре, достающей «немного пла» со дна Мирового Океана, то в мифе с антропоморфными персонажами Землю создает Нуми-Торум. Он, однако, берет пл из клюва птицы-ныряльщика и творит реки, горы и леса. В другом мифе Торуму, насыпавшему Землю, начинает мешать злой дух (изначально — брат Торума). Он «таскает» Нуми-Торума по земле, пытаясь уничтожить его, но сделать это не удается, именно от того на земле возникают болота, ямы и кочки.

По традиционным представлениям хантов, Земля была плоской, а Небо шатром, местом обитания Нуми-Торума. Звезды — это свесившиеся с неба корни деревьев. Солнце — Женщина Сунк, а круги, видимые иногда вокруг Солнца, — ее расчесываемые волосы. Солнце-Сунк выступает «верхней» из двух жен Месяца-Ика, аналога селькупского героя. Эква-Пыриц как сын Нуми-Торума фигурирует в колоритном мифе о Млечном Пути, известном в различных вариантах во многих мифологиях Сибири: сель-

купской, кетской, эвенкийской. Млечный Путь — след лыж сына Торума. Некогда Торум в процессе своего соиздания «перестарался» и создал шестипалого дся, но он оказался неуловимым для охотников. Однако сын Торума все-таки догнал этого гигантского дся и, чтобы люди могли промышлять зверя, отрубил ему две лишние ноги. По мифологическим представлениям, созвездие Большая Медведица — это дся, а по позднему элическому сказанию, Большая медведица — это котел, брошенный вверх богатырем с реки Вах во время погони все за тем же дсяем...

Архаический культурный герой, преобразуясь внешне, а также по атрибутам, продолжает активно действовать на благо родного народа на протяжении всего многовекового развития его культуры. «Отец, куда ты меня определил?» — спрашивает Эква-Пыриц Нуми-Торума. «Иди вниз, на козистую, волосатую землю!». «Ладно, я иду...».

Любопытно проследить крайние архаичные варианты эвенкийских мифов о космической погоне и о деятельности двух братьев, соиздателя и его антагониста. Они действуют в обширных, глобального масштаба, циклах о Небесном Охотнике, охотящемся за Светилом, а также о создании и устроении Мира (Земли) и обладают чертами как культурных героев, первопредков конкретных народностей, так и творцов-демиургов, чья деятельность также часто носит характер культурных деяний. И это неудивительно! Образы верховных богов — ненецкого Нума, кетского Еся, хантыйского Нуми-Торума — не изначально в мифологических воззрениях первобытности. На определенном, достаточно раннем, этапе мифологической эволюции они выделились из массы функционально равнозначных персонажей и подобно Земле Матери, культурному герою «поднялись на Небо» и приобрели супругу — Мать Природы, ставшую верховной богиней. Мифологическая эволюция привела к четкой дифференциации своих героев.

В мифе, записанном у эвенков Нижней Ангары, в роли Охотника за Солнечным Досем или Оленем выступает Медведь Манги, мифический первопредок. Космический Медведь гонится по небосклону с востока на запад за космическим зверем и убивает его. Млечный Путь — следы его лыж, Большая Медведица — недоеденные ноги животного. Сам Медведь Манги воплотился в созвездие Воланас и звезду Арктур.

Наиболее архаичным представляется вариант мифа, в котором рассказывается об Охоте на Лосиху с Лосенком. Мать и сын живут на Небе — в Тайге Верхнего Мира. К ночи они выходят из чащи и становятся видимыми людям. Как только Лосиха Хоглэн (Большая Медведица) и ее Лосенок (Малая Медведица) начинают пастись на хребтах Небесной Тайги, начинается Космическая Охота и Хоглэн убивают. Оставшийся в живых Лосенок, став на следующую ночь Лосихой, выходит на пастбище, и охота начинается вновь. Лосиху Хоглэн убивает один из трех охотников-эвенков, возвращая людям день.

В эпической версии сюжета о Космической Погоне фигурируют космический лось Хоглэн и богатырь Манн. Лось, выбежав из чащи Небесной Тайги, увидел на вершине хребта Солнце и унес его, но Манн, преследуя Лосю, поразил его из лука. С тех пор оставшийся на Небе богатырь постоянно возвращает жителям Средней Земли, людям, ожидаемый ими ясный день. Так в сказании эвенков бассейна Подкаменной Тунгуски объясняется смена дня и ночи.

Миф о Космической Погоне — один из древнейших евразийских мифов, созданных племенами охотников лесной полосы. Его истоки таятся в глубинах мифотворчества каменного века. «Солнечные Охотники» запечатлены на многих писаницах от шведского Богуслёна до Прибайкалья. Самые ранние из них созданы еще в неолите.

Образы культурных героев сибирских мифологий — яркая страница общемировой мифологической системы. Факт присутствия такого феноменального архаического персонажа, как культурный герой, свидетельствует о наличии у сибирских этносов древнейшего структурного ядра мифологии. Эволюция образа культурного героя сибирских мифологий следует классическим закономерностям развития сюжета в рамках определенного жанра: от мифологической архаики с ее первопредком-демиургом зоо-, орнитоморфного облика до архаичной эпики, в которой культурный герой предстает национальным героем.

Структурно-генетически культурный герой мифологий Сибири восходит к трем основным образам. В орнитоморфном облике (Дяйбанго — лебедь (в эпическом варианте), Дох — гагара, Эква-Пыриц — гусь). Ворон простирает мифические крылья над огромной территорией северо-восточной Азии. Можно предполагать изначальную множественность образа культурного героя, существование

на стадии тотемизма представления о нескольких родо-племенных предках зоо-, орнитоморфного облика. В рамках мифической фантастики перелетные стаи, сопровождающие героя в его странствиях, возможно, фиксируют направления древнейших миграций. Очевидно, на определенной стадии мифологической эволюции образ основного персонажа вычленился из группы ему подобных. Архаичен облик культурного героя и в зооморфном облике (Дяйбанго — олень, Каскет — лисенок, Кандальдук — олень, Манги — медведь). Образы Лисенка и Ворона во время миграций в верхнем палеолите были занесены на Американский континент. Наименее распространен образ культурного героя в облике космического персонажа. Таковы Ите и Ити-Месяц у селькупов и хантов,

ПРЕДКИ ИЗ СТРАНЫ СНОВИДЕНИЙ

Случайно на поже кармином
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман...

А. Блок

Культурный герой — один из ведущих образов мировой мифологической архаики. Существуют ли параллели между образами культурных героев Сибири и аналогичными персонажами в мифологиях австралийцев, бушменов, папуасов и других древних этносов? Да, эти сопоставления столь существенны, что представляется возможным назвать целый ряд близких мифологических ситуаций, касающихся культурных героев в глобальном масштабе.

Культурный герой сибирских мифов, подобно аналогичным персонажам мифов мира, часто мыслится имеющим двух жен. Обратим особое внимание на эту немаловажную особенность мифологических структур, которая позволяет прийти к определенным выводам, касающимся древних социальных устройств. Так, культурный герой итапаса Дяйбанго имеет двух жен космического происхождения: одна из них Луна, другая — Свет, или День.

У селькупского культурного героя Ите, Месяца и Небесного Стрелка, также две жены. Это два Солнца — Верхнего и Нижнего миров. Эти образы дифференцированы, поэтому они представляются менее архаичными, чем

образы жен Дийбанго — равнозначных Матерей Природы. Согласно селькупским мифам, две жены было и у Кандальдука, в праобразе Дикого Оленя или Месяца. Они — два Солица или две Лосихи — живут в Верхнем и Нижнем мирах. Хотя образы Лосих дифференцированы, по своим структурным параметрам они выглядят древнее образов Солнца, поскольку связаны с древнейшим материнским космогоническим образом еurasийской мифологии. Образы Лосихи, Оленихи, Короны фигурируют как в северной циркумполярной зоне, так и в Древнем Египте.

Палеоазиатский Ворон имеет двух (иногда больше) жен. У чукотского Ворона-Куркыля — Сестры Волка; у корякского Ворона-Куйкыняку и ительменского Ворона-Кутха — Мити — Белая Китиха или Женщина, вторая, тотемная жена — Женщина-Лосось или Женщика-Шипика. У детей Ворона также было две и более жены (или мужи), часто они принимали тотемный облик. «Браки» в мифах заключаются последовательно с целью приобретения, как тонко подмечено Е. М. Мелетинским, определенных социальных и бытовых благ.

Для архаических австралийских героев — тотемов и демиургов более типично состояние одновременного брака с двумя женами тотемного облика. Это же характерно и для наиболее архаичных образов культурных героев сибирских мифологий. Две жены предка-тотема, культурного героя-демиурга, просто представителя «древнего народа», якобы обитавшего в эпоху правления на территории данного этноса, — широко распространенное явление в мифологиях мира.

«В давние времена жил на берегу моря один старик, Человек-Поссум. Он имел двух жен, Женщин-Ворон. Они были сестрами», — говорится в одном из австралийских тотемических мифов. «Больше всего легенд у нас рассказывают о Гидегале и Змее-Радуге. Гидегал еще во времена Сновидений был главным организатором церемонии обрезания. Многие из ее участников потом превратились в птиц, зверей, рыб и земноводных... Духи мертвых отправляются на Восток, к Млечному Пути, где находится Темный Проход, ведущий во владения Гидегала. Там он живет с двумя женами, Гуриной и Ниргин. Гидегал сидит с ними в темноте и поджидает духов умерших», — рассказывает Губалаталдин из племени лардилов, предки которых пришли на остров Морнингтон в заливе Карпентария бо-

лее 12 тысяч лет назад. Сейчас Губалаталдин — Дик Рафси, образованный австралиец-абориген, защитник и популяризатор культуры своего древнего народа.

«Когда-то Сиври и Пьюнгу жили около реки Лянганамы... От Сиври происходят все чайки, прилетающие на песчаный берег, черные и белые какаду, обитающие у болот, крокодилы, крабы — это дети Сиври, они и люди племени тьонганди составляют единый клан», — так безошибочно точно передал абориген сущность тотемного единства всех живых существ, населяющих «место мифов» одной из рек полуострова Кейп-Йорк. И у этого предка, и у тотемного культурного героя оказываются две жены, Девушки-Раковины, дочери культурного героя Пьюнгу, жившего со своим «кланом» животных, птиц и людей на противоположном берегу реки.

Наличие у мужчин двух-трех жен было обусловлено особенностями примитивной экономики и быта первобытных охотников и собирателей, в какой бы части земного шара они ни обитали. Семья, включающая двух жен, развилась из группового брака и представляет характерную особенность ранних форм семейных отношений, предшествовавших малой (нуклеарной) семье: муж, жена и дети. Этим объясняется присутствие двух или трех жен у героев мифологий мира. Мифологические образы — органическая часть архаической идеологической системы первобытного общества — отразили в фантастических (для нас!) персонажах и ситуациях реальности жизни и быта их создателей.

Отголоски норм группового брака изредка можно проследить по упоминаниям в мифах о наличии нескольких жен у тотемного персонажа. Например, сибирский Ито женится на трех лесных девах, а Ворон у чукчей отвоевывает себе пять жен в борьбе с Орлом. Папуасский дема Вокабу, предок Саговой Пальмы, связанный также с тотемом Сома, имеет трех и более жен. Иногда у этого популярного мифологического персонажа имеется целая группа жен. «Дема Вокабу со своими многочисленными женами шел с праздника майю (оргастический праздник культа плодородия). Каждый раз, когда Вокабу останавливался на ночлег, он строил для себя и своих жен хижины. А потом их разрушали ветры и бури... Еще и поныне вдоль всего побережья можно увидеть развалины хижин Вокабу — это обломки кораллов и горгонид, которые выбросило на берег. Горгониды — обломки кровли из саговых

листьев, кораллы — перекрывают хижину. Приливы и отливы перекатывают их по берегу. А жены Вокабу — это маленькие крабы разных пород, живущие здесь». Таков отрывок из поэтического мифа племени вокабу-рек, чьи тотемы — Саговая Пальма и Сом.

В мифологиях мира можно найти яркие параллели представлениям сибирских народов о мифических братьях, в том числе братьях-близнецах, выступающих в роли демиургов, обычно — антагонистов. Это Есь и Доотет, Нуми-Торум и Куль-Отыр, Пимар и Керемет, Ен и Омоль. Обратим внимание, что в древнейших пластах мифологии часто более двух подобных персонажей — демиургов, культурных героев. Например, герои карело-финского эпоса «Калевала», основа сюжета которого датируется бронзовым веком, — три брата: Вяйнямейнен, Пьлмаринен и Еукахайнен. Судя по характерным эпическим ролям этих героев «Калевалы», выступающих как мудрый Певец и сказочный Кузнец, кующий счастье для своего народа, первоначально они выступали в образах культурных героев, подателей благ.

Кий, Щек, Хорив и их сестра Лыбедь... Кому не известны эти легендарные основатели нашего Киева, три брата и сестра, пришедшие на его холмы?! Их древние образы сохранены благодаря легенде, рассказанной «Повестью временных лет», этим неповторимым учебником истории славян, написанным на грани XI—XII веков. В «Повести» читаем, что Кий вместе с младшими братьями и сестрой пришел на Днепровские кручи и на трех холмах основал поселение. Это сказание известно и в древнеармянской передаче, где Киев — «Мать городов русских» — назван Куаром. Однако перед нами не просто средневековое сказание, где немного истины, немного — вымысла. Уже сам множественный характер героев повествования наводит на мысль о древнейшей основе, заложенной в объяснении факта реальной истории. Примечательно, что лингвисты связывают имя Кий с древним индоевропейским термином, означавшим божественного Кузнеца (kūj), помощника верховного бога-громовержца в его поединке со Змеем. Этот поединок — основной сюжет центрального мифа индоевропейской мифологии, сформировавшейся не позднее начала бронзового века. Ее создавали отдаленнейшие предки многих европейских народов, в том числе славян. Это было время, когда колесницы древних индоевропейцев начали свое стремительное продвижение по

Евразийской степи, сопровождаемые повозками с женой и детьми, табунами и стадами, составлявшими медлительный арьергард передовых отрядов. Индия — таков был конечный рубеж их движения, стимулированного нуждами развитого скотоводческого хозяйства. Время — III—II тысячелетие до нашей эры. Это был не военный, целенаправленный поход, но закономерное для древней истории человечества перемещение этносов в поиске удобных для жизни территорий. Их древние кладбища находят в Северном Причерноморье, Зауральской степи, на просторах Казахстана. В своих погребальных обрядах эти племена приносили в жертву рабов, коней, оставляли в могилах колесницы для пути в «мир без возврата».

Образы братьев — основателей Киева восходят к древним мифологическим персонажам братьев-демиургов, близких архаическим культурным героям сибирских и мировых мифологий. Кий — легендарный основатель Киева — один из многих в ряду многочисленных образов Кузнецов индоевропейской мифологии. Именно таковы литовский Кальвис и латышский Калейс балтийской мифологии, Кузнецы, приспешники Громовержца Перкунаса-Перкуниса. Кузнецы постоянно куют ему оружие для сражений с врагами, иногда также выковывают Небеса, Солнце, а для Дочери Солнца — приязнь Сакту.

В плане мифологической эволюции показательна дальнейшая судьба сказания о Кие и его братьях, восходящего в основе к бронзовому веку. Так, украинские предания связывают происхождение «чудного Днепра» с божьим Ковалем, победившим Змея, который обложил страну непомерной данью. Кузнец впряг Змея в плуг и вспахал на нем землю. Из борозд возникли Днепр, Днепровские пороги, а вдоль Днепра — Змиевы валы. Как помним, именно кузнец выступает помощником верховного бога в битвах со Змеем, то есть истоки предания о Ковале совершенно очевидны. Так архаичный миф, трансформируясь в течение веков, предстает перед нами народным преданием этнологического характера и в конце концов популярной детской сказкой. Та же участь постигла палеоазиатского Ворона, селькупских Ите и Кандальдука, нганасанского Дяйбанго. В этом, как представляется, проявился истинный реализм названных образов, их глубокую народность можно проследить сквозь века.

Три брата... Они встречаются в самых различных пластах мифологий мира, от древнего мифа — до народной

сказки и былички, что является художественным и идеологическим отражением реального явления социальной истории первобытных и традиционных обществ. «Выделение биологически родственных триад началось как выделение высшего, властвующего слоя этноса», — пишет советский африканист В. М. Мисюгин, исследовавший это явление на примерах социальной структуры и политической истории самых различных обществ.

Археологически известны погребения трех мужчин (братьев?), относящиеся к неолиту — бронзовому веку евразийской территории нашей страны. Это культовые комплексы — погребения в Оленеостровском могильнике на Онежском озере (ранний неолит) и в могильнике Съезжее (энеолит — ранний бронзовый век, Поволжье). В Оленеостровском могильнике обнаружено тройное однополое погребение. При центральном погребенном мужчине находилась культовая модель очага. Особо примечательны погребения кузнецов-литейщиков на Украине (Верхняя Маёвка, Ворошиловград), сопровождаемые набором соответствующих инструментов. Согласно устной традиции, а также этнографическим данным по народам мира, кузнецы занимали ведущее положение в коллективе. В мифах они выступают первыми помощниками верховного божества. Примечательно, что в Сибири этнографами выявлен феномен так называемой братской семьи (три брата возглавляют семейный коллектив). Не исключено, что подобные тройные ячейки, фиксируемые с глубокой древности и имеющие своим истоком деление коллектива на половозрастные разряды, объединявшие, в частности, кровных братьев и побратимов, были обусловлены определенными демографическими закономерностями. Феномен трех братьев, реальных и мифологических, продолжает оставаться увлекательной загадкой, идущей своего разрешения.

Мифы о братьях-близнецах скорее характерны для развитых дуалистических мифологий, однако и в этих образах, часто окрашенных тонкой поэтичностью, вновь проступают былые архаические черты культурных героев. Именно подобные образы наполняют индоевропейскую мифологию, в которой близнецы выступают как кошмые всадники, воины, мореплаватели...

В мифологии древних балтийских племен у верховного бога Диеваса есть сыновья-близнецы. Юноши влюблены в Дочь бога Солнца. Ожидая ее, они зажигают два огня на

Балтийском море, катают Дочь Солнца в яблонецовой лодке, едут по берегу к ее дому на двух конях... Имя близнецов — Юмис (латышский). Перед нами архаичный пласт балтийской мифологии, где верховный бог Диевас пасивен по сравнению с динамичными образами более молодых богов. Нум, Есь, мепе — Торум, сибирские верховные божества, удаляясь на Небо, также становятся пассивными наблюдателями земных дел, и люди со своими заботами чаще обращаются к активным молодым героям.

Если обратить внимание на многочисленные корабли на петроглифах Скандинавии, а также уникальные, созданные гальштадской культурой Центральной Европы (I тысячелетие до нашей эры), бронзовые модели колесниц, запряженных конями и птицами, то можно обнаружить широкий пласт ассоциаций с мифологическими образами. Примечательна и близость образов древнеиндийских Ашвинов — балтийских близнецов Юмис, она проявляется в их деятельности и «родственных связях». В этих образах чувствуется оптимистичность настроения их создателей: пастухов и воинов, первооткрывателей новых земель, искусных ремесленников и... астрономов. Действительно, ведь это эпоха создания древнейших первобытных монументальных обсерваторий — Карнак во Франции, Стоунхендж в Англии. Астральные значки на сибирских зооморфных изваяниях, гигантских каменных монументах, стоявших в степи еще в эпоху раннего бронзового века, возможно, также служили определенными астрономическими ориентирами. Именно многоцветием была окружена Мать Природы, неизменно изображавшаяся на этих мегалитах культуры ранних скотоводов Южной Сибири. Быки влекли или мчат повозки на южно-сибирских петроглифах этой эпохи. Судя по южно-сибирскому искусству, поселники енисейских долин создали сами либо заимствовали из центров цивилизации через среднеазиатский культурный пояс мифы о Небесной повозке, борьбе Солнца со змеями, Преследователя Солнца. Изображения на скалах, а также плитках-стелах и камнях-мegalитах, во множестве стоящих по хакасской степи, подтверждают это предположение.

Диоскуры — братья-близнецы, сыновья Зевса, по данным мифологии, связаны, подобно Ашвинам и Юмис, с конями, сменой дня и ночи, Солнцем, функциями спасения и помощи соплеменникам. Диоскуры — дорийские герои, но их почитание распространилось далеко за пределы

Древней Спарты. Очевидно, их сходный культ, как и братьев-близнецов пруссов, был связан с почитанием дерева — одним из основополагающих в системе ранних мифологий. Примечательно, что традиционно каждый этнос считал священным дерево определенной породы. В Сибири таковыми, как помним, были у ненцев лиственница, у кетов — кедр и береза, у иганасан — береза.

Примечательно, что именно береза как символ ритуальной чистоты почиталась в балтийской и германской культово-мифологических традициях. Береза почиталась у восточных славян как священное дерево и женский символ. Еще в конце XIX века на бересте крестьяне писали свои прошения к лешим, приколачивая их к дереву.

Так мифология продолжает функционировать в культуре средневековой и современной Европы. В это же время в далекой Сибири почитание деревьев составляло заметный компонент традиционной культуры ее народов. Мифологические образы древних культурных героев, братьев-близнецов стали первоосновой культур современности.

ДВЕ РАБЫНИ ЦАРЯ БАНТУ

Олимпиец! бурей снежной
Зметн мой буйный прах,—
Но этакже огонь митейный
Павсегда в твоих рабах!

В. Брюсов

На заре культурной истории Евразии, в охотничьих коллективах кроманьонцев, живших в эпоху верхнего палеолита, 25—10 тысяч лет назад, интенсивно шло осмысление природного мира, становление социальных институтов. Появились и первые жрецы. Они были отправителями архаических культов, связанных с почитанием Природы, хранили секреты охотничьей магии, тотемного поклонения. Действия таких жрецов представлялись первобытному мифологизированному сознанию необходимым звеном в полной опасностей жизни охотников на северного оленя, мамонта, бизона. Подобно позднейшим сибирским шаманам, такие жрецы имели помощников. Об этом свидетельствуют факты археологии.

Одно из наиболее ранних погребений древнего мужчины-жреца и сопровождающих его в мир иной людей

обнаружено еще в конце прошлого века в Приморских Альпах, на территории известной своими выдающимися находками палеолитических погребений общины Гримальди. В этом погребении, названном по месту находки Барма Гранде, находились костяки мужчины с культовым инвентарем, а также пятнадцатилетнего юноши и очень молодой женщины (рис. 4. 3). Вместе с костяками мужчины и юноши найдены предметы в виде «двойной оливы», очевидно связанные с культом плодородия. Погребенная женщина со скудным инвентарем и украшениями занимала явно подчиненное положение.

Тройное погребение Кубенина открыто в Каргаполье, на севере европейской части нашей страны. Оно датируется рубежом мезолита — раннего неолита (V — начало IV тысячелетия до нашей эры). Мужчина, женщина и юноша (возможно, тоже женщина) с расколотыми еще в древности черепами погребены ничком. Длина костяка мужчины, вероятно жреца, — 1,93 м. Можно представить, как поражал современников этот гигант. Пояс его составлял набор из костей и зубов диких животных. С этим же захоронением были связаны антропоморфная фигурка типа амбриона аморфных очертаний, шейные подвески в виде головки лебедя и копыта животного, а также обильный охотничий инвентарь из кремневых орудий. Сопровождающие жреца костяки малы, их длина всего 1,5 м. Женщину погребли с прекрасным культовым инвентарем из антропоморфных скульптурок со звериными копытцами. Юноша был положен без инвентаря и ориентирован головой в противоположную, относительно двух главных погребенных, сторону.

Не менее выразительно еще одно древнейшее тройное погребение людей культового статуса. Оно обнаружено в известном Оленеостровском могильнике на Онежском озере и также относится к рубежу мезолита — раннего неолита. В нем были похоронены мужчина с жезлом из рога оленя, увенчанным скульптуркой в виде головы лося, со многими украшениями из зубов и костей диких животных и сланцевыми полами, а также две женщины. Одна погребена с культовым набором инвентаря: костяными подвесками и фигуркой змеи. Вторая женщина занимала явно подчиненное положение, не имела культовых предметов и, очевидно, была поражена костяным наконечником стрелы. Главная «святыня» этого комплекса — жезл — был, вероятно, завершением культового посоха жреца.

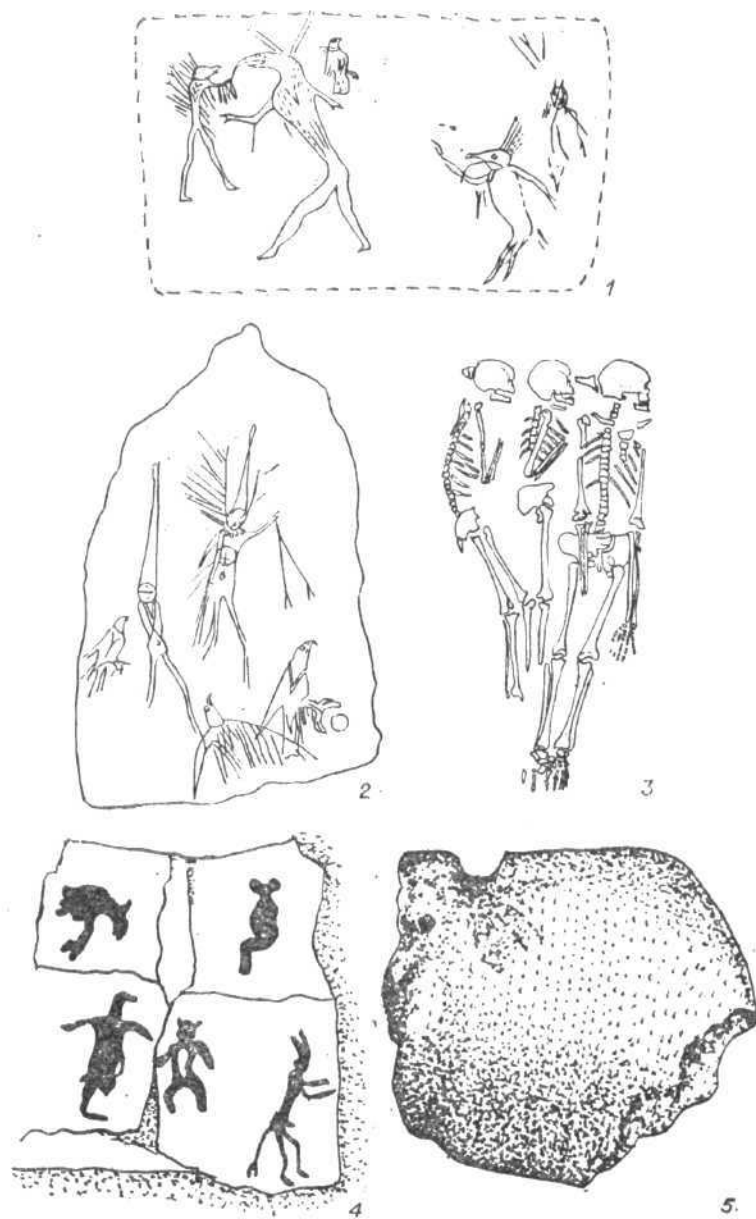

Рис. 4. 1 — люди-птицы, гравюра (Южная Сибирь, энеолит); 2 — культурный герой — Разоритель орлиного гнезда и похититель

К рубежу мезолитической и неолитической эпох века камня относится и тройное погребение из могильника Черная Гора на Рязанищине. В нем находились костяки молодой «жрицы Огня» и двух сопровождающих. У головы жрицы найдена модель очага. Это одно из древнейших свидетельств связи женщин с культом огня и очага.

Примечательно, что тройные комплексы древнейшей группы оказываются могилами людей типа кетских бабго, связанных с отиранием культа Природы. Из двоих сопровождающих главного погребенного один положен к нему наиболее близко. В этой связи вспоминаются помощники сибирских шаманов, его жена и молодой человек — ученик шамана. У ненцев такого помощника называли талабтанов, у иганасан — туонтуси.

Особо привлекает внимание инвентарь древнейших тройных погребальных комплексов. Он включает сакральные предметы, отражающие специфику культовой деятельности их обладателей. Так, «двойная олива» из Барма Гранде своеобразным узором напоминает австралийские расписные камни чуринги и их мезолитические аналоги из французского местонахождения Мас д'Азиль. Они известны как своеобразные хранители душ тотемических предков, а их орнамент символизировал прихотливые пути, пройденные этими тотемами во времена Сновидений. Концентрические узоры мезолитических чуринг являют собой один из древнейших образцов абстрактного орнамента, своеобразной знаковой записи мифологических текстов.

Антропоморфные фигурки аморфных очертаний из Кубенина и Черной Горы наводят на мысль о весьма распространенных в архаических слоях мифологий мира представлениях о «недоделанных людях», существах, которым истинно человеческий облик придают культурные герои или творцы-демиурги. Напомним, что в мифах Австралии первые человекоподобные существа появляются как бы в диффузном, нерасчлененном облике и лишь герои-первopедки с помощью примитивного каменного пожа создают из них людей. В этой связи интерес представляют скульптурки существ с копытцами из Кубенина: в них запечат-

солнца, гранюра (Южная Сибирь, энеолит); 3 — погребение жреца с помощниками (грот Барма Гранде, Мошак, верхний палеолит — мезолит); 4 — скала с петроглифами (Верхняя Буреть, Приангарье, бронзовый век); 5 — мамонт, скульптура (Малая Сая, Южная Сибирь, палеолит).

лени либо зооморфный предок-тотем, либо «недоделанный» человек.

Представления о «недоделанных» людях встречаются во многих мифологиях, в том числе в тасманийской. Первые люди древним тасманийцам мыслились созданными великим демиургом Монхерри. Их отличали аморфный облик, звериные черты, хвосты и ноги без суставов. Позднее другой демиург, Друмердим, отрезал этим нежизнеспособным существам хвосты и с помощью жира заставил их колени сгибаться. Завершив свои деяния по созданию людей, прокладке русел рек, заселению Земли кенгуру и другими животными, демиург Монхерри превратился в скалу. В сибирских мифологиях также известны похожие сюжеты и мотивы, они связаны с образами Ворона, Еся и других культурных героев и демиургов.

Шейная подвеска — головка лебедя в культовом наборе предметов мужчины-жреца из Кубенино — одно из древнейших свидетельств орнитоморфного, «птичьего», культа. Еще ранее аналогичные фигурки были найдены на верхнепалеолитической стоянке Мальта, они сопровождали погребение ребенка.

Культ пернатых был особенно широко распространен в древних культурах Сибири. Скульптурки птиц, кроме Мальты, найдены на территории Сибири в могильнике Бельтыры на Абакане (рубеж III—II тысячелетий до нашей эры). Примечательно, что в могиле умершей ранее матери был погребен ребенок со скульптурками летящих птиц. Клювы гагар — также частая находка в погребениях этой эпохи на Среднем Енисее. Выдающиеся по выразительности и оригинальности образы орнитоморфных существ, очевидно тотемного характера, запечатлены на плитах, перекрывающих могилы еще одного неолитического абаканского могильника — Тас-хазаа. Здесь отображен сложный репертуар сцен и композиций: от реалистических до синкретичных. В ряде композиций угадываются конкретные иллюстрации к древнейшим мифологическим сюжетам, например к мифу о Разорителе орнитых гнезд и похищении Огня и Солнца (рис. 4, 2).

Модель очага при женщине-жрице из Черной Горы, которая символизировала культовый костер, свидетельствует о почитании огня и очага еще в эпоху мезолита. Будучи тесно связанным с образами женщины — Матерей Природы, этот культ вновь переплетен и с представлениями о деяниях культурных героев, причем именно орнито-

морфной природы. Так, культурные герои племен Северной Австралии, Человек-Орел и Человек-Ястреб, принесли людям первый огонь.

В известном восточно-сибирском могильнике «Циклодром» (Пркутск), оставленном носителями неолитической китойской культуры (IV тысячелетие до нашей эры), обнаружен своеобразный тройной комплекс. Пожилой мужчина, среди инвентаря которого находилась культовая антропоморфная фигурка, был захоронен между сопровождавшими его женщиной и женщиной. Примечательно, что под этим тройным погребением располагался нижний ярус: могила трех молодых девушек, возможно, насильственно умерщвленных; при них из инвентаря находился лишь скребок. Можно предположить, что это были патриархальные рабыни, которые сопровождали мужчину-жреца с помощниками в иной мир.

Тройной комплекс с погребением мужчины-жреца, но более поздней эпохи (рубеж III—II тысячелетий до нашей эры) был найден в могильнике Черновая на Среднем Енисее. В инвентарь, сопровождавший как мужчину, так и одну из женщин, входил набор таких культовых предметов, как роговой жезл со скульптурным изображением змеи, заглатывающей животное; роговой кубок — ритон с изображением цветка, а также крупная лунарная подвеска (рис. 1, 2). Женщина с культовым инвентарем была, очевидно, не только помощницей жреца, но и его женой, погребенной по прошествии некоторого времени после его смерти. Вторая женщина, с бытовым инвентарем, скорее всего, рабыня-паломница, захороненная одновременно со своим господином. Культовые предметы этого древнего служителя культа чрезвычайно оригинальны и не имеют прямых аналогов в памятниках Сибири. Не исключено, что их параллели следует искать в южных регионах, в частности в культурах Средней Азии и Индии.

Змея — универсальный образ мировой мифологии. Он редко встречается в сибирских мифах, но чрезвычайно широко известен в австралийских. Жители Пятого континента считали, что Змея-Радуга вышла из соленого Мирового Океана, поднялась вверх и бросила оттуда свой бумеранг. В местах, где он, описывая дугу, касался воды, появилась земля. Там Змея отложила яйца, из них вылупились культурные герои и предки аборигенов — «Великие Вонджина». Они разошлись по всему свету, совершая дела созидания. Изображения «детей Змеи-Радуги» мож-

по увидеть на австралийских писаницах. Иногда с головой Змеи показывали Дарамулун — культурного героя, посланца демиурга Байаме. Эти центральные персонажи мифов Юго-Восточной Австралии изображены на писаницах в районе Сиднея. Примечательно, что демиург Байаме, как структурно более поздний образ, был антропоморфным, а культурный герой Дарамулун — зооморфным. Эти мифологические герои запечатлены на писаницах с бумерангами, топорами, палицами в левой руке. Дарамулун изображен одноногом. Эта «особая примета», важная для мифологического персонажа, подчеркнута и у некоторых мифических героев на сибирских рисунках. Так, на нганасанском культовом диске с изображением Луны первобытный «демон зла» — баруси — запечатлен одноногом.

Тройные погребения древнейших эпох в специфике обряда и ритуала отразили определенные представления, связанные с мифологическим пластом эпохи мезолита и более раннего времени, а также особенности социального и семейного положения захороненных людей. Тройное погребение мужчины с двумя женщинами подтверждает реальность семейной структуры, описанной архаическими мифами, в которых действуют выдающиеся сакральные персонажи — первопредки и создатели культуры этноса. В то же время тройные погребения отразили реально существовавшую форму брачных отношений в ее весьма архаичном варианте, связанном с разновидностями группового брака. Показательно, что даже наиболее ранние тройные комплексы обладают определенными чертами начальной социальной стратификации, которая отражена в явно подчиненном положении женщин, захороненных в так называемых коллективных погребениях. Это, по-видимому, можно рассматривать как следствие выделения жрецов, а также охотничьих лидеров. Они становятся вождями на очень ранней стадии развития первобытной общины.

В едином мифофольклорном поэтическом потоке тесно переплетаются образы, связанные с Матерями Природы и женским началом, и персонажи, рожденные утверждающейся идеологией шаманства и патриархата. Это находит отражение в сюжетах сибирских мифологий о двух женах охотника: земной и фантастической жемиди-нах. Эти сказочные персонажи — нганасанские сигэ, кетские фыргынь, или козбосам — возникли из представлений о двух тотемных женах архаического мифического героя.

Женщины-колдуньи, «чертовки», «лесные бабы», ведьмы во многих мифологиях мира горят в огне, оставляя после себя людям... комаров. «У охотника было две жены: одна нганасанская женщина, другая — сигэ... <...> Охотник-нганасан диких [олений] добывал, сигэ-девка все сразу съедала... Гусиные яйца нашел, в чум пришел, делал их, дал женщинам по паю. Огонь просто на земле горел — топили тальник в тундре. Огонь горел большой... Муж говорит: „Возьми гуся яйца!“. Сигэ, услышав, протянула руки через огонь, оп ее в огонь и затащил! Попала в огонь и сгорела, говоря: „После меня тебя что-нибудь мучить будет!“. Оттого имя комаров по-нганасански — сигэ пгиланди — „искры сигэ“».

Древнейшие образы тотемного характера, завуалированные сказочной фантастикой, чрезвычайно широко распространены в фольклоре. «По обычаю своего племени Кому Кульшан, очень высокий и красивый юноша, взял в жены двух девушек: одну из них звали Чистое Небо, другую — Белокурая Девушка...» — узнаем из индейской сказки «Кульшан и его жены». Известно также, что Кому Кульшан (Белая Сверкающая гора или Великий Белый Страж) — это индейское наименование горы Бейкер. В сказке говорится о создании горного рельефа и небесных светил. О культурном герое Кульшане, повелителе зверей, творце рек, которому помогают и две его жены (в истоках — типичные героини тотемных времен). В древнем, мифическом, варианте этой сказки мотив соперничества женщин, вероятно, отсутствовал и все мифическое трио действовало согласованно. Другие примеры показывают, что поздний мотив соперничества двух жен заменялся мотивом соперничества их обеих с мужем.

Архаические образы мировой мифологии дают возможность проследить любопытные закономерности их развития из древнейших, тотемных, зоо- или орнитоморфных в антропоморфизированные. Такая эволюция произошла в образах двух жен культурных героев, тотемов и демиургов. Изначально мыслились две жены зооморфной или орнитоморфной природы, имеющие, как правило, тотемный характер. Со временем одна из жен принимает антропоморфный облик, а вторая — сохраняет архаичный. На заключительном этапе развития мифологического образа обе жены антропоморфны. Подобная тенденция согласуется с магистральной линией трансформации мифологических персонажей в героев фольклора, эпоса, сказки.

Тройные погребения с захоронением мужчины-доминанта, жреца или вождя, продолжают встречаться и в более поздние эпохи развития культур первобытности: в энеолите, бронзовом и даже железном веках. Так, в Южной Сибири, в долине реки Абакан, было обнаружено погребение мужчины-доминанта в сопровождении жены с ребенком и помещенной в уничижительной позе у них в ногах рабыни. Погребение находится в центре четырехугольной булыжной ограды могильника Тас-хазаа. Мужчина, очевидно, совмещал функции вождя коллектива и жреца: при нем были бронзовый топорик, маленькая булава — символ власти, а также культовая вазочка-курильница и производственный инвентарь. При женщине-жене находились зернотерка, сосуды. Женщину-рабыню сопровождали предметы, связанные с ее хозяйственной деятельностью: пест, сосудик оригинальной формы. Любопытно, что именно вторая женщина оказалась соплеменницей вождя: их антропологические признаки совпадают. Напротив, женщина-жена по антропологическим признакам принадлежала к народу древней культуры, который принес в Южную Сибирь навыки скотоводства и был близок к племенам эпохи энеолита степей Северного Причерноморья.

Еще один тройной комплекс обнаружен в могильнике Курота (Горный Алтай). Здесь были погребены двое мужчин и женщина; один из мужчин, очевидно патриархальный раб, ориентирован в противоположную, относительно основной пары, сторону. Среди инвентаря захоронения находился культовый предмет — вазочка-курильница. Возможно, и в этом погребальном комплексе был захоронен вождь-жрец.

Широко известны тройные погребения вождей-жрецов из могильников эпохи энеолита Кавказа. Особо примечателен Майкопский курган. Погребения в нем совершены в камере, разделенной на три отсека: в южном — мужчина-доминант, вождь и жрец; в восточном и западном соответственно положены жена и рабыня. Мужчина был обильно засыпан красной охрой, цвет которой символизировал огонь или кровь, основу жизни. Его сопровождали исключительно обильный инвентарь и украшения, в том числе пара серебряных сосудов, выполненных в древневосточном стиле, с гравированным ландшафтом Кавказских гор и процессией животных. Женщина-жена из восточного отсека была богато украшена, а в ее инвентарь входило

пять медных сосудов. Женщину-рабыню из западного отсека отличала бедность украшений. Ее сопровождал всего лишь один, да и то глиняный сосуд. Это погребение, совершенное в III тысячелетии до нашей эры, в эпоху интенсивных процессов социальной стратификации, которая иногда проявлялась уже как начальная социальная дифференциация. Об этом свидетельствуют богатство и разнообразие инвентаря, сопровождавшего умершего вождя и, очевидно, умерщвленных в связи с его кончиной женщин.

Аналогична по значимости и гробница в Пальчике, сильно потревоженная в древности. В ней также были погребены мужчина-вождь и две женщины (или женщины и юноша). Обращают на себя внимание стоявшие в ряд крупные антропоморфные стелы, они же конструктивные части гробницы. Не исключено, что их наличие указывает на культовый характер мужского захоронения.

Обрядово-ритуальные особенности тройных погребений Кавказа отражают социальную практику, характерную и для некоторых племенных образований этнографической современности, допустим Африки. Совмещение в руках лидера коллектива светской и культовой власти типично для целого ряда африканских этносов. Так, у скотоводов и земледельцев машонга (племени банту) вожди областей выступали и как жрецы, отправляющие культ предков. То же наблюдается у скотоводов ангоны (государство Мали): они погребали своих вождей-жрецов на священной территории в центре деревни, где находился загон для скота, основного богатства племени. Вожди-жрецы существовали и у знакомого с работорговлей народа яо (побережье Индийского океана), для которого характерны архаичные социально-идеологические институты. У мандингов (государство Мали) глава патриархальной семьи исполнял и функции жреца. Аналогичное явление отмечено и в эпическом фольклоре Африки, в частности в легендах народа суахили о Линого Фумо. Социальный подтекст этих легенд отражает мысль о необходимости передачи высшей власти вождя-жреца в другую, более младшую возрастную группу. Эта передача власти осуществлялась в результате ритуального убийства правящего вождя-жреца.

Особое внимание в связи с изучением тройных разновременных захоронений привлекает описание обрядово-ритуальных деталей похорон вождя племени балуба (пле-

мена банту из бассейна реки Конго). Кроме многих рабов, которых насильственно погребали в некотором отдалении, в центральной могиле хоронили вождя и двух рабынь. Их одевали в пышные одежды, украшали и уби-вали после того, как труп господина был положен между ними в могилу. Тройные погребения с патриархальными рабами и рабынями обнаружены в могильниках эпохи бронзы и на территории нашей страны. Привлекает внимание тройной комплекс у села Подострожного на Ангаре. Здесь в общей могильной яме были погребены мужчина-доминант и две девушки. Выразителем и тройной комплексе могильника Чериовая: мужчина-доминант с женой и ребенком похоронены в каменном ящике, раб — в грунтовой яме неправильных очертаний. В этом же могильнике, оставленном племенами скотоводов эпохи ранней бронзы, почти в каждой из крупных четырехугольных оград с захоронениями членов общинного коллектива есть одно тройное погребение. В них захоронены мужчина, обычно пожилой, две женщины, иногда разного возраста, а также дети. Это могилы патриархов и их жен. Они подхоранивались к мужу после естественной смерти, а рабыни умерщвлялись насильственно.

В могильнике древних скотоводов Приаралья Кокча 3, относящемся к бронзовому веку (II тысячелетие до нашей эры), из ста с лишним погребений тройным оказалось только одно. В могиле № 124 был погребен мужчина-доминант, к которому через какое-то время подхоронили последовательно двух женщин. Поза, приданная умершим женщинам, бедность украшений свидетельствуют о низком социальном положении этих женщин, очевидно рабынь.

Особенно много тройных комплексов в могильниках начала II тысячелетия до нашей эры, оставленных племенами так называемой катакомбной культуры в степях Украины и Нижнего Поволжья. Судя по могилам с оригинальным длинным входом — катакомбам, эти племена вели постоянный обмен женщинами и рабами-военнопленными, что типично для патриархальной стадии рабства. Такие рабы обычно сопровождали мужчину с женой в «мир мертвых». В погребении их клали в ногах основной пары. Подобные захоронения найдены в могильниках на Северском Донце («Шуркино поле»), в Приазовье, на реке Молочной («Гроицкое поле»), на Херсонщине у сел Шев-

ченко и Повочерпихорье и в других причерноморских курганах.

Картину социальной и семейной структуры общества носителей катакомбной культуры ярко раскрывает тройной комплекс в Калмыкии. В могиле из могильника Архара между двумя женщинами был погребен мужчина-доминант. С одной стороны на плече мужчины лежала голова одной из женщин, с другой — ничком, грудью поверх его правой руки — более молодая женщина. У первой женщины на пальце руки сохранилось костяное кольцо, у второй — украшений не было.

Этот погребальный комплекс можно сравнить с комплексом приаральского могильника Кокча 3. В степях Калмыкии, как и в степях Приаралья, существовал жесткий погребальный ритуал, согласно которому господина в иной мир сопровождали рабыни.

Мифология катакомбных племен неизвестна. Если и существовала письменность, то она была рисуночной, пиктографической. В изобразительном искусстве эти племена предпочитали использовать геометрические мотивы. Можно только предполагать, сколько динамичных сюжетов содержали навсегда исчезнувшие мифы и сказания этих беспокойных воинов-пастухов...

Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой.

В. И. Ленин

СКУЛЬПТУРЫ ЭПОХИ МАМОНТА

Центральная Франция между реками Луарой на севере и Гаронной на юге предстает подлинным музеем палеолитического искусства под открытым небом. Пещеры с росписями и гравировками, редкие барельефы и многочисленные антропоморфные статуэтки — все это составляет золотой фонд мирового изобразительного искусства ранних форм. Ранних — не значит несовершенных. Женщина и Конь, Женщина и Бизон у входа в пещеру Ла Маддален — таковы почти метровой высоты рельефы, созданные первобытным скульптором в конце верхнего палеолита. Не менее впечатляет другой рельеф, относящийся к той же эпохе: три высокореалистичные женские фигуры на стене пещеры Англь-сюр-Англен. Наконец, развернутая барельефная композиция более ранней, ориньякской, эпохи, в которой женщины «заклинают удачу», мужчина — имитирует движения охотника. Таковы знаменитые фигуры из Лесселя, где женщины держат сосуд для питья — рог бизона, а мужчина бросает дротик... Примечательно, что все хотя и немногочисленные, но художественно выразительные пещерные барельефы с изображениями женщин, очевидно, намеренно выставлены на дневной свет (рис. 3, 5).

Обычно памятники наскального искусства создавались в глубоких гротах, святилищах или убежищах первобытных общин, где праздничная ясность дня отсутствовала... Туда по опасным подземным переходам, узким карнизам, нависшим над пропастью, спускались мужчины и женщины, которые вели с собой даже детей — их крошечные следы навек запечатлены в глине... Цели таких

опасных для жизни походов представлялись человеку верхнего палеолита, очевидно, необходимыми и неизбежными. Можно предполагать, что это паломничество было частью обрядов, призванных поддерживать и продлевать жизнь людей и животных.

Названные памятники — это своего рода уникамы, которые были средоточием определенных сакральных представлений. Около них совершались, очевидно, ритуальные действия. Глубоко реалистичные по форме, они представлялись людям глубокой древности полными мифологического содержания. Но формирующиеся мифологические образы и представления еще не находили себе адекватных изобразительных форм. Поэтому первыми в наскальных рисунках и малых скульптурных формах изображались руки человека и знаки женского пола. Образ женщины оказался зашифрованным. Изображение передавало не зримую фигуру, но лишь ее символ. Однако уже в этом символе, распространенном в начале ориньякской эпохи верхнего палеолита (до 25—20 тысяч лет до нашей эры), была отражена ведущая идея, воплотившаяся впоследствии в женских образах верхнепалеолитического искусства: идея плодородия, воспроизводства, вечного возрождения жизни. В эту же начальную эпоху появляются весьма редкие изображения тучных женщин.

В эпоху ориньяка женские изображения распространяются особенно широко. Женские фигурки из костей мамонта и северного оленя составляли убранство жилищ охотников Евразии. Эти прекрасные миниатюрные скульптуры женщины далеких эпох находят в пещерах, землянках, сооружениях из костей и черепов мамонта в бассейнах Луары, Гаронны, в Дордони, на Рейне, Дунае, Днепре, Дону, Ангаре (рис. 5). Образ женщины-матери, релю молодой девушки, оказался характерным для искусства таких памятников, как Брасемпуй, Леспюг, Лоссель, Пато (Франция), Виллендорф (Австрия), Дольни Вестониче, Петриковиче, Павлов (Чехословакия), Костёнки, Авдеево, Гагарино, Елисеевичи, Мальта и Буреть (рис. 3, 3'). Время появления этих памятников — 25—18 тысяч лет назад. Все они расположены в приледниковой зоне с соответствующим экологическим фоном, тундровой и лесотундровой растительностью и животным миром. Охотничьи коллективы были объединены узами кровного родства и общими хозяйственными интересами, связан-

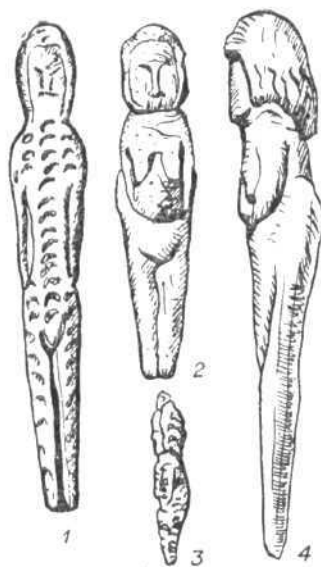

Рис. 5. 1 — женщина в меховом комбинезоне, скульптура (Бурети, Приангарье, верхний палеолит); 2, 4 — женщины, скульптуры (Мальта, Приангарье, верхний палеолит); 3 — женщина в меховом комбинезоне, скульптура (Мальта, Приангарье, верхний палеолит).

пыми с охотой на крупных травоядных — мамонтов, бизонов и северных оленей. Возможно, в подобных общинах уже существовало деление на половозрастные и брачные разряды.

Особенности социального статуса мужчины и женщины, их роль в общественной жизни коллектива с особой

отчетливостью проявлялись на ранних этапах развития первобытно-общинной формации. При определении этой роли следует руководствоваться известным положением Карла Маркса о двух сторонах общественного воспроизводства: первой, предполагающей воспроизводство жизнеобеспечивающего продукта, и второй — воспроизводство людских ресурсов коллектива. Значимость социального статуса мужчины в эпоху первобытной культуры определялась сферой производства материальных ценностей и обеспечения коллектива продуктами питания. Весомость социального и семейного статуса женщины при первобытно-общинной формации была обусловлена прочностью ее позиции как матери потомства.

Социальная роль женщины-матери в эпоху верхнего палеолита на ранних этапах формирования общества людей современного типа, кроманьонцев, была исключительно высока и общественно значима. Женщина выступала гарантом стабильной демографии в коллективах охотников. Она обеспечивала необходимое для поступательного развития общества воспроизводство людского потенциала. В то же время специфические черты психофизического склада женщины обусловили особое отношение к ней уже на ранних стадиях развития культуры верхнего палеолита. Она воспринималась как феноменальное

существо, обладающее способностью активного вмешательства в мир сложных взаимоотношений человека и природы. Подобным представлением о женщине, сложившимся в эпоху формирования мифологических традиций, объясняется ее причастность к культово-магической сфере жизни первобытного коллектива. Судя по изобилию статуэток женщин, которые мыслились Матерями Природы, в эпоху расцвета идеологии матрилинейных общин верхнего палеолита, очевидно, утвердились мифологизированные представления о материнских природных началах. В это время господства первобытного реализма появляются и первые немногочисленные изображения мужчин.

В конце верхнего палеолита, после некоторого спада в развитии женских образов, вновь появляются многочисленные изображения женщин. Это и пышные, и суховатые матроны. В мадленскую эпоху конца верхнего палеолита художественное воплощение получают сцены с антропоморфными, зоо-, орнитоморфными, а также фантастического вида мифологическими персонажами. Сцены эти обычно оригинальны и практически не повторяются.

Изобразительное искусство эволюционировало вслед за мифологией. Творцы прихотливых мифологических образов глубокой архаики передавали с их помощью идеи тотемизма (рис. 3, 6). Не исключено, что именно предки-тотемы и культурные герои определяли основное содержание гравировок и живописных полотен.

В Приангарье при раскопках Мальты и Бурети было найдено множество художественных изделий, в том числе женских статуэток. Они засвидетельствовали существование сибирской традиции художественного творчества, которое, однако, развивалось в общем русле канонов евразийского искусства верхнего палеолита. Стоянка Мальта по своей значимости может быть поставлена в один ряд с самыми известными местонахождениями верхнего палеолита как Восточной, так и Западной Европы. Она была обнаружена местными жителями в 1928 году и исследовалась известным антропологом и археологом М. М. Герасимовым, а также археологом Г. И. Медведевым. Возраст Мальты — 23 ± 5 тысяч лет. По инвентарю и жилым постройкам Мальта больше сходна с памятниками верхнего палеолита Европы, чем Сибири. Происхождение культуры, представленной этим памятником, во многом остается неясным. Как бы ни решался этот вопрос, оче-

видно одно — уникальные для Сибири женские статуэтки иллюстрируют подлинный всплеск художественного гения древних предков народов восточных регионов нашей страны.

В каких условиях создавались эти прекрасные образы, истинные шедевры скульптурной пластики древнего каменного века Сибири? Нашему современнику трудно представить ту природную и бытовую обстановку, в которой протекала жизнедеятельность насельников Приангарья, опытных охотников на мамонтов, псовоголов и северных оленей, более 20 тысяч лет назад...

Основной тип жилища Мальты — круглый чум. Примечательно, что поселение располагалось как раз на пути миграций северных оленей, основных промысловых животных общин. Люди обитали в четырнадцать жилищах, которые стояли в два ряда, по семь жилищ в каждом. За ними находились ритуальные ямы с разнообразным культовым содержанием. Очевидно, найденные в Мальте погребения ребенка с набором украшений, а также мамонтолка были совершены при закладке жилищ. Эти события обычно сопровождались жертвенными ритуалами. Таким, в предельно кратком изложении, представляется быт общины, члены которой изготавливали в обрядовых целях миниатюрные женские статуэтки — выдающиеся произведения древней скульптуры.

В Мальте найдено двадцать девять статуэток, преимущественно женских (см. рис. 5, 2—4). Примечательны условия залегания скульптур. Они обнаружены внутри жилища, прикрытых сверху костями крупных животных или плитками известняка. Возле одного из очагов лежали рядом скульптурка женщины и костяной орнаментированный стержень, возможно скульптурное изображение пушистого хвоста какого-то животного. У очага другого жилища обнаружены обломок женской статуэтки, браслет и пластинка из бивня мамонта. Недалеко располагались маленькая женская статуэтка и овальное украшение из бивня мамонта. Наибольший интерес у археологов вызвало жилище размером 3×4 м, которое представляло собой слегка вытянутый четырехугольник, обложенный со всех сторон плитами. Посередине постройки был устроен очаг из трех плит. Вокруг него сохранилось много золы, кусочков древесного угля и пережженных костей... У очага лежали четыре статуэтки женщин. Отдельно лежала изготовленная из бивня мамонта статуэтка длиной 92 мм.

Черты лица ее были детально проработаны, голову украшала сложная прическа. Остальные три фигурки залегают ярусно, одна над другой, в специальном углублении, заполненном мелкими стружками бивня мамонта. У верхней из статуэток просматриваются следы от сверления. Видимо, мастер предполагал сделать отверстие для подвешивания. Скульптурка в таком случае висела бы «вниз головой», вероятно для того, чтобы она не «оживала» и не начала «действовать» бесконтрольно. В скульптуре высотой всего 51 мм запечатлена полная женщина с курчавыми волосами.

Оригинальностью отличается группа статуэток, изображающих людей в одежде (см. рис. 5, 3). Это одно из древнейших свидетельств давнего бытования одежды арктического типа. Среди находок есть скульптурка обнаженной, украшенной лишь перевязью и поясом женщины. Еще одна фигурка отличается особо старательной проработкой черт лица, полного эмоциональной жизни.

Большая серия женских статуэток из Мальты представляет значительный интерес с различных точек зрения. Так, большинство исследованных образцов (12 экземпляров) было изготовлено из бивней мамонтов, и лишь один — из рога северного оленя. Археолог может лишь предполагать, что руководило древним скульптором-резчиком при выборе материала: чисто технические соображения удобства изготовления или тотемное представление о связи образов женщины и животного. Для воплощения абстрактной идеи древний мастер брал за основу конкретную модель. Отсюда разнообразие причудливых причесок, пышность или пригладенность волос, особенности фигуры. Наконец, изредка мастера достигали подлинных высот художественного творчества, пытались передать в скульптуре динамику черт лица и одухотворенность образа.

Какова семантика женского образа, воплощенного в статуэтках? Отвечая на этот вопрос, обратим внимание на места их находок — это очаг и периферия жилища. Иногда скульптурки размещались в земляных ямах. Они были тщательно прикрыты, как важные сакральные предметы, подлежащие длительному хранению и почитанию. Очевидно, в этом отразились представления о функциональной связи изображений женщин с огнем-очагом и землей. Не случайно статуэтки уложены ярусно: возмож-

но, так выражено стремление передать представление о ирреальности нижнего мира, мира мертвых.

Верхнепалеолитические женские статуэтки, вероятно, следует считать изображениями различных Матерей Природы. В этой связи можно говорить об архаических Матерях — Земле-Матери, Огне-Матери, призванных не только охранять жилище и его обитателей, но и регулировать природные процессы. Такую роль, очевидно, выполняли женские фигурки, известные по сибирским и европейским памятникам. Сосредоточение подобных фигур в одном месте, что характерно для Мальты и для Костёнок, свидетельствует в пользу гипотезы о «сестринских» отношениях этих женских мифических персонажей. Земля, огонь были, вероятно, наиболее древними почитаемыми природными стихиями у многих народов. Так, мифы об огне бытовали, например, у древнего населения Южной Америки уже в эпоху палеолита, как предполагают этнографы.

Тема связи женщины и зверя в ее древнейшем контексте также может быть прослежена на мальтинских материалах. Тотемистические представления, очевидно, существовали уже в те времена палеолитической архаики, когда человек осознавал себя органической частью единой и неделимой природы. Предки-тотемы, считали деревьями, вступали в брачные отношения со своими создательницами, Матерями Природы, либо были их «детьми» антропоморфной природы. Среди мальтинских находок есть несколько статуэток, показывающих связь людей с миром животных. Находка в одном из жилищ скульптуры мужчины в канале позвонка северного оленя подтверждает наличие сложной семантической связи между образами мифических людей и мифических зверей, порожденных Землей. Если некоторые из этих статуэток считать женскими, наряженными в шкуры, то тогда в них можно различить отчетливую связь между образами женщины и зверя.

Бурети — вторая знаменитая верхнепалеолитическая стоянка на Ангаре. Некогда здесь, как и в Мальте, было жилище охотников на мамонта и северного оленя. Жилища Бурети подобны жилищам Мальты. Особое внимание привлекают образцы, подчас уникальные, малой скульптурной пластики этого памятника. В Бурети обнаружено шесть скульптурок из бивня мамонта и мамонника. Возможно, две-три из них изображают мужчин,

Интересны женские фигурки. Одна из них — классических массивных форм, другая — запечатлела женщину в головном уборе шаподообразного канора. И, наконец, третья, самая крупная, покрыта месяцевидами знаками (см. рис. 4, 1). Характерно, что статуэтка эта лежала в жилище под анатомически правильно расположенными позвонками крупного травоядного животного, вероятно северного оленя. С боков ее прикрывали плоская галька и трубчатая кость дикого оленя. Возможно, подобный, связанный с жилищем комплекс, в котором оказались совмещенными скульптурка женщины и кости животного, представляет собой отражение идеи тотемного брака.

* * *

Бизон, пропзенный копьем, умирает, мужчина с птичьей головой падает, а маленькая птичка бесстрастно сидит на шесте... В чем смысл этой «доисторической драмы», запечатленной на стене французской пещеры Ляско? (рис. 6, 3). Ответ на этот вопрос представляется таким же дискуссионным, как и догадки о семантике искусства еurasийского верхнего палеолита в целом.

Изобразительное искусство верхнего палеолита как бы сфокусировало в своем истоке, в первоначальных для мирового искусства образах самые разнообразие идеи и начинания. В настоящее время можно со всей определенностью говорить лишь о том, что в верхнепалеолитических изображениях воссозданы определенные мифологические образы мужчин, женщин, а также человекоподобных и синкретичных существ (рис. 3, 7, 8). В процессе же интерпретации этого яркого искусства ничто не может быть безусловно отвергнуто: ни магия обрядов, ни элементы современной детской психологии, ни ранний тотемизм. И хотя, по мнению французского исследователя древнего искусства А. Леруа-Гурана, «дым костров Австралии» затемняет истинный смысл палеолитических образов, без их огней истина все же не будет высвечена. Чрезвычайно жесткая обусловленность интерпретаций А. Леруа-Гурана и французской исследовательницы палеолитического искусства А. Лямэ-Амперер — во многом дань рациональной четкости, принятой ныне в гуманитарных науках. Но искусство — это жизнь, выраженная через образы, и, как сама жизнь, многозначно и многообразно. Возможность отражения в искусстве древне-

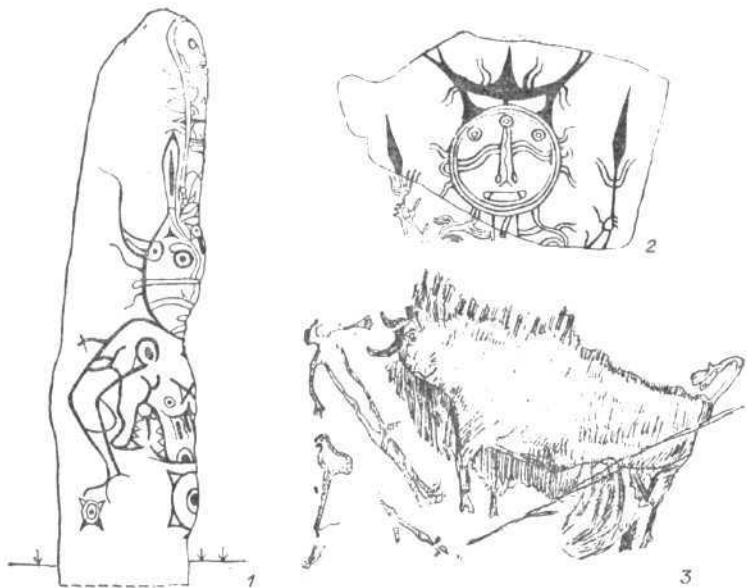

Рис. 6. 1 — зооморфная женщина — Мать Природы, мегалитическая скульптура (Южная Сибирь, бронзовый век); 2 — солнце с копытами, гравюра (Южная Сибирь, энеолит); 3 — человек-птица и бизон, гравюра (пещера Ляско, Франция, верхний палеолит).

каменного века представлений о тотемах, в охотничьей маскировке, пантомимах и танцах, отвергнутую французскими учеными как недоказуемую, все-таки следует принимать в расчет при анализе росписей и гравировок верхнего палеолита. Так, на стенах испанской пещеры Альтамира теснятся изображения антропоморфных существ с птицеобразными головами, а также кабанов и ланей. Иногда рисунки перекрывают друг друга. Некоторые из мифологических персонажей — мужского пола. Особенно выразительна фигура с крыльями и копьем (рис. 3, 4). Обращает на себя внимание многочисленность существ, олицетворяющих какие-то силы живой природы, типа представителей мира нго из архаической мифологии индусов.

Галерея иных образов, часто с признаками мужского пола, представлена во французских пещерах Комбарель и Три Брата. Несомненный антропоморфизм персонажей органично сочетается с характерными чертами конкрет-

ных животных — это человек-мамонт, человек-бизон (см. рис. 1, 5, 8). На рисунках запечатлены классические тотемы, полулюди-полуживотные, которых считали первопредками коллективов людей и чьи образы известны в мировой, в том числе сибирской мифологии.

Сложный образ антропоморфного существа с рогами оленя, головой совы, передними звериными лапами и хвостом — еще одно известное изображение синкретичного мужского персонажа. Мифический герой исполнен древним художником в технике резных линий росписи в специальном святилище — в труднодоступном углублении стены зала, который располагался в 400 м от входа в пещеру Три Брата. Местоположение рисунка, сложность образа, его значительность позволяют предполагать, что это главное действующее лицо определенного мифологического цикла, объект почитания первобытного коллектива.

Динамичные сцены и сложные композиции, искусство изображения которых расцвело в мадленскую эпоху конца верхнего палеолита Франции, — предмет особого внимания исследователей первобытной идеологии и ее мифологизированных выражений. Сцена запечатлела героев шествующими с копьями или палками на плечах, танцующими или толпящимися вокруг остова бизона, куда-то спешащими. В подобных композициях «действуют» антропоморфные персонажи, их облик однотипен, черты не детализированы. Напротив, в сценах с животными антропоморфные образы выглядят выразительными, иногда до гротескности. Уникальное изображение антропоморфного существа рядом с животными было обнаружено и в нашей стране, в Приуралье, в знаменитой Каповой пещере. Жизненный цикл первобытного человека и его мифические представления запечатлены в этих поразительных образцах его раннего творчества.

Женщина заклинает, мужчина действует — таковы основные сюжеты известных барельефов Лоссея, в которых, очевидно, выразилось понимание древним мастером законов реального взаимодействия человека и природы. «Напрасно думают, что женщины слабее мужчин в охоте. Домашнее колдовство сильнее, чем заклинания, которые произносятся в тундре... Тщетно ходит мужчина, но те, что сидят у лампы, — сильны, им легче подзвать любую добычу», — говорил старик-эскимос этнографу В. Г. Тану-Богоразу. Образ мужчины в первобытных мифологиях

и искусстве более противоречив, сложен и многочленен в своей семантике, чем образ женщины. Это четко отражено в живописи и графике верхнего палеолита. Образ мужчины в архаических представлениях был многоплановым: как антропоморфный тотем, первопредок этнической общности, наконец, реальный выдающийся охотник, чья деятельность на благо коллектива делала из него персонажа мифологических легенд (рис. 3, 1).

Классические примеры древнейшего искусства Запада при всей своей уникальной неповторимости свидетельствуют о том, что образы мифологических героев Сибири — предков-тотемов и культурных героев — созданы в едином русле общемирового творческого процесса. Убедительные доказательства этого — можно найти в наскальном искусстве Сибири, древнейшей графике и скульптуре.

К архаическим относятся изображения властелина тундровых просторов палеолитической Сибири — мамонта. Они известны по графике Мальты на Ангаре и Берелёха на Индигирке, по скульптуре Малой Сии на Белом Юсе и Усть-Ковы на Ангаре (рис. 4, 5). Датировка стоянки древних охотников Усть-Ковы близка мальтинской — $23\ 920 \pm 310$ лет до нашей эры. Здесь же обнаружено изображение птицы. Скульптурка птицы представляет особый интерес в связи с ярко выраженной орнитоморфностью древнейших образов сибирских мифологий.

Принципиальное единство путей развития изобразительных форм и сюжетов в древнейшем искусстве Евразии, как и питающих их мифологических образов, демонстрируют наскальные рисунки антропоморфных персонажей из Восточной и Западной Сибири (рис. 2, 3, 5—7). Чрезвычайно выразительны рисунки из Верхней Бурети на Ангаре. Наибольший интерес вызывают зафиксированные на скальных выходах орнитоморфный персонаж, зооантропоморфная фигура с рогами и хвостом (со знаком мужского пола), антропоморфизированная фигура медведя, персонаж с развилкой рогов и тут же — лось и птица (рис. 4, 4).

Рогатая фигура мужского пола, показанная древним художником в молитвенной позе адорации — с поднятыми руками, и лось изображены на Втором Каменном острове на Ангаре. Два подобных же рогатых мужских персонажа изображены под хороводом человеческих фигур и над цепочкой идущих лосей. Мужчина с короной из рогов

олениа известен по писаницам Большой Кады (рис. 2, 1). Аналогичные образы запечатлены на рисунках в Забайкалье: схематичное изображение — на писаницах Селендума, фигура шаманского облика — в нади Онохой.

Как интерпретировать эти неоднозначные образы? Возможно, в них показан человек-зверь. Несмотря на схематизм изображения, можно предположить, что рога были оленьи и лосиные. Человеком-оленьем, человеком-лосьем — так, очевидно, представляли герои тотемного круга, зооморфного предка (вспомним Дайбанго у иганасан, Кандальдука у селькупов). Оноха создания подобных мифологизированных рисунков — неолит, а отчасти и ранний бронзовый век, о чем свидетельствуют другие, органично соседствующие с ними рисунки (см. рис. 4, 4).

Иногда на писаницах показывали борьбу зооантропоморфных мифических героев: на скале у Сивирска персонаж с развилкой рогов борется с медведем, в Большой Каде длиннохвостое существо антропоморфного облика становится жертвой мужского персонажа, захватившего его голову в пасть. На камнях Сухой Бали на Ангаре так называемый махальчик изображен в окружении лосей, вероятно во время охоты. Примечательны динамизм подобных сцен, а также очевидное стремление показать взаимодействие мифического героя и реального зверя — медведя или лося.

Птиц особенно часто изображали на писаницах Забайкалья. Здесь они запечатлены в реалистической и схематической манере, большими стаями и по одной. Выразителен орнитоморфный персонаж мужского пола из Онохой (см. рис. 1, 6). Редкое изображение, также, вероятно, связанное с кругом тотемных образов, обнаружено археологами на моренном валуе у реки Казым в Западной Сибири, на древней земле восточных угров. Возможно, это Стрекоза — один из мифических тотемных предков народа манси. Любопытно, что в мифологиях мира в качестве тотемов выступали не только крупные представители животного и растительного мира, но и достаточно скромные, «невидные», с нашей точки зрения. Тотемами могли быть не только насекомые, подобные бушменскому кузнечнику Цагну, но даже личинки, о чем можно узнать из мифов австралийских мункап.

Особо отметим оригинальное изображение с ангарского Второго Каменного острова: Человек-Птица (мужской орнитоморфный персонаж) бежит на лыжах за Лосем. По-

добие этому образу можно найти в многочисленных «небесных лыжниках» сибирских мифологий: Ите у селькупов, Медведь Манги у эвенков. Мифический «лыжник» — распространенный образ в культуре северных стран. Он известен по наскальным изображениям Онежского озера и Скандинавского полуострова. В культуре развитого бронзового века Западной Сибири (могильник Ростовка) он представлен в скульптурном намерении уникального бронзового ножа: лыжник запечатлен как бы держащимся за бегущую лошадь.

«Мамонт — страшно большой зверь, по Земле ходил и ломал ее. Бог посмотрел на это: „Почему такой большой зверь? Не надо!“. Взял и всех мамонтов прикончил», — так описан конец этих гигантских обитателей приледниковых тундр в одном из мифов, сохранившихся до наших дней. Однако этот образ продолжает жить не только в устной традиции. Он запечатлен на стенах Каповой пещеры. Это единственные в нашей стране уникальные изображения Предка и Космогона, аналогичные западноевропейским.

Малая Сия на реке Белый Июс в Хакасии — поселение древнейших охотников Южной Сибири, живших в эпоху мамонта и шерстистого носорога (дата радиоуглеродного анализа — более 30 тысяч лет до нашей эры). Выразительные объекты архаического изобразительного искусства Малой Сии отразили всю сложность тотемно-космогонических представлений палеолитической эпохи. В. Е. Ларичев предложил оригинальные интерпретации найденных им здесь так называемых космогонических камней, сложных из-за совмещенности образов скульптур, раскрывающих своеобразие духовного мира их творцов. Проведенное исследование стало возможным благодаря привлечению в качестве возможных аналогий широкого круга образов мифологии и фольклора. Некоторые скульптуры Малой Сии несут сложную смысловую нагрузку. Мамонт, творец Вселенной, могущественный, как истинный космогон, с помощником Змеем создает, подобно змею Дяддару из эвенкийской мифологии, рельеф Земли. В многообразных скульптурах Малой Сии запечатлены «сцены мироздания», мифы о творении Земли предками-космогонами. Такие герои мифотворчества древних обитателей юга Сибири, как мамонт и черепаха, орел и черепаха, символизируют мужское и женское начала и, очевидно, связаны с символикой древнейших культов плодородия. Мамонт и черепаха, мамонт и самка бизона —

переальность подобных плодосеющих пар в живой природе не может противоречить факту их существования в мифологизированном мировоззрении первобытного человека. В этом убеждают примеры из мифов многих народов мира.

Скульптуры Малой Сии имеют не менее поразительные археологические аналоги. Так, примечательно, что в Восточной Европе, в известном комплексе Костёнки на Дону, обнаружены своеобразные фигурки из мергеля. Это были скульптурные головки львов, исполненные согласно принципу полиэikonии — многоакурсного изображения, меняющегося при различных точках зрения. Неоднородны и верхнепалеолитические изображения котов из Костёнок и из Авдеева. В них запечатлен то ли хитроватый кот, вечный спутник человека, то ли человек с чертами кота... Поэтому естественно предполагать, что скульптурно-барельефное изображение мамонта и черепахи из Малой Сии при определенном ракурсе (взгляд под прямым углом) могло действительно восприниматься как целостное изображение одного мамонта. Если это так, то скульптурки такого типа нужно считать попыткой древнего мастера отобразить мифологический образ не только в пространстве, но и во времени, благодаря чему сцена развивается последовательно...

Проблема многоакурсного изображения близко смыкается с вопросом интерпретации многочисленных образов мифологии первобытности. Антропо- и зооморфизм, намеренная стертость граней рисунка, расплывчатость видных характеристик в изображениях птиц и животных, карикатурность облика человека — такова реальность, с которой постоянно сталкиваются исследователи верхнепалеолитического искусства. Многоплановость в семантике, в смысловом содержании изображаемого объекта, многоакурсность в его форме — не было ли это своеобразной нормой видения и художественного творчества в определенные периоды развития древнейшего изобразительного искусства, которое питалось прихотливостью в фантастичности образами мифологии?

Число археологических источников все возрастает, однако ничтожно мал прогресс в их интерпретации. Безмолвные, но и полные весьма значимой информации, незащищенные от случайной гибели или намеренного (из-за непонимания), варварского уничтожения — все эти бесценные свидетельства культур далеких эпох требуют особого внимания, будь то рисунки на прибрежных скалах

великих сибирских рек или уникальные предметы искусства палеолита. Ведь именно они позволяют включить древнейшую историю Сибири в единый строй с историей зарождения цивилизации Восточной и Западной Европы.

ЧЕРЕПА В АЛЬПИЙСКОЙ ПЕЩЕРЕ

Жили в тундре, в одной яранге
горный баран и медведь...
Однажды кочевали медведи
из одного конца тундры в другой...

Из чукотских сказок

Кости тысячи медведей — в пещере Вильдкирхли, восьмисот — в пещере Гайленрейт, «медвежьи пещеры» Драхенлох, Петерсгёлле и другие, обнаруженные в альпийской зоне Центральной Европы еще в начале XX века, — загадка культуры неандертальцев, эпохи мустье, заключительной фазы нижнего палеолита (120—40 тысячелетий до нашей эры). Особенно впечатляют каменные ящики Драхенлоха и ниши Петерсгёлле, в которых черепа и кости конечностей были уложены в строгом порядке, с определенной ориентировкой. В «медвежьих пещерах», как правило, находят черепа медведей, которые, судя по сохранившимся позвонкам, закладывались в эти своеобразные первобытные храмы отдельно от туловищ. Очевидно, это были не естественные кладбища пещерных медведей, не остатки пищи первобытных жителей пещер, а сознательно созданные неандертальцами сооружения для отправления культа медведя. Охота на этого крупного хищника в период мустье играла исключительную роль. Поэтому-то в труднодоступных скальных урочищах, на высоте 1500—2500 м над уровнем моря, среди снежной высокогорной пустыни, далекой от мест постоянного обитания неандертальских охотничьих общин, и устраивались подобные культовые комплексы почитания медведя.

Существование у неандертальцев культа медведя подтверждается особенностями некоторых захоронений. Во французской пещере Регурду рядом с погребением мужчины-неандертальца, перекрытым камнями, в яме под плитой размером 2×2 м и весом в 400 кг находились череп и кости медведя. Вполне возможно, что медведь «сопровождал» человека. Допустима и другая версия: человек —

это жертва при главной фигуре погребального комплекса, медведя.

Медведь, очевидно, был основным среди почитавшихся неандертальцами животных. Известно также о поклонении оленю и горному козлу, чьи кости, уложенные в определенном порядке, встречаются в некоторых погребениях. Особо впечатляют сведения о культе волка. В шестидесятых годах нашего века экспедиция французских археологов и антропологов на Лазурном берегу близ Ниццы при входе в хижины на пещерных площадках грота Лазаре обнаружила тщательно трепанированные головы волков, своего рода предвратные стражи.

В древних памятниках на территории нашей страны также найдены убедительные свидетельства почитания медведя и других наиболее значимых для человека нижнего палеолита диких животных. В кавказской пещере Кударо был найден крупный череп пещерного медведя. Повернутый лицевой частью ко входу, медведь как бы оберегал его. В другой пещере Кударо перед входом в центральную, обжитую часть один против другого стояли два черепа — пещерного медведя и оленя. Известны также памятники, во многом аналогичные знаменитым альпийским. Это пещеры Навалишенская и Ахштырская на Кавказском побережье, а также Ильинка под Одессой. В последней обнаружены остатки сооружений из каменных плит, очевидно подобных каменным ящикам альпийского Драхенлоха, а также медвежий череп и челюсть. Череп был обложен камнями, а челюсть поставлена на четыре известняковые плитки. Кости принадлежали не менее чем пятистам особям медведей!

Культе медведя уходит своими корнями в глубины столетий давности. Почитание медвежьих голов неандертальцами можно сопоставить с обрядами так называемых медвежьих праздников, известных на евразийском Севере, в частности в Сибири, а также в Северной Америке. Это сходство — одно из немногих связующих звеньев в процессе культурного развития первобытного общества Евразии: от эпохи неандертальцев — к кроманьонцам, людям современного физического типа, далеким зачинателям современной цивилизации. В памятниках, оставленных кроманьонцами верхнего палеолита, нет «медвежьих пещер», но можно найти свидетельства существования культа медведя как тотемного предка и существа, причастного к культам плодородия. Это

отражено в сценах на гравированных плитках из французских гротов Пенинале, Мас д'Азиль, Коломбьер.

«Дедушка-медведь», «Бабушка-медведица» — так уважительно-ласково именовали сибирские народы, жившие на пространствах от Оби до Амура, могучего хозяина тайги. Они видели в нем первопредка, культурного героя, шаманского духа-помощника. С особой выразительностью отношение к медведю как герою древнейшей эпохи тотемных представлений проявилось у «вечных скитальцев тайги» эвенков (тунгусов). Древнейшей территорией, на которой формировались «медвежий мифы» и сопутствовавшие им ритуалы, была, очевидно, горная тайга, примыкающая с запада и востока к озеру Байкал. Здесь обитали пратунгусские племена. В ходе расселения по всей Сибири эвенки пронесли красочные медвежьи мифы и ритуалы по всей огромной территории своего обитания. Начало процесса распространения культа медведя относится еще к доолениводческому периоду, уходит корнями в архаику каменного века.

В мифах, мифологизированных сказках, эпических преданиях и ритуалах охоты на медведя сохранились древнейшие представления о медведе как одном из основных персонажей сибирского фольклора. Мифологизированное сказание о девочке Хеладап создано поэтическим воображением западных эвенков, расселившихся к западу от Енисея и к северу от Ангара, до самых приполярных тундр.

Хеладап плывет на льдине по мифической реке Энгде-кит. Ее начинает уносить в низовья, в «мир мертвых». Но главная, десятибубенная шаманка, живущая на берегу, спасает ее. Она дает девочке два шила, чтобы зацепиться и вырыгнуть на берег. Лед предлагает Хеладап (девочка получает это имя после спасения) вернуться к нему, соблазняя ее различными важными в хозяйстве эвенков предметами: «Хеладап, Хеладап, оглянись вниз, камень для растирания красок виднеется!». «Не стану оглядываться — черепа людские кажутся!» — слышит он в ответ. Лед предлагает девочке топилу, кокемялки, скребки для обработки шкур, огнива и чашки, черную и красную краски — все то, что должна иметь женщина, живущая в стане охотников. Однако Хеладап не поддается: «Не стану оглядываться — это кости мертвецов!» — и уходит жить к Медведю. Медведь Игамонди немедленно принимает участие в беглянке, он хочет вручить ей дотоло

не виданный эвенками дар — оленей. «Медведь сказал: „Меня — убей! Освежу, сердце мое положи спать с собой, почки — на священное место в чуме, шерсть высыпи в сухую яму, кишки повесь на сухое свалившееся дерево, голову положи спать на священное место, за очагом!“». Хеладап сделала все, как велел медведь. Утром проснулась, видит — напротив старик, старуха спят, за очагом двое детей играют, за ними старик спит, снаружи — бродят олени. Ямка полна оленей. Выскочила Хеладап из чума, собрала оленей. Среди них она нашла маленького оленя, села на него верхом и отправилась к поющим эвенкам. Девять чумов пробежала — в десятом ее поймали. Хеладап запела: «От сердца Медведя зачем ушла, от почек Медведя зачем ушла, от головы Медведя зачем ушла, от шерстки Медведя зачем ушла...». Хоровод родичей не радуется девочку Хеладап — она тоскует по своему чудесному, исчезнувшему навсегда другу...

Сказание о Хеладап — прекрасный пример многоступенчатой эволюции древнейших мифологических форм, их органичного впитывания в шаманский фольклор. В мифологическом сказании о Хеладап, по мнению известного советского тунгусоведа Г. М. Василевич, вычлениются три пласта: легенда о племени игамонди, познакомившем предков эвенков с олениводством; медвежий миф не эвенкийского происхождения, в котором медведь — истинный культурный герой, причем жертвующий собой, и, наконец, поздний, шаманский пласт. Представление о появлении оленей, приведенное в мифе о Хеладап, настолько укоренилось в традиционной культуре эвенков, живущих к северу от Ангара и к западу от Енисея, что еще в двадцатые годы нашего века на вопрос Г. М. Василевич «Откуда произошли олени?» они отвечали: «От медведя!».

Почитание медведя, предка и культурного героя, имеет долгую историю, отражено во многих мифологических и ритуальных традициях. Оно фиксировалось у эвенков и народов Дальнего Востока, а также у некоторых других народов Сибири. «Медвежий праздник» этнографы наблюдали в двадцатых годах у эвенков Подкаменной Тунгуски, в сороковых — у эвенков Алдана. Связанные с культом медведя ритуалы орочей, ульчей и ряда других дальневосточных народностей сохранили примечательные черты соответствующих культов айнов: воспитание и выращивание медвежонка в клетке, кормление его, подобно ребенку, женской грудью, почитание головы и черепа

убитого на «медвежьем празднике» медведя. Известный этнограф Е. А. Крейнович составил яркое описание «медвежьего праздника» нивхов, очевидцем которого он был.

Мифологическое представление о Медведе как родственнике человека у кетов связано с выразительным образом Кайгуся — покровителя и хозяина лесных зверей, доброжелательно настроенного к человеку существа. В цикле мифов рассказывается, что Кайгусь, приняв облик медведя, захотел взять в жены дочь Старика. Все звери стали его отговаривать, предвещая гибель, но Кайгусь похитил девушку. Началась погоня, и он отпустил девушку, посвятив ее предварительно в ритуал «медвежьего праздника», необходимый для его оживления. В мифах о Кайгусе сохраняются следы воспоминаний о воспитании кетами, подобно звенкам и амурским народностям, медведей в обрядовых целях. Высокое положение мифического Кайгуся в иерархии персонажей подтверждается замечанием о том, что он, подобно человеку, Есю и Хоседам, имеет семь мыслей-душ. Говоря о медведе, кеты обычно пользовались «подставными» названиями: «Звезды» — глаза медведя, «одежда Старика» — его шкура, сам медведь — Старик, Отец. Предполагалось, что медведя не убивали на охоте, но он сам приходил в должное время «в гости к людям»... В каждом убитом медведе кеты видели конкретного умершего родственника. Охотник, выследивший медведя для «медвежьего праздника», говорил: «Старуха-Кайгусь по горелым холмам идет в лес, всевозможных зверей зовет к себе. Длинноногие, кривоногие, мелкошагающие, земные, крылатые звери — по ее мысли они сами приходят...». Считалось, что Кайгусь — хозяин зверей — приманит их к человеку. Участники кетского «медвежьего праздника» свистом подражали медведю, который, «свистя по-бурундучьи», приманивает якобы к себе зверей... Звенки в аналогичных случаях подражали вороньим крикам. Так в древних формах охотничьих пантомим сохранялись архаические представления о единстве всех форм природы, о воздействии на нее человека через представителей ее же животного мира. На основе реальной охотничьей практики не только закреплялись многовековые паньки, но и усложнялись мифологические представления о конкретных объектах животного мира. Складывались стереотип поведения на охоте и соответствовавший ему ритуальный стереотип, проявлявшийся, в частности, в словесных формулах, которые должны были способство-

вать успеху. Эти формулы-обращения насыщены образами мифологической архаики.

Если Кайгусь — сын медведя и смертной женщины, то Койотбыль, еще один персонаж кетских «медвежьих мифов», — сын медведицы и смертного человека, который был найден ею мертвым в берлоге и оживлен. Миф о Койотбыле в своей основе принадлежит к мифам тотемного круга, эволюционировавшим в сторону охотничье-промысловых преданий. В мифологическом цикле о Кайгусе и о Койотбыле одна фратрия была представлена медведем или медведицей, другая — человеком, вступившим в брак с этим древним покровителем охотников.

Хапты, которые жили по рекам Вах и Васюган, практиковали яркие «медвежьи праздники»; причем во время пантомимы они подражали крику мифического ворона. Васюганцы считали медведя человеком, пришедшим навестить их родственником, и называли его «младший брат-зверь». Ваховцы отводили убитому медведю почетное место, мордой к очагу, и говорили: «Здравствуй, лесной старик!». Глава праздника «беседовал» с медведем, выясняя местонахождение лесных зверей. С медведицей разыгрывали сцену «визития ее в жены». Затем последовательно зажигали четыре лучины — столько ночей охотник проводил «у костра медведицы». Приложив к лицу часть срезаанных губ и нос зверя, охотник сам «становился» медведем! Далее новоявленный «медведь» свистел по-бурундучьи и разыгрывал сцену «медведь и его две старшие сестры бурундучихи».

Можно вспомнить, что тотемные предки в таких архаических мифологиях, как бушменская, папуасская, австралийская, как правило, были разновидными существами, хотя и считались кровными родственниками. В мифах австралийских мункан говорится о приключениях Женщины — Болотной Утки и ее Братьев-Попугаев, о Женщине — Болотной Рыбе и ее Старшем Брате — Банановой Птице. Мифические супруги обычно относились к одному виду, но можно встретить Женщину — Морскую Черепаху и ее Мужа-Устрицу. Примечательно, что по законам мифологической трансформации мифический брак приводил к видовым превращениям. Так, в результате «брака» с медведицей мужчина приобщался к клану медведей или превращался в зверя.

Когтистый старик — Койсинг-Ойка: так, будучи мифическим предком фратрии Пор, именовался медведь в

мифологии манси. Структурно более ранним был образ медведицы: она мать первой женщины фратрии Пор. Медведицу-родоначальницу убили охотники, взяли маленькую девочку, ее дочь, и воспитали ее. Такой сюжет встречается в мифологиях мира, его можно обнаружить в виде яркого пережитка даже в такой развитой мифологии, как греческая. Охотница Аталанта, участница знаменитой охоты на гигантского калидонского вепря и похода аргонавтов в Колхиду за золотым руном, была в детстве оставлена отцом. Девочку вскормила медведица, а воспитали охотники. Тут любопытен еще один мотив, который прослеживается в более поздних произведениях, например в известной исландской саге о Ганлауге — Змеином Языке. Он связан с жестоким обычаем людей первобытных и традиционных культур оставлять на произвол судьбы «лишних» поворожденных детей. В первобытных мифологиях по мере эволюции жанра таких детей, становящихся впоследствии выдающимися людьми, находят и воспитывают звери-предки, старухи, старик со старухой и, наконец, приближенные вождей и королей.

Примечательно еще одно соприкосновение образов греческой классики с архаическим образом медведя. Так, созвездия Большой и Малой Медведицы рассматривались, согласно мифологическому канону, как сын Зевса Аркад, отданный на воспитание нимфе Майе, и его мать, Калипсо, превращенная Зевсом в Медведицу, чтобы скрыть ее от ревности Геры — его супруги. Млечный Путь — капли молока из груди этой своенравной богини.

Медведь — покровитель фратрии Пор — в мифах манси выступает как подлинный культурный герой: от него люди получают огонь и лук, основополагающие компоненты первобытного культурного комплекса, связанные с охотничьей добычей и ее реализацией. Если огонь как достояние человеческой культуры стал известен в Олдувее более 2 миллионов лет назад, то лук — изобретение людей конца верхнего палеолита.

«Медведь раньше человеком был. Зато он и теперь понимает язык человеческий... Медведь — это самый младший у нас, у людей. Я ему буду, скажем, старшая сестра. А мальчика или мужика медведь считает старшим братом», — так простодушно, но необычайно четко передала представление селькупов о медведе в его традиционной форме женщина-селькупка из юрт Чворовых на реке Ньюрольке. У саянских и томских карагасов, небольшой само-

дийской народности, в средние века тюркизированной, существовали мифические в своей основе легенды о происхождении медведей и карагасов от двух братьев. Медведь был их Ире — Дедушка. Практиковалось культовое поедание медвежьего мяса сообща, всем поселком, что являлось несомненным отзвуком все тех же «медвежьих праздников». Поразительны традиционные представления о медведе у иганасан: медведи считались самостоятельным «народом», сильным и смелым, с бытом, сходным с иганасанским, живущим севернее и охотящимся. Заходить на территорию этого «медвежьего народа» было опасно.

Медведь — постоянный персонаж традиционной культуры шаманства, выступающий как дух-помощник, хозяин подземного мира. Его шкура и кости — принадлежности шаманских костюмов, атрибуты камлания. Так, в шаманских (хотя и мифологизированных) сказаниях эвенков Медведь выступает Хозяином Подземного Мира мертвых, духом-предком, который распоряжается душами предков. Иногда он действует в антропоморфном облике. По традиционным представлениям кетов, медведь также был хозяином подземного мира. У селькупов он главный дух подземного мира, охраняющий вход в него. Этнограф Е. Д. Прокофьева описала сеанс камлания в «светлом чуме» у жителей Тазовской тундры: в процессе камлания, среди прочих манипуляций, шаман объезжал «вокруг костра на своем мифическом олене, а при камлании в нижний мир — на медведе».

Костюм кетского шамана дополняли рукавицы и обувь, сшитые из шкуры с конечностей медведя, подвески, изображавшие части конечностей медведя, и головной убор своеобразной формы — так называемые кости медвежьей головы. Шаман, «вооруженный» колотушкой, обтянутой шкурой медведя, и длинным железным ножом, «добирался» до самой Хоседам и отнимал у нее похищенную душу человека — Ульвей. Для кетских шаманов вообще было характерно перевоплощение в оленя, птицу или даже стрекозу.

Эвенкийские шаманы имели два плаща для камлания и путешествия в верхний и нижний миры. Плащи были изготовлены из шкур оленя и медведя. Лапа медведя, как и в других традиционных культурах Сибири, служила для изготовления колотушки и для гадания. Шаманы в традиционной культуре иганасан также перевоплощались

в животных и птиц: медведя, гагару, кукушку. В уникальном комплексе шаманских предметов, найденном экспедицией ленинградских археологов и этнографов на Таймыре, основным было изображение шаманки День-Койка. Оно лежало на ритуальных партах, а рядом на шкурах находились две железные маски медведицы и ее сына медвежонок. Они играли роль ездовых собак и «везли» шаманку вверх, по дороге к Солнцу. Одновременно эти своеобразные предметы изображали и медведей-предков.

Почитание медведя как предка-покровителя и тотема было универсальным в культах древних евразийских племен лесной полосы (рис. 2, 4). Археологи обнаруживают многочисленные следы культа этого властелина лесов, который неизменно наделялся антропоморфными чертами, в находках эпохи мезолита, а также более поздних, неолита и бронзового века. Медведь в виде скульптурок из кремня, гранита, кости, завершивший на фигурных молотах, а также костей — ритуальных охотничьих амулетов и фетишей плодородия — почитался в сибирской тайге, Поволжье, Прибалтике, Среднерусской полосе Восточной Европы.

Черная Гора — под этим названием известна усыпальница племен эпохи мезолита — бронзового века, открытая московскими археологами в Волго-Окском междуречье. В эпоху ранней бронзы племена волосовской культуры охотников и скотоводов, очевидно древние угро-финны, оставили здесь яркие свидетельства медвежьего культа. В захоронении обнаружены обезглавленные костяки четырнадцати человек, кости лап и челюсти медведей, положенные вперемейку с черепами людей. Все находки были сильно обожжены и посыпаны порошком красной охры — символом крови и жизни. Это пример культового погребения, где главный объект почитания — медведь.

В другом известном памятнике волосовской культуры, Володарях (начало II тысячелетия до нашей эры), близ заброшенного жилища в овальной могиле было зафиксировано массовое захоронение двенадцати человек, погребенных последовательно. Их головы (кроме детских) отрублены, обожжены и посыпаны охрой. Среди костяков людей находились кости медведей, преимущественно фаланги лап. Это еще одно выразительное свидетельство культа медведя.

Ленинградские археологи в Южной Сибири, в устье реки Сыды, притока Енисея, раскопали могильник Че-

ремушный Лог, выразительный памятник культуры лесных племен. Он датируется эпохой раннего бронзового века. Погребенные в каменных ящиках мужчины и юноши были, судя по сопровождавшему их инвентарю, охотниками на лосей, косуль, оленей, волков и медведей. Каждого охотника сопровождал индивидуальный набор костей диких животных — вероятно, амулетов. При четырнадцатилетнем охотнике находились двадцать подъязычных костей от нескольких оленей, две подвески из зубов медведей и четыре кости фаллоса четырех взрослых медведей, игравшие роль амулетов плодородия. При взрослом, сорокалетнем, охотнике набор костей был иным: он включал пястные и плюсневые кости от четырех взрослых и трех молодых косуль. Еще при одном взрослом охотнике помимо культовой вазочки-курильницы в восточном углу могилы лежали восемь плюсневых и одна пястная кость от трех взрослых волков. Кости были скреплены и образовывали Т-образную фигуру. Вероятно, это был предмет для гадания или колотушка типа позднейших шаманских. По этим примерам видно, что у охотничьего племени глухого таежного уголка Правобережного Енисея существовал развитый культ диких животных. Медведь, Волк и Олень представляли исконные образы зверей-предков.

В древних культурах Сибири известны помимо медвежьих костей, своего рода натуральных свидетельств медвежьего культа, многочисленные фигурки и отдельные головки медведя. Особенно часто их находят на Среднем Енисее, в Западной Сибири и на Алтае. Наиболее ранние фигурки обнаружены в могиле Мельничный Лог, в Базанхе под Красноярском, а также при раскопках могильника и поселения Самуль под Томском. Изображения медведей часто реалистичны и выразительны в своей простоте.

Особую серию составляют так называемые фигурные молоты, украшенные головой медведя. Они найдены на реке Оке около Братска и у озера Иткуль на Алтае. Похожие на молоты предметы известны среди находок на Скандинавском полуострове. Очевидно, это фаллические объекты культа плодородия,

Преславная, прекрасная статуя!

А. Пушкин

«Яркая вспышка, сухой треск, и я, выбежав на веранду дома, увидел фантастическое зрелище: по двору плясал, перекачиваясь, метровый огненный шар, окаймленный языками пламени. Он был как веселое сияющее Солнце в миниатюре...» — вспоминает очевидец, наблюдавший крупную шаровую молнию в одном из поселков Подмосковья. «Как Солнце в миниатюре...» — такое сравнение, возникшее у нашего изумленного современника, тем более естественно для человека бронзового века.

В истории развития культуры и эволюции форм изобразительного искусства, питавшегося изначально мифологическими образами, наступали моменты и целые периоды поразительного по своей сдухотворенной насыщенности расцвета — идей, красок, форм. На заре бронзового века истории Южной Сибири (конец III — начало II тысячелетия до нашей эры) в культуре раннескотоводческих племен можно наблюдать яркий всплеск искусства разнообразных изобразительных форм: монументальной скульптуры, мелкой пластики, наскальных изображений. Если крупные каменные изваяния распространены по всей территории Хакасско-Минусинской котловины, то плоские стелы группируются преимущественно в бассейне Абакана. Для первых характерны сложные зооморфные образы, для вторых — антропоморфные.

Народы, оставившие памятники абаканской культуры, были связаны с культурами среднеазиатского ареала, чьи естественные контакты издревле простирались до Индии и стран Древнего Востока. Так в степи Южной Сибири проникали мифологические представления, восходящие в своей основе к культурам древневосточных цивилизаций. Антропоморфный персонаж солярного характера — ведущий мифологический образ, запечатленный на стелах абаканского археологического изобразительного комплекса. Антропоморфная фигура с безупречным по правильности кругом — таков наивный, но выразительный образ Солнца. Оригинальна стела из улуса Онхакова с изображениями солнца со змеями (рис. 7). Если изображение солнца следует трактовать как мифологический образ Солнца-Матери, то фигура Солнца со

Рис. 7. Солнце со змеями, стела (Южная Сибирь, энеолит).

Змеями допускает двойное толкование. Если в ней воссоздан образ Змеяборца, то аналогии ей можно найти в глобально известных сюжетах, например в древнеегипетских. Образ Солнца мог быть также воплощением плодоносящих сил, тогда змеи — их символы, что можно сопоставить с известными ближневосточными богинями-матерями со змеями.

Антропоморфные персонажи в остроконечных конусовидных головных уборах, подобных тем, которые можно увидеть на портретах изящных европейских дам эпохи Кватроченто (XV век), — какие мифы связаны с их изображениями? Вот динамичная мифологическая сцена, воссозданная на плите из могилы 1 абаканского могильника Тас-хазза (рис. 4, 2). В погребении были похоронены две молодые женщины, занимавшие разное социальное положение. Госпожа položена в основании этого двухъярусного погребения со многими украшениями и богатым инвентарем, рабыня — сверху, в уничижительной позе, на четвереньках и вниз лицом (положена задницей?). со скромным ожерельем из резцов байбака вокруг шеи... Была ли главная из погребенных жрицей определенного (солярного?) культа и как сопоставить рисунки на плите, разделявшей обеих женщин, с характером деятельности погребенной — установить невозможно. Однако сюжет в целом ясен. Он связан с похождениями мифического персонажа, культурного героя, с его основным деянием — добычей Солнца. Одна из трех запечатленных птиц, сокол, сближена с культурным героем и его помощником, а две другие, орлы, связаны с главным персонажем. Итак, это изображение мифа о Разорителе орлиного гнезда, одного из древнейших у племен Северной Азии и Америки, восходящего, очевидно, еще к каменному

веку. Изображение солнечного диска в лапах орла, а также диска на груди героя подтверждает такую семантику сюжета. Примечательно, что у обеих антропоморфных фигур изображены пупки... На некоторых красочных средневековых миниатюрах из монастырских рукописей Западной Европы эпохи средневековья первого человека, Адама, иногда изображали с пупком. Святые отцы спорили: мог ли иметь пуп Адам, будучи не рожден, но сотворен богом...

Сцена с Разорителем орлиного гнезда, похитившем Солнце, из Тас-хазаа архаична по своей атрибутике и сюжету. Однако орнитоморфные персонажи с другой могильной плиты этого древнего кладбища кажутся павсячными образами палеолитической древности. На ней вне симметричной композиции, но, несомненно, в определенном взаимодействии «движутся» фигуры с ногами человека, птичьими торсами и головами. У края плиты запечатлена человеческая фигура, в центре — сидящая птица. Сюжет этой сцены определить трудно. Следует обратить пристальное внимание на орнитоморфность персонажей, очевидно тотемных героев. Именно птицы часто сопутствовали культурным героям сибирских мифологий, были их древнейшим, тотемным воплощением. В устном творчестве жителей степей Хакасии можно обнаружить эти древнейшие птичьи образы, подобные по форме персонажам гравировок верхнего палеолита Франции, а по содержанию — мифологическим образам Сибири. На плитах могил могильника Тас-хазаа обнаружены иные, но не менее архаичные по форме и семантике мифологические персонажи: с характерно склоненными вперед торсами, со звериными хвостами, с конскими головами, типичными для солярных персонажей.

Изобразительный комплекс абаканской культуры крайне архаичен. Его персонажи сопоставимы с традиционными образами древнейших мифологий мира: орнитоморфными тотемными предками, культурными героями и, наконец, образами солярного круга. Если семантика мифологических образов плит Тас-хазаа, а также солярных стел южно-сибирской степи поддается четкой интерпретации, то вопрос о создателях этого поразительного изобразительного комплекса остается дискуссионным.

Стелы стояли в степи, их почитали и не тревожили, тогда как плиты с гравировками для людей, погребавших своих умерших в могильнике Тас-хазаа, часто были не

более чем странным материалом. Поэтому многие из них сохранились в обломках, на некоторых — красочные изображения трехглазых личин. Не исключено, что так обращались с памятниками люди, для которых эти изображения и образы были чуждыми. Они могли быть пришельцы с севера, племена — создатели каменных статуй с зооморфными изображениями, распространившиеся по всей Хакасско-Минусинской котловине Южной Сибири. В пользу этого предположения свидетельствуют археологические данные. В могильниках эпохи раннего бронзового века находились погребенные двух антропологических типов. Отмечено и смешение двух типов сопроводительного инвентаря. Предметы раннего типа принадлежат культурному комплексу создателей абаканских антропоморфных стел и гравированных плит, племен ранних скотоводов эпохи энеолита; другие, более поздние по характеру, — создателям зооморфных статуй Севера. Произошло органичное культурное слияние взаимодействующих культурных и антропологических племенных комплексов, приведшее к смешанному браку. Этногенетически более древний комплекс связан с древними населенниками края, родственными племенам древнейшей культуры ранних скотоводов Евразийских степей, простиравшихся от Поднестровья до долины Алтая и Енисея. Другой тип аборигенного населения севера Хакасско-Минусинской котловины связан в истоке с культурой местного неолита. Сложность этнической ситуации, сложившейся в Южной Сибири в эпоху раннего бронзового века, нашла отражение в материалах известного погребения вождя-жреца, сопровождаемого женой и рабыней, из могилы 4 Тас-хазаа. Вождь — привилого антропологического типа, жена — местного, а рабыня — соплеменница своего господина. Украшения и инвентарь этого выдающегося тройного комплекса также смешанные по истокам. Аналогичные особенности зафиксированы также в древних абаканских могильниках Верхний Аскиз, Камышта, Сагай, Бельтыры, Большое Кольцо. Все эти данные представляют существенный интерес, поскольку, по словам известного советского этнографа А. М. Золотарева, «следы мифологических заимствований ведут нас по путям антропологических смещений».

Какой же мифологический комплекс был воссоздан на памятниках искусства, оставленных племенами скотоводов и охотников севернее бассейна Абакана? Находки

из наиболее значительного могильника у речки Черновой, раскопанного ленинградскими археологами, сохранили следы примечательного для древней обрядности явления: плиты с гравировками, созданными предшественниками, были использованы для строительства могил — каменных ящиков, а также и каменных «подушек» под головами умерших. На одной из таких «подушек» оказалось изображение лося — редкого для искусства этой эпохи персонажа, но известного в мифологических воззрениях таежных племен. Реалистически изображенные быки, коровы, волы (?), иногда помеченные солярными косыми крестами, и два ворона составляли, очевидно, круг почитания их создателей, скорее всего скотоводов. Поверить в то, что рисунки создавались ради кратковременного использования, трудно, поскольку это не согласуется со сложными первобытными мифологизированными ритуалами. Плиты, разбитые на куски и просто подобранные для строительства, не могли быть предметом почитания!

История развития культур и рожденных в недрах их сложных мифических образов Южной Сибири рубежа каменного и бронзового веков составляет своеобразный кроссворд. Среди запечатленных на строительных плитах каменных ящиков особое внимание привлекает образ синкретичного существа с головой медведя, телом волка и лапами птицы. Этот персонаж знаком по наскальным изображениям Енисея. Известно также, что выразительная полуфигура волка — один из ведущих изобразительных компонентов на зооморфной статуе с озера Шира. Здесь волк изображен на груди зооморфной женщины с рогами коровы: он пытается схватить лапами и проглотить крупный солярный знак, едва ли не само солнце... Следовательно, приписывая авторство зооморфных статуй создателям культуры могильника Черновая, можно заподозрить их в небрежении к собственному сакральному персонажу? Конечно, нет! Просто следует отчетливо представлять значительную хронологическую протяженность и многокомпонентность культурного развития племен Южной Сибири эпохи ранней бронзы.

Еще один образ, запечатленный на обломках плит могильника Черновая, вызывает бесспорный интерес — Солнце с копытами (рис. 6, 2). Это солярный и одновременно орнитоморфный персонаж, выразительные параллели которому можно найти в глубинах индийской мифологии. Действительно, в древнейшем протондийском пантеоне

богов среди наиболее значительных мифологизированных персонажей известен Бог-Копьеносец, имеющий сходство с древне-тамилским Маругой, сыном бога Шивы по индуистскому канону. Маруга древних тамилы, доарийского населения Индии, сопоставим с Солнцем, с его культом связаны и змеи. И в наши дни правоверные почитатели древнего бога приносят змей как жертвоприношение в его храмы. Солнечный бог с копьём, изображавшийся в искусстве Индии в красном цвете, чем подчеркивался активный характер божества, — выразительный прообраз Солица с копытами из находок бронзового века в Южной Сибири.

В степи часто находят в каменных оградах тагарских курганов железного века (I тысячелетие до нашей эры), а также изредка стоящими самостоятельно плоские, подобно абаканским, стелы с изображением подовальной личины, как бы окруженной языками пламени, с «нагрудником» из сложных фигур, крупным «ртом». Эти своеобразные стелы (из Тазмина, Фарнуса, Солёноозерной на Белом Юсе, Черновой и других мест), возможно, созданы предшественниками ваятелей зооморфных статуй. Они развивали свою культуру синхронно с южным, абаканским культурным и художественным комплексом. Зооморфные статуи — предмет прошлых и будущих дискуссий археологов, этнографов и мифологов. Эти мегалиты южно-сибирских степей, не имеющие прямых аналогов в культурах древности, созданы как бы в расчете на изощренный полет мифологической фантазии. Изображения на зооморфных статуях, высеченные или выгравированные на камне, перенасыщены многокомпонентными образами. На первый взгляд они выглядят хаотичными, вычурными за счет причудливого переплетения фигур. Антропозооморфизм в них сочетается с астральной и солярной символикой. Впечатляют размеры этих мегалитов, а также своеобразие их формы: высота серповидных в разрезе фигур порой достигает 4 м. Каменные статуи, в принципе, однотипны. Они запечатлели грузную Женщину-Мать, подчеркнуты линии груди и живота. Статуи изготовлены из серого песчаника, а лучшие образцы — из красного гранита. Центром многофигурной композиции выступает овальный барельеф: лицо человека с удлиненными рогами коровы, реже — разветвленными рогами оленя. Обычно на личине обозначены три глаза. Моноумент часто бывает усыпан значками космического ха-

рактера, передающими многоцветные звезд, иногда они явно объединены в определенные созвездия. Часто эти звезды или маленькие «солнца» окружены символами бычьих рогов.

Этот символический образ гигантской Женщины-Матери тесно связан как с животным (и растительным?) миром, так и со стихией Неба. Новейшие мифологические изыскания, касающиеся широкого, воистину глобального пласта древнейших образов Матерей Природы, позволяют достаточно уверенно идентифицировать основной персонаж южно-сибирских каменных статуй с Землей-Матерью. В мифологиях Севера она выступает в образах Оленихи, Лосихи, Коровы. Практически каждый сибирский этнос донес из глубинных слоев своих мифологий до наших дней этот всеобъемлющий образ Земли, возникшей в безбрежном Мировом Океане, породившей затем и продолжившей рождать все живое. Но, может быть, это Солнце-Мать, подобная Солнечной Лосихе мифологии эвенков? Идентификация возможна, если учитывать подчеркнуто космический характер образа в целом. Этот ряд предположений, вероятно, можно продолжать, но его следует ограничить только двумя. Ведущие Матери Природы — образы автохтонные для Сибири. Считалось, что они были основными подательницами жизни: Земля — производящая, Солнце — всемерно поддерживающая родившуюся жизнь субстанция. Изображение эмблематического существа, венчающее головы статуй Матери Природы, четко вписывается в общую семантику образа — символа идеи всеобщего плодородия.

Примечательны и полусемантические образы зооморфных статуй Южной Сибири с многоракурсными изображениями. Особенно впечатляет уже упоминавшаяся статуя с озера Шира, изображения на которой «читаются» по-разному с различных сторон. В фас это бюст женщины, в боковом ракурсе — голова волка, пытающегося лапами и оскаленной зубастой пастью схватить крупный астральный или солирный знак, помещенный внизу живота женской фигуры. Лоб и глаза зверя — это одновременно грудь женщины, контуры его пасти — ее живот и спина, лапы зверя — ее руки (рис. 6, 1). Хищник, охотящийся за Солнцем, и Солнце с рогами — быть может, они представляют вариант мифа о Космической Погоне, известного от Тихого океана до Средиземноморья? В качестве ближайшей аналогии композиционной схеме изображе-

ний на зооморфных каменных статуях Южной Сибири могут быть приведены так называемые тотемные столбы индейских племен Тихоокеанского побережья Северной Америки. На этих поразительных образцах традиционного искусства, сохранившихся до наших дней, воспроизведены впечатляющие образы индейских мифологий. Среди них часто встречаются персонажи, хорошо знакомые по мифологиям Северной Азии: ворон, гагара, медведь-родоначальник. Индейские тотемные столбы именуются многозначительно, что и выдает их причастность к образам мифологии: «Солнце и Ворон», «Дерево Гагары», «Кац-Охотник и его Жена-Медведица». Среди мифологических персонажей можно назвать Медведя, Волка, Бобра, Медведя гризли, Кита, Ворона, Орла, Гагару, Утку, Ястреба, Сокола, Журавля, Комара, Стрекозу и Лягушку. Все они — представители мира Земли, Неба и Воды, образующие круг тотемных образов также и сибирских мифологий.

В изобразительной манере последовательного вертикального размещения мифологических фигур, а также в выделении главного среди них персонажа иногда усматривают нить повествования реальных индейских мифов. Некоторые их эпизоды дышат глубокой архаикой. К такому кругу относятся эпизоды мифологического «Цикла Ворона», известного как в Северо-Восточной Сибири, так и на Тихоокеанском побережье Северной Америки, сюжеты мифов об Орле и многие другие.

Проводя параллели между тотемными столбами индейцев и каменными зооморфными статуями Южной Сибири, столь очевидные как в семантике изображений, так и в вертикальной композиционной схеме, не следует искать пути непосредственных заимствований приемов и образов. Заимствования не было, но существовала сходная подоснова художественных изобразительных приемов передачи близких мифологических образов. Подобная вертикальная композиция в камне — наследница аналогичного расположения образов на растущих деревьях.

Именно такие объекты (из камня и дерева) естественного или искусственного происхождения послужили древнейшим прообразом более поздней, шаманской, идеи Мирового Древа и Мировой Лестницы. Через подобные конструкции реализовалось представление о роли шаманов как медиаторов, посредников между мирами. Однако в отдаленную эпоху, уходящую корнями своего мифологизи-

рованного мировоззрения едва ли не в глубины каменного века, идеи шаманства не могли найти подходящей как экономической и социальной, так и идеологической почвы для своего развития. Идеология шаманства, подобно древнейшим мифологическим воззрениям, представляет собой такую же глобальную мировоззренческую систему эпохи развития традиционных культур, как мифология в системе первобытности.

Примечательные параллели образам зооморфных статуй Южной Сибири, как в семантическом, так и в композиционном планах, могут быть обнаружены и в другом заповедном регионе традиционного изобразительного искусства — у эскимосов северо-восточной оконечности Азиатского материка. В Эквеном древнеэскимосском могильнике на Чукотке, раскопанном ленинградскими археологами, была обнаружена серия выразительных скульптурок зооантропоморфного характера из моржовой кости. Фигурки выполнены в многоракурсной манере, характерной для отдельных образцов древнего искусства верхнего палеолита и бронзового века. Заметим, что многоракурсный стиль изображения, как и в Малой Сие, служил целям более углубленного выражения архаической мифологической идеи о взаимопревращениях людей и животных. Наглядно иллюстрируется и перевоплощение звериных персонажей: Белый Медведь — Морж — Горный Баран, таких животных можно увидеть, поворачивая статуэтку. Примечательно вертикальное размещение некоторых композиций. В основном образе четко узнаваема центральная фигура мифологии эскимосов — древняя Мать Природы Моржиха Седна.

Столь же архаичен и способ своеобразного симметричного «рассечения» изображений, связанный с попытками более точной передачи сущности мифологического образа. Изображение как бы развернуто на две стороны, благодаря чему выявляется его ранее скрытая сторона. Именно такими изобразительными средствами передавался мифический процесс «выворачивания наизнанку» живого существа ради изменения его жизненной субстанции. В мифологическом контексте это символизировало смерть и возрождение ради жизни в новом внутреннем и внешнем облике. В таком мифологическом мотиве передается сущность известного обряда инициаций.

Тотемно-космогонические образы на древних мегалитических статуях Южной Сибири, их загадочные прообра-

зы, выгравированные на могильных плитах каменных ящиков, солнечные персонажи яркой культуры бассейна Абакана — явления мифологии и изобразительного искусства, имеющие общепланетную значимость. Образы, навеянные мифологизированным мышлением каменного века, лучистое Солнце, и по сей день озаряющее южно-сибирскую степь, Земля-Мать, чьи монументы стояли и стоят по енисейским долинам, подобно стражам, охраняющим границы древних пастушеских племен, — все это золотой фонд культур народов Сибири.

* * *

Как реальность и фантастика тесно переплетены в мифофольклорной традиции сибирских народов, так и наглядные свидетельства археологии и этнографии оказываются сопричастны народному пониманию законов развития природы, культуры и общества, имеющему исток в глубинах первобытности.

Мифологии народов Сибири, как наиболее архаичные, так и эволюционировавшие в направлении фольклора, эпоса, сказки, — равнозначное, культурно равноценное звено глобальной мифологической системы. Бесспорна особая значимость мифологического наследия сибирских народов в качестве консерванта древнейших представлений космогонического, антропогонического, культурологического и социального планов. Сибирь — одна из немногочисленных территорий земного шара, где можно услышать миф, увидеть художественное изделие, навеянное мифологическими представлениями, хранимыми традиционной культурой.

Этническая пестрота и разнообразие экологического фона не препятствовали возникновению принципиально сходных образов мировой мифологии. Это была заря истории культуры, и человечество ставило и решало задачи аналогичного порядка, связанные с первыми шагами человека современного типа в деле социального устройства и освоения окружающей природы. Поэтому, сравнивая мифы Сибири с мифами других народов мира, мы находим единый исток.

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимов А. Ф. Общее и особенное в развитии общества и религии народов Сибири.— Л., 1969.
- Анисимов А. Ф. Исторические особенности первобытного мышления.— Л., 1971.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Древняя Сибирь.— Л., 1968.
- Ларичев В. Е. Охотники за мамонтами.— Новосибирск, 1968.
- Ларичев В. Е. Дом из костей мамонта.— Красноярск, 1981.
- Мифологии древнего мира.— М., 1977.
- Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1.— М., 1980.
- Окладников А. П. Утро искусства.— Л., 1967.
- Пропи В. Я. Фольклор и действительность.— М., 1976.
- Ранние формы искусства.— М., 1972.
- Сказки народов Севера.— М.— Л., 1951.
- Стеблин-Каменский М. И. Миф.— Л., 1976.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Введение. Мифы в свете археологии	4
Г л а в а I. Многоликие Сестры Земли	15
Мать дней и ночей	—
Сестричка, спрятанная под очагом	32
Седна — прекрасная моржиха	41
Г л а в а II. Человек-Месец и его жены	50
Войди и шаманы	—
Предки из страны Сновидений	73
Две рабыни царя банту	80
Г л а в а III. Загадки древнего искусства	92
Скульптуры эпохи мамонта	—
Череп в альпийской венчере	106
Необожженное солнце стеной	116
Литература	126

Марьяна Дмитриевна Хлобыстина

ГОВОРЯЩИЕ КАМНИ

Сибирские мифы и археология

Утверждено к печати Институтом истории,
филологии и философии СО АН СССР

Редактор издательства *П. М. Анджиевская*

Художник *А. И. Смирнов*

Технический редактор *П. М. Бураченко*

Корректоры *А. А. Надточий, Г. И. Шведкина*

ИБ № 30340

Сдано в набор 09.01.86. Подписано к печати 20.08.87.
МН-02519. Формат 84 × 108 1/32. Бумага типографская
№ 1. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл.
печ. л. 6,7. Усл. кр.-отт. 7. Уч.-изд. л. 7. Ти-
раж 41000 экз. Заказ № 5. Цена 45 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Нау-
ка», Сибирское отделение, 630099, Новосибирск, 99,
Советская, 18.

4-я типография издательства «Наука», 630077, Новоси-
бирск, 77, Станиславского, 25.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

готовит к выпуску книгу:

Евсюков В. В. Мифы о Вселенной.
10 л.

В книге в научно-популярной форме освещаются религиозно-мифологические представления древних людей об устройстве Вселенной. На большом историко-культурном материале (мифах, преданиях и легендах об устройстве мироздания) автор знакомит читателя с моделями мироздания, созданными древними мифотворцами, с попытками древнего человека обобщить доступные ему знания об окружающей действительности, свести их в целостную гармоничную систему. Специальному изучению подвергнут такой важный аспект религиозно-мифологического мирозерцания, как его органическая связь с ранними этапами научного познания мира.

Книга представляет интерес для широкого читателя.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192, Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345, Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091, Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);

370005, Баку, ул. Джаперидзе, 13 («Книга — почтой»);

232600, Вильнюс, ул. Университета, 4;
690088, Владивосток, Океанский проспект, 140;

320093, Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);

734001, Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);

375002, Ереван, ул. Туманяна, 31;

664033, Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);

420043, Казань, ул. Достоевского, 53;
252030, Киев, ул. Ленина, 42;

252142, Киев, проспект Вернадского, 79;

252030, Киев, ул. Пирогова, 2;

252030, Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);

277012, Кишинев, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);

343900, Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);

660049, Красноярск, проспект Мира, 84;

443002, Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);

191104, Ленинград, Литейный проспект, 57;

199164, Ленинград, Таможенный пер., 2;

196034, Ленинград, В/О, 9 линия, 16;

197345, Ленинград, Петрозаводская ул., 7 («Книга — почтой»);

220012, Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);

103009, Москва, ул. Горького, 19а;

117312, Москва, ул. Вавилова, 55/7;

117192, Москва, Мичуринский проспект, 12 («Книга — почтой»);

620076, Новосибирск, Красный проспект, 51;

630090, Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);

142284, Протвино Московской обл., «Академкнига»;

142292, Пушкино Московской обл., МР, «В», 1;

620151, Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);

700029, Ташкент, ул. Ленина, 73;

700100, Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;

700187, Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);

634050, Томск, наб. реки Ушайки, 18;

450059, Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);

450025, Уфа, ул. Коммунистическая, 49;

720001, Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);

310078, Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).